

Разумные Игры

ПИТЕР КЕЙВ

КАК ПЕРЕХИТРИТЬ АРИСТОТЕЛЯ

и еще **34**
интересных способа
применения философии

РАЗУМНЫЕ ИГРЫ

РазУМные ИГРЫ

интересная работа
информация философия

1/2

PETER CAVE

how TO OUTWIT ARISTOTLE

and **34** other really
interesting uses
of philosophy

ПИТЕР КЕЙВ

КАК ПЕРЕХИТРИТЬ АРИСТОТЕЛЯ

и еще **34**
интересных способа
применения философии

Москва
2016

УДК 101
ББК 87
К33

Peter Cave
HOW TO OUTWIT ARISTOTLE

Copyright © Peter Cave (2012)

Originally entitled How to Outwit Aristotle

Illustrated edition originally published 2011, as How to Think Like a Bat

Published by arrangement with Quercus Editions Ltd (UK)

Кейв, Питер.

К33 Как перехитрить Аристотеля и ещё 34 интересных способа применения философии / Питер Кейв; [пер. с англ. В. Дудникова]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 400 с. — (Разумные игры).

ISBN 978-5-699-73765-9

Слово «философия» вызывает у вас скуку и зевоту, а в голову приходят только образы бородатых мужчин в тогах или медитирующих йогов? Но философия — это гораздо интереснее и актуальнее, чем нудные рассуждения длиной в тысячу страниц!

Из нашей книги вы узнаете о жизни, любви и смерти, базовых принципах логики и побываете в царстве загадочного и непознанного. 35 кратких статей помогут вам не только понять смысл жизни, но и выигрывать в спорах, отделять правду от лжи и распутывать самые сложные загадки.

УДК 101
ББК 87

ISBN 978-5-699-73765-9

© Дудников В., перевод на русский язык, 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	8
Глава первая. Как узнать, что вы существуете?	13
Глава вторая. Как проснуться гигантским насекомым, <i>но все равно остаться самим собой, а кем же еще?</i>	23
Глава третья. Как «поджечь» нейроны у себя в голове, <i>даже и не пытаясь это сделать?</i>	33
Глава четвертая. Как быть свободным <i>и не превратиться ни в шимпанзе, ни в разнузданного варвара?</i> . . .	44
Глава пятая. Как перехитрить Аристотеля <i>и самому побыть немного логиком?</i>	56
Глава шестая. Как выяснить, что есть истинное знание, <i>воспользовавшись наукой, описанным в этой главе?</i>	66
Глава седьмая. Как перестать бояться злого гения <i>и не сделаться «мозгами в чане»?</i>	76
Глава восьмая. Как побыть «духом в машине» <i>или это невозможно?</i>	87
Глава девятая. Как обойтись без чувств или верований, <i>а также прочих психологических штук?</i>	97
Глава десятая. Как поведать о будущем, <i>если это вообще можно сделать?</i>	108
Глава одиннадцатая. Как стать ученым-философом, <i>и желательно неплохим?</i>	119
Глава двенадцатая. Как подхватить смысл слов <i>и не стать Шалтаем-Болтаем, свалившимся со стены?</i>	130
Глава тринадцатая. Как понять, о чем мы говорим, <i>если знание об этом нам доступно?</i>	140
Глава четырнадцатая. Как не споткнуться на скользком пути, <i>не оступиться и устоять?</i>	152

Оглавление

Глава пятнадцатая. Как решить, кого спасти, <i>не утратив морали ни в чем?</i>	162
Глава шестнадцатая. Как не есть людей <i>и не мучить животных тоже?</i>	173
Глава семнадцатая. Как не поддаться собственной смерти, <i>пусть даже вам и принесли печальные известия?</i>	184
Глава восемнадцатая. Как быть Богом, <i>если существование Его возможно?</i>	195
Глава девятнадцатая. Как проникнуться симпатией к дьяволу <i>и взглянуть на религию свежим взглядом?</i>	205
Глава двадцатая. Как побыть в роли обезьянки, без остановки печатающей на машинке, <i>но, увы, не шекспировские тексты?</i>	215
Глава двадцать первая. Как соблазниться логикой, <i>но не поддаться обману и уловкам?</i>	226
Глава двадцать вторая. Как сделаться не только объектом страсти, <i>но и чем-то большим?</i>	236
Глава двадцать третья. Как не жить жизнью мерзкой, зверской и краткой <i>или Как возлюбить законы?</i>	247
Глава двадцать четвертая. Как вытерпеть то, что кажется несносным, <i>или стать вполне толерантным?</i>	258
Глава двадцать пятая. Как не стать трехногой лягушкой в мире морали, <i>где нужно твердо стоять на всех четырех?</i>	270
Глава двадцать шестая. Как не попасть в сети времени <i>и сохранить будущее, не теряя прошлого?</i>	281
Глава двадцать седьмая. Как перебороть искусственный интеллект <i>и найти свое место в мире?</i>	292
Глава двадцать восьмая. Как ввести в заблуждение самого себя, <i>забыв о собственной фруке?</i>	302

Глава двадцать девятая. Как полюбить то, что не существует, <i>причем не существует никогда?</i>	313
Глава тридцатая. Как не остаться присматривать за одеждой, <i>призвав на помощь логику и регламент?</i>	323
Глава тридцать первая. Как слушать пение сирен без опаски <i>и не чувствовать себя скованным разумом?</i>	334
Глава тридцать вторая. Можно ли думать как летучая мышь <i>и что об этом говорит наука?</i>	345
Глава тридцать третья. Как видеть красоту, <i>и не только глазами зрителя?</i>	356
Глава тридцать четвертая. Как узнать, когда остановиться, <i>... и прийти к завершению?</i>	367
Глава тридцать пятая. Как придать жизни смысл <i>и не катить валуны бесцельно?</i>	378
Глоссарий	390

ВВЕДЕНИЕ

Дама советует своему терзаемому чем-то другу: «Отнесись ко всему философски, и тебе не придется об этом думать».

Смотреть на вещи философски — иногда под этим подразумевается, что мы должны смиренно принимать все то, что преподносит нам мир. Однако же западная философия как наука — начиная с древних греков и вплоть до современной дисциплины, продолжающей свое существование в университетах, барах, кафе и даже спальнях, — весьма далека от безмятежного покоя, лишённого мыслей. Философы — думают, хотя и не готовы лишь соглашаться с действительностью — и не более того. Философы размышляют о том, что представляет собой само мышление и как мы мыслим об окружающем. И еще философов занимает, как мы осознаем самих себя и как определяем, что истинно, а что ложно, и как, наконец, мы находим смысл в жизни (если, конечно, мы его ищем).

Философы раздумывают над тем, что в значительной мере нам уже известно или, как мы полагаем, знакомо. В процессе своих исканий философы выявляют противоречия в наших мыслях или в сложившейся у нас картине мира. Философы обладают особым чувством на сгустки всего смутного и темного, таящиеся под покровом привычного для нас концептуализма, и стремятся вытащить их на свет божий. Но попытки эти могут быть успешными только тогда, когда удастся потревожить залежалые истины, срывая с них то,

что их укрывает. Примерно так, как чистят ковер, под которым скопились комья пыли. Приведу простой пример.

Мы часто толкуем поступки людей, рассматривая происходящее с позиций целенаправленной деятельности. Джоанна занимается бегом трусцой для здоровья, и здоровье — это цель. Однако может ли, в самом деле, здоровье служить объяснением ее занятиям джоггингом? В конце концов, предвкушаемое здоровье — это нечто из области будущего, так каким же образом будущее в состоянии стать причиной чего-то, скажем того же бега, в нынешнем времени? Впрочем, это только цветочки, ягодки еще впереди. Желаемое здоровье ведь способно остаться недостижимым — разве не может получиться так, что девушка довела себя бегом до изнурения и бросила это занятие? Так каким же образом нечто несуществующее (Джоанна ведь, как мы допускаем, терпит неудачу в своем стремлении к здоровью) объясняет бег трусцой в настоящем, а? Что ж, нам придется разобраться с этим сгустком противоречий. Для начала, причина всему — *страстное желание* Джоанны быть здоровой. Именно эта страсть и предваряет джоггинг, служа причиной действий бегуни. Выдохнем немного и с удовлетворением констатируем, что проблем с целеполаганием у нас теперь нет. Всё? Нет. Внутренний голос, взявший на себя роль философа, примется нашептывать: «Ага, так Джоанна жаждет обрести здоровье, но как же она может хотеть чего-то, что, возможно, и существовать-то не будет?» Похоже, мы споткнулись об очередную складку на ковровой дорожке, выстилающей путь наших мыслей, сделав шаг в область предположений, где нас ждут новые интеллектуальные препятствия.

Относясь по-философски к основным темам данной книги, мы должны не упускать из виду некоторые исходные положения, равно как и связанные с ними тонкие различия, не только постоянно проявляющие себя, но и помогающие многое прояснить. Однако спешу заметить, что даже эти тонкие различия, как их ни учитывай, порой порождают противоречия. Возьмем на заметку некоторые из принципиальных моментов прямо сейчас, не откладывая дела в долгий ящик.

Одно из таких различий заключается в несовпадении между тем, что происходит в действительности, и тем, что *могло бы* случиться. Барак Обама сделался президентом США в 2012 году, хотя мог бы им и не стать. То обстоятельство, что Обама является президентом США, в известном смысле случайный факт. Обама мог бы заниматься не политикой, а, скажем, свиноводством. (Мы ведь допускаем, что здесь кроется тонкое различие.) По контрасту с этим непреложная истина, а не случайный факт заключается в том, что число семь — нечетное. Совершенно очевидно, что слову «семь» когда-то могли бы придать значение «шести», но мы в данном случае говорим о *числе* семь, а не *слове* «семь».

Второе различие заключается в несовпадении знаний, которыми мы располагаем *a posteriori* и *a priori*. Обнаруживается оно, когда нас интересует, каким образом мы приходим к тому, что знаем или предполагаем. Большая часть наших знаний и немало предположений относится к окружающему нас миру — эмпирическому миру столов и стульев, полей и лугов, газет и прогулок в лесу. Мы выходим из дома и исследуем все вокруг или, по крайней мере, бездельничаем

перед телевизором, внимая во все глаза и уши тому, что льется с экрана. И знания, получаемые подобным образом, суть производное нашего опыта, возникающего при общении с действительностью, — то есть *апостериорные знания*. Однако есть знания и другой природы — *априорные*, и их главная особенность в том, что мы получаем их независимо от нашего личного опыта. Допустим, у нас есть представление о том, что такое умножение, следовательно, мы способны определить, что $9 \times 7 = 63$. Но даже если мы понимаем, что такое быть президентом США и что такое быть демократически избранным кандидатом на эту должность, мы не в состоянии — руководствуясь только чистой логикой — определить, что в 2012 году то был один и тот же человек. Нам нужен эмпирический опыт — итоги выборов, — чтобы точно знать, какое именно лицо имеется в виду.

Вечная головная боль философов — как избежать противоречий. Противоречивое утверждение не бывает истинным, оно всегда ложно. Например, не может быть истинным суждение о том, что данное предложение было написано на английском языке и одновременно — не на английском. Это предложение было либо составлено на английском, либо — нет. Суждение по типу «или/или (либо/либо)» необходимо, чтобы установить истинность утверждения. Последовательность в рассуждениях требует избегать противоречий. Если же предположение, рассматриваемое нами, противоречиво, то одно из утверждений — неистинно.

Саркастическая шутка о том, что в философии нет верных или не верных ответов на существующие вопросы, никуда не годится. Философы в состоянии

отмечать ошибки аргументации, включая непоследовательность в рассуждениях и ложные представления о том, чем являются или могут быть те или иные предметы. Однако, рассуждая подобным образом, мы должны признать, что философы все же придерживаются различных мнений относительно картины мира и того, каким образом нам следует ее создавать. Камнем преткновения служат вопросы свободы воли, человеческого самосознания, глубинных корней морали и так далее. Философия — живое учение. Есть своя парадоксальность в том, что эта научная дисциплина не только вдыхает жизнь в переосмысление идей великих мыслителей прошлого, таких как древние греки Сократ, Платон и Аристотель, но и побуждает к глубоким размышлениям, требующим новых и свежих подходов к вечным философским проблемам — в сущности, к новому и свежему пониманию самой жизни.

КАК УЗНАТЬ, ЧТО ВЫ СУЩЕСТВУЕТЕ?

Я мыслю, следовательно, существую.

Вы знаете, что существуете, — да, кажется, именно так все и обстоит. Вы читаете эти строки — или, по меньшей мере, думаете, что читаете, — и, возможно, вы еще и потягиваете какой-нибудь напиток и позевываете, прикрывая глаза. То есть — вы существуете. Ключевая идея воплощена в хорошо известной максиме «Я мыслю, следовательно, существую», связанной с именем французского философа XVII века Рене Декарта. Декарт пытался подвергнуть сомнению буквально все. И мысля обо всем и подвергая все сомнению — даже розовых слонов, которые чудятся пьяному, — Декарт, безусловно, существовал. Или, по крайней мере, полагал, что существует.

«Я мыслю, следовательно, существую»

Крылатая фраза «Я мыслю, следовательно, существую», или *or cogito ergo sum* на латыни, — вероятно, одна из тех, что лучше всех прочих известны любому философу. Но заметьте, это выражение не совсем корректно. Многие философы, несомненно, частенько говаривали: «Я устал» или «Мне бы еще глоточек», — и, вот уж точно, слова эти лучше знакомы большему числу людей.

Ключевой смысл *cogito ergo sum* выражен в слове *cogito*, в сжатом виде передающем основную идею: «Я мыслю,

следовательно, существую», — мышление служит доказательством человеческого бытия. И говорится все от первого лица: я знаю, что существую, потому что знаю, что мыслю, а само мое мышление есть явная и самоочевидная истина — впрочем, только тогда, когда я мыслю. Но даже если знаменитый афоризм верен и даже если поэтому мы с вами можем не сомневаться, что существуем, — а Декарт совершенно прав в своей уверенности, что он существует, и точно так же вы сами можете быть уверены в том, что, мысля, существуете, — даже при всей нерушимости этих суждений остается открытым вопрос: что есть «Я», которое мыслит и потому существует? Мы еще поговорим подробнее о «Я», или личности, в последующих главах. Пока же у нас достаточно вопросов, касающихся того, что считать истинным или ложным в отношении *cogito*. Однако, не оставляя эти проблемы без внимания, мы все же должны сказать несколько слов и о «Я», или, собственно, личности человека.

Афоризм Декарта представлен в простой логической форме. Исходная посылка — «Я мыслю». А то, к чему приходит философ, — «Я существую». Все выглядит обычным умозаключением, в котором посылка приводит к выводу. Давайте попробуем исследовать утверждение французского философа подобным образом, хотя известно немало споров на тему о том, предполагал ли сам Декарт, что с его идеей будут обращаться подобным образом.

Если предпосылка верна и если я могу вывести из нее последующее умозаключение, следовательно, я обязан знать, что существую. Если же и само умозаключение как будто очевидно истинно, то получается, что мышление, несомненно, требует существования человека. Но в своих знаменитых «Размышлениях

о первой философии» Декарт, рассуждая о том, что он может знать со всей очевидностью, фактически не использует точной формулировки своего *cogito ergo sum*. «“Я есмь” или “Я существую”, — пишет он, — является очевидно истинным всякий раз, когда я произношу эти слова или когда они возникают у меня в уме».

Cogito ergo sum в данном виде впервые появляется в более раннем трактате, во многом пролагавшем путь для «Размышлений». Остановимся на время, чтобы разобраться с вариантами *cogito*, а затем вернемся к «Размышлениям». Мы должны выяснить, насколько верна главная посылка. Проще говоря, вопрос в том, знаем ли мы, что мы мыслим?

МЫСЛЮ ИЛИ ГРЕЖУ?

Но я тотчас обратил внимание на то, что в это самое время, когда я склонялся к мысли об иллюзорности всего на свете, было необходимо, чтобы я сам, таким образом рассуждающий, действительно существовал. И заметив, что истина «Я мыслю, следовательно, я существую», столь тверда и верна, что самые сумасбродные предположения скептиков не могут ее поколебать, я заключил, что могу без опасений принять ее за первый принцип искомой мною философии*.

Декарт использует понятие «мыслить» в очень широком смысле — необходимом, чтобы передать всю полноту человеческого опыта, включая и чувства.

---

* Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках.

Но почему мы не можем расширить понятийные границы *cogito* еще более? В конце концов, я печатаю на клавиатуре компьютера — и, значит, существую. Пью вино — и, значит, существую. Нахожусь в окружении обожающих меня женщин — и, значит, существую.

Ну ладно, последнее — игра воображения, но не лишне помнить, что все мы не свободны от фантазий или ложных впечатлений, а также нам свойственно делать ошибки. То есть, если нам нужна абсолютная уверенность в выводах, рассуждения подобного рода никуда не годятся — избираемые нами предпосылки могут быть неверными. Иными словами, приходится сомневаться, действительно ли ты печатаешь на клавиатуре компьютера, попиваешь вино и тебя окружают прелестницы. Ведь все это может быть сном или просто грезами.

А вот — то, насчет чего уже не ошибешься: несомненно, *мне кажется*, что я как будто печатаю на клавиатуре компьютера, или *мне кажется*, что я как будто пью вино, или *все выглядит так*, что меня окружают обольстительные женщины и я в их глазах — привлекательный мужчина. Я не ошибаюсь относительно ощущений, которые у меня возникают, — как в случае, когда мне бывает больно. Думая о подобных вещах — а я, конечно, отдаю себе отчет в том, что именно *думаю* о них, — я могу прийти к заключению, что существую.

На это можно заметить, что следовало бы принимать во внимание и другую предпосылку — ту, которая остается скрытой в рассуждении Декарта, — а именно: «В том случае, если существуют наши мысли». И действительно, можем ли мы быть уверены в том, что они — часть реальности?

Вероятно, да, — можем. Если нечто мыслимо, значит, оно обладает существованием. Однако тут нас подстерегают две ловушки. Вот вам первая: в беллетристике персонажи думают. Джейн Эйр о многом думает, как и Оливер Твист, или Шейлок, или Шерлок Холмс, — однако же все они не существуют. Разве Шейлоку не могло прийти в голову: «Я мыслю, следовательно, существую»? Конечно, могло. Но — с уточнением: «в пьесе, сочиненной драматургом». Никакой описанный Шекспиром Шейлок в действительности опытом мышления не обладает. И вот вам вторая смысловая ловушка. А что представляет собой это «Я», это «нечто», мыслящее о чем-то в «в действительности»? Не слишком ли мы легко и поспешно готовы одобрить такие понятия, как «Я» и «Я мыслю»?

ПОМЫСЛЫ ПОД ДОЖДЕМ

Cogito Декарта критиковали под благовидным предлогом: мы не можем сказать «дойдет», не принимая в качестве заведомой истины, что «он», то есть дождь, «идет». Иными словами, Декарт имел право констатировать лишь то, что «мышление происходит», однако ни он сам, ни любой другой субъект не являются творцами мышления. Следовательно, посылка, из которой исходил Декарт, должна сводиться к утверждению «Мышление происходит», однако она не может быть равнозначна суждению «Я мыслю».

Аналогия с дождем изначально ущербна. Ну что такое дождь? Капли воды. И эти капли обладают определенными свойствами: они полны влаги, они более-менее округлые. Так что даже в примере с дождем мы нуждаемся в обозначении неких свойств, включая наполненность влагой или сферическую форму капель, — то есть нам не обойтись без субъекта действия. Применитель-

но к суждению «Мышление происходит» мы как будто заранее предполагаем, что есть нечто, производящее процесс мышления. И такое предположение не лишено оснований. Как можно, например, иметь в виду существование чего-то зеленого или округлого без наличия предмета, могущего быть зеленым или округлым? И разве не бессмысленно, как может представляться, рассуждать о мышлении, обходясь без того, кто творит мышление? Правда, аналогия с дождем перестает казаться малоубедительной, как только мы пытаемся понять, кто именно вовлечен в процесс мышления. Дождь — совокупность капель воды, и точно так же мышление — совокупность мыслей. Так не следует ли нам рассматривать мысли как отдельные сущности со своими свойствами? И в этом случае уже не требуется «нечто», чему дождевые капли соответствуют в совокупности, — все сразу и как единое целое.

Впрочем, мы можем по-прежнему настаивать на том, что должен быть и субъект — творец каждой мысли. Однако отсюда — огромное расстояние до привязки к ограниченному существованию одного и того же мыслителя, неизменного во времени и рождающего такие идеи, как «Я мыслю», «Я существую», «Какой я умный французский философ» и так далее. В главе 2 мы вплотную подойдем к вопросу, что считать постоянным «Я» в потоке времени. Спустя сотню лет после Декарта Дэвид Юм фактически подверг глубокому сомнению существование «Я», отметив следующее.

... когда я по-настоящему глубоко проникаю в то, что называю самим собой, я всегда сталкиваюсь с каким-то конкретным восприятием — тепла или холода, света или тени, любви или ненависти, боли или удовольствия. Мне никогда не удается уловить самого

себя отдельно от восприятия и наблюдать что-либо, кроме восприятий*.

Позвольте нам продолжить, перейдя от суждения «Мышление происходит» к тому, кто мыслит, то есть в данном контексте к самой мыслящей личности, впервые назвавшей себя «Я». Теперь я могу представлять себя как субъект, существующий во времени, однако факт моего мышления сам по себе ничего не говорит о моем существовании в прошлом или будущем. Иными словами, рассуждения Декарта приводят лишь к доказательству моего нынешнего существования — того, что может относиться только к данному моменту. Не слишком впечатляющая мысль, согласитесь, ибо все мы, конечно, думаем о себе как о тех, кто имеет прошлое и (убывающее) будущее. Тем не менее давайте выясним, что еще выводит Декарт из своего *cogito*.

ОШИБКА, КОТОРАЯ МОГЛА БЫ СЛУЧИТЬСЯ С ФИЛОСОФОМ В ВАННОЙ

Я мыслю и, согласно рассуждениям Декарта, могу умозаключить, что мышление есть неотъемлемая часть и залог моего существования. Верно и обратное: если я не мыслю, значит, не существую. И здесь возникает тень парадокса. Разве я не существую — слышится крик негодующих критиков, — когда сплю здоровым сном и не вижу сновидений? Декарт, как будто предвидел подобный упрек — мы сохраняем сознание, даже видя сны, но по пробуждении способны забывать, что нам могло нечто сниться.

Похоже, в рассуждения Декарта о том, что мышление составляет сущность его бытия, вкралась простая

---

* Юм Д. Трактат о человеческой природе.

ошибка. Когда бы французский философ ни размышлял о чем-то, он отдает себе отчет в том, что мыслит, — и в этом нет ничего особенно удивительного. Из того, что человек замечает, что он мыслит, когда мыслит, и потому приходит к выводу, что в такие минуты существует, — из всего этого еще не следует, что он же не существует, когда не мыслит. Ясно, что человек не замечает, что существует, когда не занят размышлениями на сей счет, поскольку, чтобы заметить свое существование, нужно подумать о нем. Ошибка Декарта сродни той, что возникает в рассуждениях, приводимых ниже. Предположим, вы размышляете о неких философских материях, только погрузившись в ванну. И, продолжая размышлять все о том же, замечаете, что стали мокрым в своем существовании. Было бы совершенным вздором умозаключить, что мокрая кожа — залог вашего бытия. Но все-таки будем по-прежнему исходить из того, что мышление существенно для нас. Впрочем, Декарт идет дальше: мышление не просто существенно, оно — вся наша сущность. То есть прочие свойства человеческой природы не настолько существенны для нас, чтобы благодаря им мы могли существовать. Именно мышление есть сущность человека. И хотя я — мыслящий субъект, заключенный в телесную оболочку, не она — существенная часть меня самого.

Декарт приходит к идее «цельной сущности», совершая по пути еще один ошибочный шаг, — так, по крайней мере, выглядит дело. В своих рассуждениях Декарт отталкивается от того, что единственное, что он может знать о своей сущности, даже когда спит, видя сны, или впадает в заблуждение, — только его собственное мышление. Однако из того факта, что единственное, что мы замечаем в отношении собственной сущности, есть мышление, все же не следует,

что мышление — единственное, что может быть связано с нашей сущностью. Мы можем просто проглядеть множество иных, существенно важных для нас вещей.

УРОК ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Люди, хотя бы отчасти знакомые с рассуждениями Декарта, порой говорят, что он доказал главное: он должен существовать — и существует со всей определенностью. Но ведь только Бог существует со всей определенностью (если Он есть), так что Декарт не мог думать, что его, Декарта, существование может быть непреложно в таком же, Божественном, смысле. (Декарт, хоть и француз, гордыней не страдал.) Вероятно, имелось в виду — и могло, очевидно, вводить в заблуждение, — что когда Декарт существовал, он *должен был* существовать. Попробуем во всем разобраться. Суждение «Если я мыслю, следовательно, *должен* существовать» — двусмысленно. Корректнее было бы утверждать: «Если я мыслю, то отсюда со всей определенностью следует, что я существую». Второе суждение заметно отличается от высказывания «Если я мыслю, отсюда со всей определенностью следует, что я непременно должен существовать». Откуда берется это «непременно»? Это «непременно» ничем не обосновано. Хотя я, допустим, и существую, отсюда еще не следует, что я *должен* существовать. Мог бы и не существовать. Мои родители могли бы никогда не встретиться или, встретившись, не стали бы проделывать своими телами всякие милые штуки. Человеческое существование — и ваше, и Декартово — все это игра случая. Все это *может быть*, но не является чем-то обязательным и предопределенным.

Да, в своих «Размышлениях» Декарт пишет: «Я есть», «Я существую» — это всякий раз истинно со всей

определенностью... и я мысленно отдаю себе в том отчет». Однако французский философ вовсе не имеет в виду, что сам он *должен* существовать. Скорее, «Я существую», когда мыслю, постигаю что-либо или облакаю свое понимание в слова, выступает в роли самоочевидной истины. Поэтому *cogito* Декарта даже не нуждается в доказательствах, которых требует любое из «чистых» умозаключений. Декарт представляет свое «Я существую» как ни на что иное не похожую, основополагающую и самоочевидную идею. Ну, как если бы вы вскричали: «Кто-то кричит», — и ваши слова, ваш крик не могли бы не быть истинными по определению, а в противном случае, когда бы вы вскричали: «Никто не кричит», — ваши слова не могли бы не быть явно ложными.

А НЕ ПОЗАИМСТВОВАЛ ЛИ ДЕКАРТ СВОЕ *COGITO*?

Декарта считают основателем современной философии, потому что он стремился понять мир «с чистого листа», не следуя за мудрецами прошлого и не опираясь на Библию. Но известно также, что и Блаженный Августин в своих сочинениях V века использовал термин *cogito*. В какой мере мысли Августина повлияли на Декарта, мы не знаем, однако можно предполагать, что от внимания французского философа они не ускользнули. Декарт, однако, использовал *cogito* в более радикальном смысле — как основу для поисков определенности и истинности. Устремления эти действительно многое определяют в философии. Правда, не только в ней одной, но и в области комического — тоже. Как часто, интересно знать, изнывают официанты, вынужденные слушать бормотание подвыпивших философов: «Я пью, следовательно, существую»?

КАК ПРОСНУТЬСЯ ГИГАНТСКИМ НАСЕКОМЫМ, НО ВСЕ РАВНО ОСТАТЬСЯ САМИМ СОБОЙ, А КЕМ ЖЕ ЕЩЕ?

Проснувшись, вы нечасто думаете, кто вы, — ну, или быстро вспоминаете. Вы же помните свое прошлое, хотя бы часть его, — и потому можете сказать себе, вы это в самом деле или кто-то другой, чьи поступки вы еще не забыли. Разве сейчас, в данный момент, вы беспокоитесь насчет того, кто именно читает эти строки? Должно быть, и планы вы тоже иногда строите, не так ли? Но что придает вам уверенности в том, что именно ваше существование простирается в будущее? Что делает вас одной и той же личностью в то время, когда в будущем вам предстоит начать жить на пенсию, а в прошлом вы, именно вы, когда-то влачили на занятия в школу?

ПРЕВРАЩАЯСЬ...

Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Грегор Замза обнаружил, что он у себя в постели превратился в страшное насекомое. ... «Что со мной случилось?» — подумал он*.

Хотя новелла «Превращение» Франца Кафки — это вымысел, но зерно истины в подобных сюжетах всегда есть, будь то легенды, мифы или научно-

---

* Кафка Ф. Превращение.

фантастические произведения, рассказывающие, как люди переживают радикальные телесные изменения, а порой и меняются телами. Похоже, во всем этом нет ничего, что бы противоречило возможности получить иное тело, а иногда даже и мозг, но сохранить себя — собственную личность. В придуманных историях принцы, бывает, превращаются в лягушек, в реальности же все атомы, из которых состоит наше тело, включая и мозг, постепенно замещаются другими атомами, тем не менее мы не утрачиваем индивидуальность. Более того, многие религиозные люди верят, что существование их продолжится даже тогда, когда от телесной оболочки не останется и следа.

Пусть даже мы и способны мысленно представлять, рисовать на холсте или на бумаге, видеть во сне или в мечтах иные изменения, происходящие с нами, из этого еще не следует, что плоды воображения или сновидения возможны с логической точки зрения. Голландский художник М. К. Эшер рисовал лестницы, ступеньки которых восходили все выше и выше, хотя и оставались частями замкнутой фигуры, однако такая последовательность ступеней существовать в действительности не может. В некоторых волшебных сказках принц превращается в камень, а затем снова обретает человеческий облик, однако с позиций здравого смысла все это просто невозможно — никто из нас, даже принц, камнем быть не в состоянии.

Разумеется, идентичность не равнозначна отсутствию всяких изменений, однако свои пределы в этой области тоже имеются. Небольшое устройство для отжимки белья, которое у меня есть, все то же, каким было, когда я глядел на него не один год назад, хотя валики и поизносились. Однако поставьте на то место, где отжимное устройство находилось

мгновением раньше, вазу с цветами — мы же не придем теперь к выводу, что это устройство сделалось вазой: в подобном рассуждении скрыто противоречие. Иными словами, нам нужно быть осмотрительными, решая, что логически — и, казалось бы, без всяких противоречий — мы можем нарисовать, вообразить или увидеть во сне.

А вот и еще одно предупреждение. Пусть не сбивает нас с толку разница между тем, как мы говорим, что представляет собой конкретный человек, и тем, что действительно составляет его личность. Скажем, я встретил на прошлой неделе Керри и не сомневался, что то была она, — обычно в таких случаях нам помогает внешность, или отпечатки пальцев, или анализ ДНК... Но мы же не можем думать всерьез, что постоянство личности в потоке времени обуславливают именно эти характеристики, не так ли? С позиций логики вполне возможно, что я обнаружу себя с иными отпечатками пальцев, иной ДНК или новой внешностью (вот это было бы особенно славно), а также, возможно, в каком-то незнакомом месте, но — все равно — я буду самым собой.

ЗАБЫВАЯ ЕЕ КАК ЛИЧНОСТЬ

Даже с учетом вышеупомянутого предупреждения мы тем не менее в состоянии здраво рассудить, не опасаясь никаких противоречий, что однажды утром можем проснуться не в своем теле и, более того, в совершенно ином месте. Но если здесь нет противоречия, то каким образом нам предстоит сохранить собственную индивидуальность в будущем? Как в тех же самых по крайней мере обстоятельствах наше существование должно продлиться не в телесном непосредственно смысле, а в психологическом?

Гигантское насекомое, упомянутое нами выше, осознает себя как Замза, ибо обладает памятью этого человека, связанной с поступками, совершенными накануне, и переживает чувство удивления, обнаружив себя не в человеческом обличье... Именно так и проявляется психологическая непрерывность личного существования, составляя основу самоидентификации. Однако подобное понимание происходящего быстро порождает проблемы. Одна из них касается психологической репликации, однако сначала мы должны затронуть другую, связанную со степенью психологической «протяженности» личности. Вопрос в том, насколько «объемна» эта «протяженность».

Чтобы в своем существовании оставаться самим собой, мне нужно помнить свои действия, надежды и чувства — но только в известной мере и до определенного предела. В конце концов, я же не в состоянии запомнить все свое прошлое и, храня в памяти иные эпизоды детства, легко могу позабыть некоторые из недавних событий. Воспоминания, развернутые во временной протяженности, взаимно накладываются и сплетаются друг с другом, как волокна, свитые в веревку. Нам нужно с умом обращаться с этими воспоминаниями — воспринимая прошлые поступки как бы изнутри, а не с позиции стороннего наблюдателя, но все же наши воспоминания не должны полностью сливаться с тем, что мы считаем собой. Если «Я» равнозначно собственным воспоминаниям о прошлых действиях, то мы попадаем в ловушку порочного круга, в принципе лишая себя возможности получить внятное объяснение. Позвольте сказать, что бродить в поисках объяснений по кругу мы не станем, но нащупаем путеводную нить, исследуя, каким образом одно накладывается на другое в психологической «протяженности».

Многие люди на определенном этапе своей жизни страдают амнезией в большей или меньшей степени. Скажем, наша любимая тетушка Агата вдруг перестала помнить, кто она такая, растеряв всю память, а ее характер заметно переменялся. Возможно даже, что она утратила способность к связной речи. И, вероятно, в какой-то момент мы, наблюдая все эти потери, следующие по нарастающей одна за другой, можем подумать, что тетушка Агата уже не с нами — осталась лишь ее физическая оболочка. И мысль эта вполне согласуется с пониманием личности, требующим психологического постоянства во временной протяженности. Да, конечно, мы можем по-прежнему со всем уважением относиться к дому и прочему имуществу нашей тетушки, однако наше отношение в данном случае будет изрядно напоминать уважение к ее посмертной воле, выраженной в завещании.

ЗАБЫВАЯ СЕБЯ КАК ЛИЧНОСТЬ

Мы толковали о тетушке Агате, рассматривая происходящее с ней с позиции внешнего наблюдателя и говоря о ней в третьем лице «она», — но поразмыслим теперь о нашем собственном будущем, как если бы мы сами утратили память. Взглянем на предмет нашего интереса с внутренней позиции, от первого лица, говоря о себе «я». В данном случае возможны два подхода.

Предположим, несчастный случай оставил без памяти меня самого, и я, Питер Кейв, уже самим собой себя просто не ощущаю. Будет ли выжившая сознательная сущность все еще мной? Ну, биологическое существо — кусок плоти, которым я был до приключившегося несчастья, — продолжит свое существование в виде того же куска плоти и после инцидента, однако разве этого достаточно, чтобы я мог считать

самим собой выжившее нечто? Истории, рассказывающие о смене тел, ясно показывают: чтобы существовать во времени в качестве самого себя, вовсе не обязательно всегда иметь одно и то же тело. Истории, связанные с потерей памяти, приводят к мысли, что телесной оболочки как таковой недостаточно, чтобы человек был и всегда оставался собой.

Предположим теперь, что мы поторопились приравнять человека, потерявшего память, например меня, к тому, кто утратил собственную личность, — и тетушка Агата все еще с нами, несмотря на крайнюю степень амнезии. Рассмотрим теперь следующую возможность.

Завтра с этим телом — «моим телом» — станут обращаться так, точно оно вовсе не имеет значения. Мои воспоминания сотрутся, и мне предстоит пережить мучительную физическую боль. Так неужели и теперь, ощущая жестокую боль в своем теле, я не смогу судить о том, что значит быть собой, пусть даже и страдая амнезией? Эти мучения ведь переживает не кто-то другой? И нельзя же предположить, что мое «Я» не ощущает этих мук? Но еще лучше — с позиций аргументации, разумеется, а не в роли жертвы — предположить, что боль я начал ощущать еще до того, как утратил память, и потому страдаю я, именно я, а не кто-то иной. Но боль все длится и длится, и пытка эта постепенно заставляет меня забывать все, что я делал ранее, а также мое имя, надежды и планы. Так разве не я — не мое «Я» — все еще ощущает боль? И разве не я корчусь от боли, даже если странные, дикие мысли приходят мне в голову и заставляют «вспомнить», что я — король в расцвете своего могущества? Но вернемся к новелле Кафки. Грегор Замза просыпается в виде насекомого. Но нельзя ли предположить, что некое насекомое очнулось от сна, по ошибке приняв

себя за человека по имени Грегор Замза? Как найти и определить различие между тем, что мое «Я» обретает новое тело», и тем, что мое «Я» остается в прежнем теле, но — с ложными воспоминаниями?»

ДВА СОЗНАНИЯ НА ОДНОГО — ИЛИ ДВЕ ТЫСЯЧИ ДУШ И ЕЩЕ ДВЕ ВДОБАВОК?

Психологическая «протяженность», или лишенная временного разрыва личная идентичность, может оказаться вовсе не тем, на что претендует. Вспомните пример с мучительной болью. Похоже, ощущать себя собой вас заставляет не что иное, как ваше собственное тело. Мы приходим к еще одной проблеме, касающейся психологической «протяженности».

Допустим, вы просыпаетесь в незнакомом окружении. Чтобы оттенить всю важность «первого лица», я буду говорить «я» и «мне», но прошу вас, не забывайте ставить на мое место себя.

Я очнулся в какой-то непривычной для меня обстановке, и мое тело было как будто не совсем моим, словно бы немного «подновленным». «Где я?» Профессор Заг — во всяком случае, такое имя значилось на его бейдже — смотрел как будто поверх меня, спрашивая, как мое имя и кто я такой. И я честно отвечал, что, разумеется, я — Питер Кейв. «А, так все получилось! Отлично, — сказал профессор. — Ваше прежнее тело отжило свое, оно почти умирало, и мы как можно скорее скопировали ваши воспоминания и планы, все, что было у вас в сознании, и переместили в ваш телесный дубликат. И хорошо, что успели вовремя».

«Как это мило с вашей стороны», — ответил я, радуясь тому, что остался жив и чувствую себя лучше прежнего. Я уже собрался уйти, когда заметил, что

рядом приходит в себя кто-то другой, с виду похожий на меня. «Кто это?» – спросил я. «О, это просто ваша вчерашняя копия. Мы подумали, что лучше будет все продублировать на случай, если что-то пойдет не так, как надо, с первым из вас. К счастью, ничего дурного не произошло».

К счастью? К счастью?! И какой же вывод мне сделать из всего этого? Что другой Питер Кейв смотрит на меня, озадаченный не меньше меня самого? «Питер Кейв – это же я», – говорит он. Мы скопировали память и характерные черты – как будто установили на разные компьютеры одно и то же программное обеспечение, – и что теперь, жить с одной загадкой на двоих, пытаюсь понять, кто же из нас – «Я»? И с чего бы это нам останавливаться всего на двух экземплярах, если их можно произвести тысячу и еще два? Чтобы не усложнять дело, останемся пока только в виде двоих. В данном случае двоих вполне достаточно, чтобы обозначить проблему.

Допустим, мне, Питеру Кейву, рассказали, что происходило до операции профессора Зага, то есть что мое старое тело, включая мозг, умирало, но беспокоиться мне все же не о чем, потому что мое «сознание», иначе говоря, моя психология, заключенная в структурированной нервной деятельности, будет перенесена в новый мозг. Если данная операция обойдется без дублирования, то я смогу думать, что «окончательный вариант» личности будет именно мной. В конечном счете я – мое «Я»? – очнется после наркоза, говоря, что Питер Кейв остался собой и страшно рад, что все прошло хорошо. Но как мне относиться к предполагаемому будущему, если две индивидуальности (в случае создания двух моих копий) в равной мере заявят притязания

на меня самого? Если я идентичен обоим «результуирующим» индивидуальностям, следовательно, они обе тоже должны быть совершенно идентичны, а номер один и номер два будут воплощать одну и ту же личность? Но ведь это же полная нелепость! Возможно, я останусь одной личностью, распространившейся на два одинаковых тела, но каким образом мне удастся разумно держать под контролем сразу две телесные оболочки, у каждой из которых — свой взгляд на окружающее? И каким образом «индивидуальное содержимое» каждой из этих двух телесных оболочек сумеет мыслить о себе отдельно от содержимого другой?

ТАК КТО ИЗ НАС ВЫЖИВЕТ?

Знакомясь с сумасшедшими мысленными экспериментами наподобие тех, что были рассмотрены выше, чувствуешь себя сбитым с толку, стоит только спросить себя прямо: «А *оно* будет мной или нет?» Таких экспериментов описано много, очень много — с различными вариантами репликации и расщепления мозгов, телепортацией физических оболочек и даже психологическим слиянием подопытных вместо их разделения. Можно было бы просто проигнорировать все это безумие, однако если нечто подобное вообразимо, то нам, безусловно, следует оценить, насколько наши концептуальные представления с подобным сумасшествием соотносятся, — если вообще стоит об этом говорить, вместо того чтобы немного подождать и поглядеть, чем все обернется.

В отношении экспериментов подобного толка нам остается только одно — безнадежно твердить, что никто не возьмется со всей точностью утверждать, является ли репликант «мной» или кем-то еще. Не исключено, правда, что нас держит в плену альтернативное

мышление и применительно к конечному «варианту» мы рисуем мысленно только одну картину: это я или не я. Но, может быть, «черно-белое» мышление в данном случае ошибочно? В конце концов, мы же не можем скальпелем провести черту, отделяющую одно человеческое существо от другого, не имея возможности точно установить, где начинаюсь я, а где, скажем, вы. Оплодотворенная яйцеклетка, эмбрион, плод в матке, ребенок, постепенно растущий и становящийся вами, полноценным индивидуумом... Так может ли существовать абсолютная разделительная линия, очерчивающая мои границы как одной и той же личности, сохранившей самоидентичность даже в итоге весьма эксцентричных экспериментов? Вероятно, самый правильный ответ: «Нет!»

Итак, мой мозг разделят на два точно таких же или создадут две мои копии — и к следующему дню тело мое будет разрушено, но две индивидуальности очнутся после операции, найдя в себе все мои воспоминания и верования. И что произойдет в том случае, если одной из двух копий суждено провести в телесных муках всю оставшуюся жизнь, в то время как другая станет наслаждаться всем, чем пожелает? Как я сумею заглянуть в будущее? Или не окажется у меня будущего вообще, потому что я уже умер? Или мое будущее наполнит вечная боль? Или оно же исполнится блаженства? Возможно, правильнее всего было бы признать, что мне предстоит жить отчасти в качестве того, кто испытывает муки, и отчасти в качестве того, кто блаженствует. Возможно, в отношении будущего мне предстоит пребывать в «двух сознаниях». И когда обе личности оглянутся назад, то, пожалуй, у каждой из них будет право думать о себе: «В значительной мере я — тот же человек, кем был Питер Кейв накануне».

КАК «ПОДЖЕЧЬ» НЕЙРОНЫ У СЕБЯ В ГОЛОВЕ, ДАЖЕ И НЕ ПЫТАЯСЬ ЭТО СДЕЛАТЬ?

Актеры входят в роль, пытаются быть тем, чем не являются. Философов это наводит на простой как будто вопрос, что считать содержанием действия. Что именно мы делаем, когда что-нибудь делаем, — и каким образом мы проделываем все, что бы мы ни проделывали? Мы ходим и разговариваем, мы поднимаем руки и двигаем ногами. Как мы все это делаем? И как то, что мы проделываем в настоящий момент, отличается от того, что уже проделано нами? Ответы, которые сразу же напрашиваются, указывают на наши желания, решения или намерения как на ментальные события или состояния. Однако нам предстоит увидеть далее, что действия, производимые нами же, могут быть отчасти загадочными.

МАЛЕНЬКИЕ АКТЫ ВОЛИ

Кембриджский философ Людвиг Витгенштейн просит нас предположить, что рука человека поднимается. Теперь, если человек поднял руку — допустим, должен был это сделать, — несомненно, в происходящем кроется нечто большее, чем просто подъем руки. В конце концов, рука могла бы подняться самопроизвольно, вследствие автоматической реакции, — скажем, если ее прежде сильно прижать к стене, а затем отпустить, — и человек, в сущности, здесь

ни при чем. Еще вариант — его руку могли поднять другие люди, а хозяин руки никак не контролировал это движение. Если руку поднимали другие или она поднялась самопроизвольно, высвободившись из-под какого-то сковывающего ее давления, то хозяин руки в этом смысле пассивен. Если же он сам поднял руку, значит, он был тем, кто произвел действие. Так что же делает агент, или субъект, действия, производя определенное действие? Вот что пишет об этом сам Витгенштейн.

Когда «я поднимаю свою руку», поднимается моя рука. И возникает проблема: что же останется, если тот факт, что я поднимаю руку, отделить от того, что поднимается моя рука?*

В этой связи просматривается предположение: поднявший руку породил причину того, что его рука поднялась, — он сам хотел поднять свою руку. Но эта идея не оправдывает смысла, на который претендует. Вероятно, человек действительно хотел, чтобы его рука поднялась, — однако же если он парализован, то причину следует искать в том, что он *хотел от других*, чтобы они подняли ему руку. То есть во втором случае не он был тем, кто поднимает руку. Другое предположение: человек хотел, чтобы его рука поднялась, — и его желание служило *прямой причиной* движения руки. Однако и здесь кроется неточность. Мы можем выбирать для себя, что именно сделать, но мы же не вольны в своих желаниях. Вы можете решить *поднять* руку, но вы не более можете *решить захотеть* поднять свою руку, чем захотеть с удовольствием отведать

---

* Витгенштейн Л. Философские исследования.

заплесневевшего хлеба или хлебнуть какого-нибудь ужасного на вкус медицинского снадобья. Иными словами, в связи с проблемой, обозначенной выше, мы можем уверенно полагать, что когда человек сам, то есть без всяких вспомогательных блоков и шкивов, поднимает свою руку, то движение ее должно предвещать ментальное событие — решение, или волевое усилие, или мысленная попытка, — благодаря чему рука и двинется вверх. Так или иначе, но человек должен проявить волю к тому, чтобы его рука поднялась, — именно акт воли и служит причиной подъема руки. Акт воли — инструмент, посредством которого приводится в действие рука.

Однако представление о действиях как о чем-то таком, что непременно должно отвечать неким ментальным событиям, например волевым актам, которые предшествуют телесным движениям и порождают их, приводит к множеству проблем. Для начала рассмотрим опыт нашей повседневной деятельности. Подумайте, сколько всего мы делаем ежедневно: варим кофе, подбегаем к автобусу, водим машину, останавливаемся у светофора, включаем компьютер, звоним по телефону приятелю, ласкаем любимых, убираем одежду, устанавливаем время звонка на будильнике. И что, каждое действие требует волевого усилия или ментального события, то есть своего рода внутреннего старания сделать что-либо, — и только тогда каждое из наших действий становится частью реальности? И сколько именно таких волевых актов нам требуется? Скажем, звонок приятелю — это прямое следствие одного волевого акта, или же нам необходимы отдельные проявления воли для того, чтобы снять трубку, набрать номер, нажать кнопку «Соединение» — ну и так далее?.. Похоже, в наших

обыденных делах, включая в добавление к вышеописанным и множество иных примеров, никакие «маленькие акты воли» нам не требуются.

Сторонники «волевого подхода» иногда утверждают, что ментальные события не могут не происходить, если происходят действия. То есть ментальные события, вероятно, имеют место, но остаются незамеченными, поскольку, возможно, совершаются подсознательно. В ответ, со своей стороны, спросим: зачем постулировать такие ментальные события, если нет очевидных свидетельств в пользу их существования? «Поклонники воли» отвечают в том смысле, что нам следовало бы вновь рассмотреть вопрос, с которого все начиналось. То есть без представления о ментальных событиях не обойтись, если мы хотим определить разницу между тем, что есть нечто просто происходящее и нечто совершаемое кем-то (агентом действия). С нашей стороны можно заметить: а зачем предполагать, что для установления подобного различия *должны* иметь место подобного рода ментальные события? Нет сомнений, что телесным движениям предшествует немало физических и неврологических «событий», однако мы говорим не об этих «событиях», а о том, что, прежде чем люди осознают свои телесные движения, эти же люди могут определить различие между тем, что просто происходит как бы само собой, и тем, что производится агентами действий. Далее. Даже если проигнорировать тонкий момент, смысл которого в том, что «маленькие акты воли» часто, по всей видимости, отсутствуют как таковые, ментальные события, о которых мы ведем речь, вызывают у философов недоуменное смущение даже тогда, когда, несомненно, существуют.

СМЕЛЕЙ! ПУСТЬ ПТИЧЬЕ ПЕРО ВЗЛЕТАЕТ ПО ВАШЕЙ ВОЛЕ!

Выделение «маленьких актов воли» — своего рода ментальных подступов к действиям или соответствующих решений — необходимо, чтобы можно было рассматривать телесные движения как поступки, за которые отвечает агент действия. Смущает при этом статус этих актов воли. Языковая формула «акты воли» указывает на то, что они порождают действия. Вернее было бы сказать в данном контексте, что они — суть сами действия. Мы вовлекаемся в данный процесс в своем стремлении что-то сделать, например поднять руку, но действие не может состояться в отрыве от соответствующего акта воли. Получается, что если акты воли суть также сами действия, значит, определенный акт воли также требует своего акта воли, — и цепочка подобных рассуждений неминуемо заводит нас в тупик. Головоломка, однако. Причем есть и вторая головоломка, и связана она с тем, что именно следует вкладывать в само понятие «маленьких актов воли» или решений, которые, как предполагается, необходимы для движения наших конечностей или совершения прочих действий. Рассмотрим три ключевые возможности, связанные с данным вопросом. В этом нам по-прежнему поможет простой пример с подниманием руки.

Допустим, когда вы поднимаете руку, ваша воля диктует — поднять руку. Но такая констатация ничего не добавляет к нашим рассуждениям. Мы по-прежнему стоим перед необходимостью определить, что именно поднимает нашу руку. И мы точно так же должны знать, что именно составляет содержание соответствующего волевого акта.

Возможно, возбуждение некоторых нейронов у вас в голове порождает электрохимический отклик в ваших мускулах — и ваша рука поднимается. Однако единственный способ узнать, как реализуется этот отклик, — поднять руку. Благодаря тому что вы поднимаете руку, чуть раньше и возникают изменения в нейронных цепях головного мозга. И снова мы должны признать, что по-прежнему не понимаем, что составляет содержание «маленького акта воли», находящего себе воплощение в том, что человек поднимает руку. Никто из нас ведь не направляет волю к тому, чтобы состоялся некоторый электрохимический процесс в организме, — мы просто двигаем руками или ногами.

Возможно, вы *просто хотите*, чтобы часть вашей плоти, ваша рука, поднялась в воздух. Ну что ж, рассмотрим и такую возможность. Сосредоточьте внимание на каком-нибудь предмете окружающей вас обстановки. Пусть это будет книга, или стол, или стул. А если они покажутся вам слишком тяжелыми, пусть их заменит птичье перо или листок бумаги на полу. Предположим, перо находится на полу в метре-полтора от вас. Сфокусируйтесь на этом пере — и проявите волю к тому, чтобы перо поднялось в воздух. Просто захотите, чтобы перо взмыло вверх. Смелее! Это очень легкое птичье перышко.

Увы, неудача. Допустим, вы не смогли поднять желаемый предмет в воздух потому, что не обладаете способностями к телекинезу, данными от природы Ури Геллеру. А что, если с вашей рукой дело обстоит все-таки иначе: вы же с ней — одно целое? Теперь поместите собственную руку прямо перед собой и сфокусируйтесь на ней точно так же, как и на птичьем пере, — и своей волей, мысленно, прикажите ей

подняться. Если все ограничится только мысленной волей, направленной на руку, как было с пером, то рука не двинется. (Не сомневаюсь ничуть.)

ОШИБОЧНАЯ КАРТИНА?

Три вышеописанные попытки понять, что составляет содержание нашей воли, когда мы двигаем руками или ногами, провалились. Так, может быть, нам стоит принять к сведению, что нас сбива с толку неверная картина, созданная нами же? Действуя обыденным образом, мы просто двигаем конечностями, не нуждаясь ни в каких «актах воли» — маленькие они или большие. Конечно, есть и особые ситуации — бывает, что после несчастного случая нам приходится прилагать немалые усилия, чтобы пошевелить рукой. Однако в обычных обстоятельствах наши действия не требуют предварительных «ментальных попыток» или «маленьких актов воли».

Разумеется, большую часть своих действий мы совершаем целенаправленно. Мы решаем что-то сделать. Или нас к этому мотивируют. Или у нас просто появляется намерение. А что-то мы делаем спонтанно. Ну и так далее. Все эти разговоры об интенциях, мотивах и решениях могут снова втянуть нас в размышления о том, нет ли за всеми действиями ментальных событий или особых состояний ума, влекущих за собой некие перемены, связанные с нашей телесной оболочкой, — скажем, движений руки или ног или попытки подбежать к автобусу. Тем не менее мы часто готовы признать, что действуем определенным образом — по внутреннему побуждению, с явным намерением и без нажима со стороны окружающих, — даже когда ничего не знаем ни о каких интенциях и не взвешиваем все тщательно до совершения собственных

действий. До того, как поднять руку. До того, как рвануться к автобусу.

Нам следует отвергнуть картину, нарисованную выше. Главное в ней — это различие между целенаправленным подниманием руки и спонтанным движением того же рода (или равнозначным ему, когда кто-то другой поднимает вашу руку), — различие, преподносимое как знак существования некоего ментального события, предшествующего телесному движению и носящему характер интенции. Так что мы можем предложить взамен — какую иную картину?

Она должна быть сформирована таким образом, чтобы было ясно, как люди берут на себя ответственность за свои поступки — и, скажем, могут искренне ответить, почему действуют так, а не иначе, если спросить их об этом. То есть, чтобы с определенным намерением поднять руку, не нужно никакого предваряющего данное действие ментального события. Чтобы с определенной целью поднять руку в обычных обстоятельствах, необходимо просто иметь на то ясную причину и быть в состоянии ответить на вопрос: «Почему ты это сделал?» В ответ можно услышать: «Чтобы сделать философское замечание» или «Чтобы привлечь внимание». Иногда ответ бывает проще: «Я просто это сделал». Сопоставьте эти ответы с тем, какой сможете дать вы, если кто-нибудь спросит вас, почему вы столкнули кого-то в реку. «Я никого туда не толкал, — ответите вы, — порыв ветра толкнул меня на беднягу».

Есть одна история, которой Элизабет Энском (знаменитая ученица Витгенштейна) придавала особое значение. Это рассказ о солдате, попавшем в армейскую медсанчасть, где врач чем-то привел его

в раздражение. Когда доктор попросил его сжать зубы, солдат молча извлек свои вставные челюсти и предложил врачу сжать их для него. Если вспомнить, о чем шла речь выше, то нетрудно заметить: солдат как бы передоверяет сжимание зубов кому-то другому, потому что сжимать зубы — не его сфера ответственности, не его личное дело*.

ТАК ЧТО ЖЕ МЫ ДЕЛАЕМ?

До сих пор мы рассматривали, как человек поднимает руку, однако мы совершаем и много чего такого, что выходит далеко за пределы обычных телесных движений, — или, по крайней мере, таковым представляется дело. С поднятыми руками, например, мы можем держаться на гребне волны, а можем и тонуть. Мы можем также поглаживать белок в парке, хвататься за пистолет или рассыпать отраву для голубей — и всякий раз мы способны сказать, что именно мы делаем. И, совершая все вышеупомянутые поступки, мы можем производить в то же время и другие действия, о которых тоже есть что сказать. Например, мы можем доставлять огорчения соседям, досаждают парковой охране или не действовать так, чтобы не упустить своего во всем остальном.

Примеры подобного рода могут подвести нас к мысли, что мы в самом деле — прямо и непосредственно — совершаем некоторые действия, являющиеся

---

* Тут кроется смысловая тонкость. В книге используется глагол *clench* — сжимать, стискивать зубы или челюсти. Но у этого же глагола есть и второе значение, чисто техническое, — сдавливать что-либо, например в тисках, обжимать и т. п. Отсюда и намеренная «ошибка» солдата в разговоре с врачом. — *Прим. перев.*

базовыми и порождающие цепочку дальнейших событий, в которых мы в конечном счете заинтересованы. Скажем, я поднимаю руку — и это непосредственное и прямое действие, однако на самом деле — и это уже опосредованное и не прямое действие — я травлю голубей и досаждаю охранникам парка, к чему в данном случае и сводятся мои намерения.

Смысл разделения действия на «прямые» и «непосредственные», с одной стороны, и «непрямые» и «опосредованные» — с другой, заключается в том, что к первым можно отнести те, что мне вполне понятны и находятся у меня под контролем. Разумеется, я отдаю себе отчет в том, что поднимаю руку (когда ее поднимаю), но тонкость в ином. Если я не все продумал, то дело может пойти не так гладко, как мне бы хотелось, в отношении травимых мной голубей или при досаждении охранникам. Не исключено, что я подсыплю голубям что-то не слишком ядовитое или сотрудникам парка будет на меня наплевать.

Мы должны тем не менее взвесить ценность классификации действий с разделением на «прямые» и «непрямые». В конце концов, я же не застрахован в определенных обстоятельствах от ошибок, связанных с движением моих рук или ног. Вспомним хотя бы о фантомных конечностях или о том, что иные зеркала порой вводят в заблуждение относительно положения ног. Мысли подобного рода могут вернуть нас к идее о том, что «прямые» действия суть проявления актов воли, однако об этом мы уже говорили. Возможно, нам следует просто признать, что наши действия — это действия, которые мы совершаем и о которых можем прямо сказать, что мы их совершаем. Проще говоря, когда делается именно то, что мы желали бы сделать.

А голубей-то мы травили? Да, конечно, если у нас имелось такое намерение и если птички в результате были отравлены. Правда, и тут не без нюансов, поэтому мы завершим главу примером, позаимствованным у оксфордского лингвиста XX века Джона Лэнгшо Остина. Ему свойственно особое остроумие, особая мудрость, как и положено человеку с таким именем*, и одна из его лекций называется «Смысл и сенсibiliа»**. Цитата ниже — из работы «Три способа пролить чернила».

Объявление гласит: «Просьба пингвинов не кормить. Невзирая на это, я даю им орешков. Но оказывается, что орешки для этих птиц губительны. Дал ли я орешков намеренно? Очевидно, никак нельзя сказать, что я просто уронил орешки по рассеянности. Но обдуманно ли я это сделал, было ли мое действие взвешенным? Это ставит перед нами другой вопрос: прочел ли я объявление? И если да, то почему это так важно? Сделал ли я это целенаправленно? Положительный ответ означал бы, что мне заранее было известно о том, каков будет результат***.

---

* Игра слов. *Austin* — мужское имя, и *austin* — монах ордена августинцев, последователей Блаженного Августина. — Прим. пер.

** Букв. «Смысл и ощущаемое» (*Sence and Sensibilia*). — Прим. пер.

*** Цит. по: *Остин Дж. Избранное / Пер. с англ. Макеевой Л. Б., Руднева В. П. — М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.*

КАК БЫТЬ СВОБОДНЫМ И НЕ ПРЕВРАТИТЬСЯ НИ В ШИМПАНЗЕ, НИ В РАЗНУЗДАННОГО ВАРВАРА?

Людам свойственно искать причины своих действий и винить в них гены, рацион питания или недавно принятые лекарства. Разумеется, мы можем изменить привычный образ жизни, но что определяет наш выбор? Ответ как будто прост — наш личный опыт, характер или предпочтения, однако сами эти факторы связаны с состоянием мозговой деятельности, ментальными процессами и событиями. И эти состояния, процессы и события суть следствия причин, не контролируемых нами и не подлежащих свободе выбора. Способны ли мы выбирать, каким образом действовать нашему мозгу? Ясно, что нет. Так в чем же черпать нам свободу своих поступков?

УВАЖАЕМЫЙ СЕРЖАНТ КРУПКЕ, БУДЬТЕ К НАМ СНИСХОДИТЕЛЬНЫ!

Столкнувшись с сержантом Крупке*, а затем оказавшись перед лицом судьи и стремясь всячески уклониться от ответственности за содеянное, грубые

---

* Служитель закона и один из персонажей «Вестсайдской истории» — мюзикла, фабула которого повторяет, но на современном (первая половина XX века) американском материале историю «Ромео и Джульетты» Шекспира со всеми трагическими коллизиями этой пьесы. — *Прим. пер.*

и агрессивные подростки пытаются оправдываться: «Воспитали нас так, что от рук мы отбились и ничего с собой поделать не можем, вы нас тоже поймите». Могли бы добавить, что и гены, и устройство мозгов, и окружение тоже внесли свой вклад в их дурное поведение, потому что как же все это им, беднягам, контролировать? А коль скоро причины таковы, то и неотесанные уличные мальчишки моральной ответственности за свои поступки в конечном счете нести не могут. Умудренные опытом судьи могли бы ответить в том духе, что им, служителям Фемиды, страшно жаль, что так все вышло, но, даже если принять во внимание воспитание, которое невозможно одобрить, равно как и взаимосвязи между нервными клетками в мозгах иных людей, все же не остается ничего иного, кроме как приговорить обвиняемых, представших перед судом, к десяти годам тюрьмы — и тяжелым исправительным работам.

Обладаем мы свободой воли в своем поведении или нет — вот мерило того, должны ли мы нести моральную ответственность за свои деяния. Если все, что мы совершаем, обусловлено различными причинами, а мы, думая о них, мысленно влияем на выбор в пользу определенных действий и, следовательно, на соответствующие свои поступки, то напрашивается вывод, что мы не обладаем свободой воли. Цепочки причин и следствий способны уходить в глубины прошлого вплоть до «первобытного супа», и, естественно, нити контроля не у нас в руках. Держась ближе к нашим сегодняшним поступкам, мы должны признать: каким бы ни было соотношение между нашей природой и полученным воспитанием, мы все равно приходим к тому, что, вероятно, наша свобода выбора ограничена. Так можем ли

мы сделать себя свободными? Казалось бы, ответ очевиден — не можем.

Если все вышеизложенное верно, то возникают зловещие последствия. Раз нам не дана свобода выбора и, значит, свобода действий, то можно ли по праву хоть в чем-то обвинять нас или одобрять наши поступки? Получается, что мы не властны изменить что-либо в том, что совершаем. Детерминизм и свобода воли — а значит, детерминизм и моральная ответственность — совершенно несовместимы, или, по крайней мере, таким представляется дело. Если мир детерминирован, то свобода воли — иллюзия, точно так же, как моральная ответственность.

ПУТАНИЦА, ОДНАКО!

В нескольких строках выше мы дали набросок глубокой философской проблемы, выражающейся в столкновении свободы воли и предопределенности. Последняя понимается строго в научном смысле, требуя, чтобы события настоящего были обусловлены событиями прошлого в силу тех или иных законов природы. Вот как писал об этом Фридрих Ницше, прославившийся, в частности, тем, что провозгласил: «Бог умер!»

Сам действующий, правда, погружен в иллюзию произвола; если бы на одно мгновение колесо мира остановилось и имелся бы всеведущий разум, чтобы использовать эту остановку, то он смог бы предсказать нам будущность каждого существа вплоть до самых отдаленных эпох и наметить каждую колею, по которой еще должно катиться это колесо*.

---

* Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов / Пер. С. Л. Франка. Пункт 106.

Конечно, мир может быть и не детерминированным. Парадоксально, но факт: данное обстоятельство во все не помогает самоутверждению поклонников свободы воли. Если наше поведение не детерминировано, то оно случайно, и мы уже не можем отвечать за то, что происходит само собой. То есть предлагаемое некоторыми «решение» проблемы, а именно признание индетерминизма на микроуровне квантовой механики (таково, по крайней мере, современное понимание), решением не является. В равной мере нельзя считать решением и рассмотрение наших действий как predetermined лишь отчасти, ибо неясно, что понимать в данном случае под частью. Получается, что «часть» остается вне поля детерминизма и мы вынуждены возвращаться к проблеме того, насколько широки пределы хаотичного и случайного. Некоторые философы предлагают «не застревать» на вопросе о том, что есть детерминизм. В ответ приходится напоминать, что каждое событие, вызванное определенной причиной, требует ясного понимания природы самой причинности как явления. Что именно принимать за причину, порождающую последующие изменения? Попробуем подступиться к нашей проблеме, обратившись к конкретному примеру. Я исхожу из того, что вы читаете эту книгу по собственному свободному выбору. Никто, надеюсь, не понуждает вас к этому занятию, пощелкивая кнутом или позванивая кандалами. Так давайте поразмышляем вместе.

Если вы читаете данную книгу, следовательно, вы сделали выбор в пользу этого занятия, отказавшись от другого. Скажем, вы могли решить: «Я прочту эту главу, а коньки и каток подождут» — ну, или нечто в этом духе. Ваше решение познакомиться с этой

главой, несомненно, было глубоко связано с тем, что происходило в вашей нервной системе, вызвав соответствующую реакцию со стороны ваших мускулов, благодаря чему ваша рука и взяла книгу, — и так далее. «Маленькие события», которые происходили в вашей нервной системе и которые мы только что упомянули, были обусловлены другими событиями, порожденными в вашей нервной системе определенными мыслями, — например, такими, как «может быть, немного философии пойдет мне на пользу», — и эти-мысли-события, нетрудно предположить, также имели свои причины. Какую бы цепочку причинно-следственных связей ни стали мы рассматривать — замените, если хотите, «причины» на «случайные события», — не будет в ней места для проявления вашей свободы воли, если понимать эту свободу как возможность *для вас* действовать как-то иначе, альтернативным образом. На самом деле все обстоит еще хуже. Как было показано в главе 2, в мире, где господствует детерминизм, места для вас — то есть для вашего «Я» — просто не остается. Вот такая славная философская путаница, в которую нас как будто втягивают.

МОЖНО ЛИ ПРИМИРИТЬ НЕПРИМИРИМОЕ?

Общий подход к решению рассматриваемой нами проблемы связан с компатибилизмом* — учением, которого придерживаются многие мыслители. Чаще всего, и по праву, компатибилизм связывают с именем шотландского философа XVIII века Дэвида Юма, человека добросердечного и с чувством юмора. Идея в том, что свобода воли и детерминизм не конфликтуют друг с другом — они совместимы. Для полноты кар-

---

* От *англ. compatibility* — совместимость. — *Прим. пер.*

тины следует заметить, что данное направление мыслей также примиряет свободу воли и индетерминизм. Рассмотрим, каким образом.

Иные говорят, что достижение такого примирения объясняется «ловкостью рук». Другие же утверждают: привести в согласие противоположности можно благодаря пониманию того, что есть, по существу, свобода действий. Поводом считать свободу воли и детерминизм несовместимыми друг с другом служит такое представление о свободе воли, которое требует присутствия агента действия, а также возможности в определенных обстоятельствах поступать иным, необусловленным образом. Вероятно, такое представление ошибочно. С точки зрения компатибилистов, свобода воли при чтении данной книги зависит от того, делаете ли вы именно то, чего хотите. Если вы делаете то, чего хотите, значит — с некоторыми оговорками (подробнее см. далее). — вы действуете, сохраняя свободу воли. Основанное на причинно-следственной связи объяснение вашего чтения этой книги в таком случае не отрицает принцип свободы воли. Иметь причину для своих поступков еще не означает, что поступки — вынужденные. Далее, даже сугубо научное отношение к вопросу (причины ваших действий могут носить случайный характер) не вступает в противоречие с возможностью читать книгу по собственной воле — если, разумеется, вы делаете то, чего хотите.

Частое и немедленно приводимое возражение: мы не властны в выборе своих желаний, страстей и характеров. Мы просто знаем, что они — наши. В ответ уместно спросить: «Но чего же вы тогда ищете?» Похоже, критически настроенные умы в данном случае ищут невозможного. Ищут субъекта, агента действия,

того, кто совершает выбор, — но без чего-либо, что обуславливает выбор, ибо любая черта характера или желание, стоит им только проявиться, позволяют тут же вскричать: «Ага, но субъект же не выбирал черты своего характера или желания!» Коль скоро мы признали, что глубокая метафизическая проблема, а именно свобода воли, уходит корнями в подобную нелепость, нам нужно сместить фокус интереса. Мы должны выяснить, каким образом наше «Я» вовлекается в получение желаемого.

ОТ ШИМПАНЗЕ — К ЧЕЛОВЕКУ

Одобрив и приняв для себя компатибилизм, мы получаем возможность ясно видеть, что свободный выбор и свобода воли реализуются с определенными ограничениями. Если кто-то приставит пистолет вам к виску с угрозой выстрелить при отказе оплатить приобретение этой книги, то при условии, что вы не хотите платить, вы не свободны в своих действиях, совершая покупку. Заметьте, в сложившихся обстоятельствах вы должны предпочесть уплатить за книгу, сохранив в целостности голову, вместо того чтобы сберечь деньги, но остаться с дыркой в голове. Свобода выбора и действий определяется вашими желаниями и сложившимися обстоятельствами. Если власть внешних факторов оказывает блокирующее влияние, то ваши действия ограничены, а некоторые желания не могут быть удовлетворены. Внешнее влияние подобного рода может проявляться в различной степени: от прямых запретов и судебных приговоров к тюремному заключению за употребление наркотиков до высокой цены на покупку визы для посещения страны. Законы, полиция и нежелательные расходы могут останавливать

или сдерживать нас в получении того, чего мы хотим. Такого рода блокирующее воздействие носит внешний характер, однако существуют и внутренние сдерживающие факторы. Шимпанзе, например, таких факторов в удовлетворении своих желаний лишены. Конечно, самку шимпанзе можно соблазнить бананом с левой стороны и самцом шимпанзе — с правой. Куда поведет ее выбор — не предмет для размышлений, но только лишь проявление более сильного желания.

А теперь поговорим о Хэмфри. Это не шимпанзе, а человек. Хэмфри не прочь побродить в отделе женского белья, причем исключительно по собственному желанию. Он получает при этом то, чего хочет. Действует ли он свободно? Пожалуй, в описанной ситуации надо бы ответить: «Да». Предположим теперь, что у него есть желание бросить роль праздношатающегося зеваки, отказаться от дурной привычки и начать со всем прилежанием изучать труды Платона. В таком случае нам придется внести коррективы в оценку его магазинных прогулок. Хотя он и удовлетворяет свое желание первого уровня послушаться и поглазеть, его желание не быть пустым бездельником остается неудовлетворенным. У Хэмфри есть желание второго уровня, и оно подавляет или, по крайней мере, мешает удовлетворить желания первого уровня. И в той мере, в какой Хэмфри должен удерживать себя от того, чтобы не поддаваться желаниям первого уровня, его уже нельзя считать свободным субъектом, или агентом, действия. У Хэмфри появляются внутренние препятствия, мешающие ему удовлетворить желания второго уровня, хотя он и считает последние именно тем, чего он в самом деле хочет.

«ПРИНУЖДАЕМЫЕ К СВОБОДЕ»

Поскольку мы приняли к сведению, что существуют желания различного порядка, и поняли, каким образом наши простейшие желания мешают нам удовлетворять наши действительные запросы, у нас появляется широкий спектр вспомогательных возможностей внешнего характера, сопряженных, однако, и с внешними опасностями. Признавая, что люди способны искренне стремиться к образованию или хотят бросить курить и мечтают о долгой жизни, наши правительства могут вводить в практику обязательные образовательные проекты, запрещать сигареты и заставлять население участвовать в скрининговых программах. Конечно, подобного рода политика может осуществляться и на пользу людям, предоставляя им то, чего они действительно желают. Однако здесь же кроются и некоторые угрозы. Политика властей может заходить далеко, и иные акции будут преподноситься как те, о которых сами люди возмечтают, стоит им только понять, что они, эти акции, открывают наилучшие пути к здоровью и даже лучшему образу жизни. И тогда людей, как было однажды замечено, начнут *принуждать* к тому, чтобы быть свободными. Выражение это принадлежит французскому философу Жан-Жаку Руссо. Забавное представление о людской свободе, не правда ли? Ведь людям порой *приходится* нечто делать, и они могут и *не знать* об истинных, глубинных мотивах, в силу которых (как считается) эти же люди должны хотеть что-то сделать. Мы исследуем эту проблему в главе 24, обратившись, в частности, к «принципу свободы» Д. С. Милля.

БУНТАРИ И ДИКАРИ

Вернемся к Хэмфри и индивидуальному началу в человеке, чтобы рассмотреть, как идея о желаниях

разного порядка может оборачиваться изрядными сложностями. У Хэмфри есть обыкновение посылаться в отделе дамского белья, и в этом проявляется его желание первого уровня, однако в силу полученного им пуританского воспитания у него есть и желание второго уровня — избавиться от желаний первого уровня. В глубине души он, возможно, жаждет восстать против наследия своего пуританского воспитания — хочет избавиться от желаний второго уровня и целиком предаться желаниям первого уровня, а также, вероятно, множеству прочих желаний того же уровня, скажем, на глазах у всех надеть на себя женское белье и походить в нем.

Размышления такого рода подводят нас к вопросу о том, удовлетворение каких именно желаний — истинное воплощение того, кто мы есть. Иными словами, мы должны признать, что наличие желаний различного уровня отделяет человеческие существа от человекоподобных животных, которые людьми не являются (во всяком случае, большинство из них). Шимпанзе не рефлексируют по поводу желаний совладать с иными из своих желаний. Обезьяны, кошки и собаки ничего не ведают о борьбе со своими желаниями или о бунте против них. Маленькие дети похожи на шимпанзе, подчиняясь тем желаниями, которые сильнее прочих. Некоторые взрослые, правда их немного, поддаются — по крайней мере иногда — своим желаниям так же, как маленькие дети или шимпанзе, то есть без всяких размышлений и идя на поводу у самого сильного из желаний первого уровня. Если нам случается столкнуться с подобным существом и мы не можем призвать на помощь разум или рефлексию, то нам остается одно — причислить таковое к тем, у кого нет человеческой личности или

у кого черты ее подавлены и остаются неразвитыми. Такие особи — разнузданные дикари, и творить они могут что угодно. Мы, впадая в характерную ошибку, можем относиться к ним как неким объектам — как к гальке, перекатываемой волнами, как к насекомым, влекомым определенными запахами, как к термостатам, созданным для сохранения тепла. То есть они для нас — нечто управляемое животными желаниями, и ничего более. Однако подобные индивиды — исключение среди человеческих существ.

В обыденной жизни мы относимся к отдельным людям, с которыми имеем дело, как к тем, кто способен по крайней мере осознавать свои желания и только затем делать тот или иной выбор, — даже если мир исполнен детерминизма. Осознание конкурирующих желаний, чему компатибилизм придает такое значение, позволяет нам относиться к окружающим как к тем, кто обычно умеет выбирать, какое из желаний требует непременно удовлетворения. Иными словами, существование человека обусловлено его личным выбором и ответственностью, какими бы загадочными ни казались порой отдельные желания. Точно так же мы должны относиться и к самим себе.

Допустим, вы твердо верите, что все ваши желания, решения и действия причинным образом связаны с предшествующими состояниями, в которые закрыт доступ вашему сознанию и над которыми вы не властны. Но, даже заняв такую позицию, вы все равно должны выбирать, что делать в следующий момент — продолжать читать или пойти хлебнуть чего-нибудь, а может быть, отправиться покататься на коньках. В какой бы мере детерминистским или

индетерминистским ни выглядел мир, нам следует обращаться с собой и с окружающими как с теми, кто в основном берет на себя моральную ответственность за свои поступки. А если нет, то что нам остается выбирать? У нас просто нет иного выхода, кроме как относиться к себе как к свободным человеческим существам, — а значит, и быть свободными людьми. Во всяком случае, это, очевидно, лучше из того, что мы можем сделать со своей свободой.

КАК ПЕРЕХИТРИТЬ АРИСТОТЕЛЯ И САМОМУ ПОБЫТЬ НЕМНОГО ЛОГИКОМ?

Упомяните в разговоре логику — и люди могут в паническом бегстве броситься к выходу. Хотя многие из нас признают логическую аргументацию, окружающие частенько избегают тех, кто уж слишком логичен, полагая, что в жилах у них рыба кровь, а живых чувств вовсе нет. Но ведь это неверно. Логика — это просто наука связно рассуждать, а умение доказывать — недурная штука. Совсем недурная — вот вам моя рука! — поверьте.

ДЕДУКТИВНАЯ ЛОГИКА

Отцом логики — и первым в ряду логиков — был древнегреческий философ Аристотель. Он исследовал силлогизм — особую форму дедуктивных рассуждений, состоящую из большей посылки, меньшей посылки и заключения. Посылки и заключения — это просто предложения, утверждения, суждения или предположения, связанные определенным образом. Но тут есть тонкое различие. Предложения — это, в сущности, слова, написанные на бумаге. Суждения же несут смысл, выраженный в том или ином предложении. Однако для начала мы не будем обращать внимания на эту разницу. Ниже приведен пример одного из силлогизмов (далее последуют и некоторые другие).

- Посылка 1   Все кошки — животные.
 Посылка 2   Все животные имеют ноги.
 Заключение   Все кошки имеют ноги.

Дедуктивная аргументация служит тому, чтобы из некоторых суждений (предположений или утверждений) можно было вывести некоторые заключения. Исходя из посылок о кошках, животных и ногах, следует заключить, что кошки имеют ноги, и такое заключение истинно. Впрочем, дедуктивные рассуждения не всегда воплощаются в форме силлогизма, как в примере выше, потому что не всегда нуждаются в двух посылках. Далее — еще один тип рассуждений, хотя и на этот раз, для простоты, включающий две посылки.

- Посылка 1   Если Люси улыбается, значит, она потягивает виски.
 Посылка 2   Люси улыбается.
 Заключение   Следовательно, она потягивает виски.

Такие рассуждения нередко встречаются. Для них даже есть свое название: *modus ponendo ponens*, которое часто сокращается до *modus ponens*. В нашей повседневной жизни мы часто мыслим подобным образом. «Если она получит работу, я буду реже видеться с ней, — ах, она получает работу, поэтому я буду реже видеться с ней». А вот другой пример. «Если я выпью еще стаканчик, то завтра буду чувствовать себя разбитым. Ох, не справиться мне с собой, выпью я этот стаканчик — и поэтому завтра буду чувствовать себя разбитым». Оба рассуждения, приведенные выше, правильны. «Правильность» (валидность) в данном случае имеет строго определенный смысл. Есть простой способ проверить

правильность рассуждения. Допустим, обе посылки истинны. Теперь, если заключение в данном рассуждении тоже истинно, то правильно и все рассуждение. Иными словами, в валидном рассуждении заключение (вывод) логически вытекает из посылок.

Ключевой момент: ваши рассуждения — то есть те рассуждения, где из ваших посылок должны следовать определенные заключения, — обязаны быть безошибочными, причем даже в том случае, если все или некоторые посылки ложны. В таком случае ваши заключения могут соответственно быть истинными или ложными. Если ваше рассуждение не содержит ошибок, то любые выводы будут верны, за исключением единственного варианта, когда все посылки истинны, а заключение ложно. Такое невозможно. Правильно построенное рассуждение не позволит вам уклониться от истины к чему-то мнимому.

Еще один технический момент, связанный с терминологией, используемой в логике. Рассуждение верно, когда оно правильно построено (валидно) и посылки истинны. Если соблюдены оба эти требования, то вывод также будет истинным.

ИНДУКТИВНАЯ ЛОГИКА

В дедуктивном рассуждении, если оно правильно построено, посылки приводят к заключению. Многие из наших рассуждений, однако, имеют не дедуктивный, а индуктивный характер. В хорошем индуктивном рассуждении посылки позволяют сделать верное заключение, однако рассуждения данного типа не обязательно должны приводить к исчерпывающим логическим заключениям. Например, имея в виду множество воронов, мы можем привести множество

истинных посылок, присвоив каждой свой номер, как показано ниже.

Ворон № 1 черный

Ворон № 2 черный,

и так далее — до

Ворон № 1 000 000 черный.

Мы можем заключить, что все вороны — черные. Один миллион черных воронов — неплохой довод в пользу сделанного вывода, однако этот аргумент не является валидным в дедуктивном отношении. Мы не можем дедуктивным образом логически вывести, что все вороны черные, руководствуясь лишь тем, что нам попался на глаза миллион черных воронов. Если только у нас нет дополнительной посылки, утверждающей, что миллион воронов — это все существующие вороны.

Недедуктивные рассуждения могут принимать и другие формы. Например, у нас есть некое свидетельство — и вот мы начинаем рассуждать и приходим к заключению, что сделанный нами вывод является наилучшим объяснением изначального свидетельства. Робинзон Крузо увидел то, что он принял за следы ног на песке. Наилучшим выводом из увиденного было бы заключение о существовании другого человека на том же острове, однако полной уверенности в этом, разумеется, нет. В конце концов, мы можем предположить, что следы сформировала приливная волна, а может быть, их оставил сам Робинзон Крузо, — ну, и так далее. В главе 10 мы рассмотрим, насколько обоснованными могут быть индуктивные умозаключения, если они в принципе могут быть истинными, пока же для нас важно только отметить,

что они отличаются от дедуктивных. Оставшаяся часть главы посвящена дедуктивной логике.

ДЕДУКЦИЯ — ХОРОШАЯ И ПЛОХАЯ

Выше мы видели, как в примере с Люси у нас было простое правильно построенное умозаключение. Мы можем подставить вместо утверждений о Люси и виски буквы алфавита, и наше рассуждение примет следующий вид.

Если p , то q

p

Следовательно, q

На место p и q можно поставить утвердительные суждения — любые, которые вы принимаете к рассмотрению. И, какими бы они ни были по существу, если сохраняется сама конструкция рассуждения, то оно будет правильным, хотя в некоторых случаях и может казаться странным. Например: если наступает затмение, то свиньи визжат, и затмение наступило, следовательно, свиньи завизжат. Если она вернет деньги, свиньи полетят; она возвращает деньги, следовательно, свиньи отправляются в полет. Оба данных рассуждения валидны (правильно построены). Однако мы можем с легкостью указать и на такие суждения, которые всегда будут неверными, потому что они ошибочно построены.

Если идет дождь, то гости вымокнут.

Гости вымокли.

Следовательно, идет дождь.

Но это же неверно. В конце концов, даже если верны обе посылки, можно ли сделать вывод, что идет дождь? Нет, конечно. Возможно, гости вымокнут потому, что хозяин дома в шутку обольет их водой. Мы можем определить форму этого неверного рассуждения следующим образом.

Если p , значит q

q

поэтому p

Для данной формы рассуждения даже есть свое обозначение — ошибка ложного следствия. Консеквент в данном случае — это q , часть после «значит». P , часть после «если», это антецедент. Далее — еще один пример ошибочного построения.

Если Бен счастлив, то Бет счастлива; Бет счастлива, поэтому Бен счастлив.

Это суждение ошибочно потому, что, даже если посылки истинны, заключение, вытекающее из них, не всегда обязано быть истинным. Возможно, Бет действительно счастлива, когда Бен счастлив; однако, может быть, она также счастлива, когда Бэзил счастлив, и в таком случае Бен счастлив не будет.

Но давайте вернемся к силлогистике Аристотеля. Ниже приведен силлогизм. Верен ли он?

Некоторые счастливые млекопитающие живут на фермах.

Некоторые свиньи являются счастливыми млекопитающими.

Следовательно, некоторые свиньи живут на фермах.

Возможность, просматриваемая в этом силлогизме, ясно показывает, что заключение не всегда бывает истинным, даже если истинны посылки. В конце концов, свиньи, являющиеся счастливыми млекопитающими, могут и не быть теми свиньями, которые живут на фермах.

ЛЮБОВЬ, МОРЯК И ДЕВУШКИ

Формы рассуждений, рассмотренные выше, подходят для демонстрации хороших и плохих рассуждений. Однако нам нужно сделать следующий шаг — перейти к «квантификации» и выяснить, какие еще ошибки могут иметь место в рассуждениях. Нам поможет пример того, насколько опасна может быть двусмысленность. Вот знаменитое высказывание: «Всем славным девчонкам нравится моряк». А теперь посмотрим, как по-разному можно понимать смысл этой фразы. Для простоты предположим, что у нас есть только три милые девушки — Амадея, Амелия и Антея, а также три моряка — Сэм, Сид и Стэн. Так как же нам понимать то, что «всем славным девчонкам нравится моряк»?

Амадее нравится только один моряк — скажем, Сэм, Амелии — другой, допустим, Сид, а Антее — третий, положим, Стэн. То есть девушкам нравятся разные моряки. Альтернативное толкование этой же фразы приводит к тому, что есть только один моряк-счастливчик, который нравится всем трем девушкам. Есть, разумеется, и третье толкование: каждой из этих трех милых девушек нравятся все без исключения моряки. Немецкий логик конца XIX века Готлоб Фреге ясно показал, какие формы рассуждений необходимы для отражения подобных смысловых различий. В 1879 году он опубликовал работу

Begriffsschrift — «Исчисление понятий», где предложил определенный тип нотации. Символизм в логике отпугивает некоторых, но представляет собой значительную ценность как метод, благодаря чему проясняются, становятся транспарентными определенные различия. Транспарентность в данном случае очень важна. Мы можем заявить: «Каждый ищет счастья» — и ложным образом заключить, будто отсюда следует, что есть только одно, единое для всех состояние счастья, которого жаждет каждый из нас. Это такое же ошибочное умозаключение, как и те, где фигурировали наши «девушки и моряки». У каждого ребенка есть мать, но отсюда еще не следует, что существует только одна мать, зачавшая всех детей. Аристотель следующим образом начинает свою «Никомахову этику», оказавшую столь важное влияние на развитие европейской мысли.

Всякое искусство и всякое учение, а равным образом поступок (praxis) и сознательный выбор, как принято считать, стремятся к определенному благу. Поэтому удачно определяли благо как то, к чему все стремится*.

В этих словах проглядывает нечто такое, что очень напоминает ошибку «мать и ребенок», только что описанную нами выше.

КВАНТОРЫ И «СКАНЕРЫ» ЛОГИКИ

Каким образом логики выявляют ошибки, подобные тем, что были показаны выше, и как удастся избежать

---

* Цит. по: Аристотель. Никомахова этика / Пер. Н. Брагинской. — М.: Эксмо, 1997.

иных трудноуловимых просчетов? Давайте вернемся к нашим трем славным девушкам и морякам и рассмотрим случай, когда Амелии нравится Сэм. Амелия для нас — личность, находящаяся в любовных отношениях с другой личностью по имени Сэм. Но когда мы говорим о том, что кто-то (одна) или каждая (все) любит (любят) Сэма, мы не должны акцентировать «кого-то» или «каждую» как субъект, как некую индивидуальность. Скорее, нам необходимо поставить смысловой акцент на самой активности, на том, что происходит, и «просканировать» девушек так, чтобы понять, относится ли описание «— любит Сэма» к одной из них, или не относится ни к одной, или относится ко всем сразу.

Наше «сканирующее оборудование» может показать, что Сэм кому-то нравится, а кому-то нет, но, не исключено, окажется бесполезным при попытке выявить, кто из девушек испытывает любовное чувство, а кто нет. Мы не можем просто взять и заполнить пустующее пространство в выражении «— любит Сэма» конкретным именем, и нам необходим другой подход. Именно ради решения подобных задач логики используют кванторы. В данном случае нужно использовать квантор « $(\forall x)$ (x любит Сэма)», чтобы показать, что есть некто, один человек или несколько, кто любит Сэма. То есть x — это в данном случае тот, кто любит Сэма: x любит Сэма. Если наше «сканирующее оборудование» обнаружит во множестве еще и других — тех, кто тоже любит Сэма, то нам понадобится универсальный квантор. И мы сможем тогда утверждать, что для всех x верно, что x любит Сэма: $(\forall x)$ (x любит Сэма).

Вышеприведенная запись спасает нас от риска совершить ошибку, решив, что «кто-то», или «каждая

(все)», или «ни одна» должны трактоваться так же, как и имена, подобные «Амелии». Но продолжим исследовать наш пример. Мы должны принять во внимание, что в незавершенном предложении есть еще два «зияния», которые мы обозначим как «— любит —». То есть нам следует «просканировать» окружающее, чтобы найти предмет любви — подразумевая под ним в данном контексте как того, кто сам любит, так и того, кого любят. Вопрос теперь в том, кого искать в первую очередь. В процессе «сканирования» мы можем обнаружить, например, что есть один моряк, в которого влюблены все три милые девушки, но возможно, что на каждого моряка приходится всего по одной влюбленной девушке. Более того, мы можем обнаружить, что никто не любит ни одного моряка. Такое открытие заставит нас заинтересоваться тем, как нам следует рассуждать о ком-то, кого нет, или о любом индивидууме в стиле Аристотеля (подробнее в главе 13).

Прославленный американский логик XX века, человек с чудесным именем Уиллард Ван Орман Куайн, писал, мысленно вспоминая Готлоба Фреге: «Логика — старинный предмет интереса, а с 1879 года она стала еще и великим предметом интереса». Что ж, Аристотель был истинным первооткрывателем в области логики, стремясь придать ей стройный регламентированный вид. Однако благодаря трудам Фреге и таких философов XX века, как Бертран Рассел, логические рассуждения были систематизированы так, как не снилось и Аристотелю, а сами методы систематизации могли бы произвести на него неизгладимое впечатление и даже смутить этого мастера мысли. Мастера, которого и много веков спустя принято называть Философом.

КАК ВЫЯСНИТЬ, ЧТО ЕСТЬ ИСТИННОЕ ЗНАНИЕ, ВОСПОЛЬЗОВАВШИСЬ НОУ-ХАУ, ОПИСАННЫМ В ЭТОЙ ГЛАВЕ?

Когда возникают вопросы, касающиеся знаний, люди легко становятся философами. Недолго думая, они изрекают: «Разумеется, мы не можем знать, что скрывает будущее. Мы не знаем даже, что представляет собой наше настоящее: возможно, прямо сейчас мы просто видим сон». В основание этой главы легла простая истина — прежде чем толковать о знаниях, мы должны точно знать, что именно считать самым знанием. Сначала нам нужно определить, в чем заключается природа знания, а уж затем начинать говорить, известно нам что-то или нет.

УСЛОВИЯ — НЕОБХОДИМЫЕ И ДОСТАТОЧНЫЕ

Объясняя, что такое прямоугольник, мы должны определить в описании, что это замкнутая фигура, составленная четырьмя прямыми сторонами. В таком определении содержится необходимое условие для существования данной фигуры. То есть, чтобы быть прямоугольником, геометрическое построение должно иметь четыре стороны, но одних четырех сторон недостаточно — внутренним углам в фигуре следует быть прямыми. Только в сочетании друг с другом оба этих условия являются необходимыми и достаточными, чтобы образовался прямоугольник.

Как показано на примере, взятом из геометрии, мы иногда должны привлекать к объяснению условия, которые необходимы и в сочетании друг с другом становятся также и достаточными. Однако помните: мы порой можем увлечься и, как говорится, перегнуть палку. Все квадраты — прямоугольники. Иметь форму квадрата — это важно, чтобы можно было считать фигуру прямоугольником, однако форма квадрата не является необходимым условием для отнесения фигуры к прямоугольникам, потому что нельзя считать необходимым условием требование, чтобы все прямоугольники имели равные, как у квадрата, стороны.

Применим этот же подход к определению того, что считать знанием. Допустим, у нас есть типичный человек, хотя и с нетипичным именем — Эрскин. И предположим, Эрскин знает, что Земля вращается по своей орбите вокруг Солнца, а Рига — столица Латвии. Что значат для Эрскина эти знания? Попробуем далее обойтись без излишне конкретизированных примеров и обозначим то, что знает Эрскин, как p , при том что p может заменять собой любое предложение, аналогичное вышеуказанному. Выберите любое, которое вам нравится. Теперь установим, что первым необходимым условием должна быть, несомненно, истинность p . Если Эрскин знает, что Рига — столица Латвии, значит, мы должны быть уверены, что такое предположение не ложно. Если же Рига не является столицей Латвии, то, даже когда Эрскин думает, что знает, какой город — столица Латвии, фактически наш герой таким знанием не обладает.

Разумеется, одного того, что p истинно, недостаточно для Эрскина, чтобы обладать знанием, что представляет собой p . Вокруг — миллионы истин, не

известных Эрскину, а также не известных, очевидно, большинству из нас. Нам необходимо по крайней мере еще одно условие, касающееся психологического состояния Эрскина. В определенном смысле Эрскин должен согласиться с тем, что есть такое *p*. Это необходимое условие, смысл которого в том, что Эрскин уверен в существовании данного *p* или верит, что оно существует. И в данном случае «верит», кстати сказать, не подразумевает, что Эрскину недостает знаний лишь потому, что он предполагает или заявляет, что принимает нечто на веру.

Итак, наш Эрскин теперь «верит» в истинность *p*. Достаточно ли этого, чтобы он знал, что такое *p*? В иных случаях нам так везет, что мы обретаем истинные знания как бы по наитию. Эрскин, например, может однажды утром проснуться в уверенности, что Хартум — столица Судана, а Леди Джейн выиграет забег в скачках 2.30. Положим, он не ошибается. Однако если у него нет подтверждений в обоснование своей уверенности, то, естественно, нет и знаний.

Наше последнее соображение из приведенных выше годится в качестве совета для многих философов: знания, как правило, люди черпают в своих предположениях, проверяемых на истинность. И заметьте, такая работа требует немалого труда. Сначала иные сведения, вероятно, кажутся самоочевидными, не требующими доказательств. Обоснованность знаний утверждается к концу рассмотрения. Если нам необходимо, чтобы соответствующее подтверждение служило гарантией истинности добываемых нами знаний, то мы должны исключить в процессе рассмотрения многое из того, что изначально кажется верным. Однако мы не можем лишать себя возможности

развернуть свои представления естественным образом. Не следует ничего отсекать до того, как мы начнем свою работу.

СОФИЯ И ПЛАТОН

Возможно, некоторые из окружающих станут доказывать, что ни предположения, ни обоснования их не нужны Эрскину, чтобы обладать знаниями. Не исключено также, что кто-то будет утверждать: даже если предположения Эрскина окажутся верными, из этого еще не следует, что у него появились знания. Правильно обоснованное предположение само по себе не гарантия знаний. Сосредоточим внимание сначала на условиях, касающихся обоснования предположений, а затем перейдем к вопросу о том, может ли анализ предположений на их истинность служить залогом получения знаний. В целом нам нужно определить, на основании каких условий можно судить об истинности наших знаний.

София, неглупая, но довольно впечатлительная девушка, пришла на собеседование, чтобы получить возможность посещать занятия по университетскому курсу философии. Готовясь к разговору, она познакомилась с основными представителями философских учений, включая Платона. Его произведения она читала по часу в день. Тем не менее, когда ее спросили, написал ли Платон «Республику», будущая студентка начала запинаться и путаться. В беседе о жизни Платона ей явно не хватало уверенности в себе, не говоря уже о знании его трудов. Когда же официальное собеседование закончилось и она немного успокоилась, то смогла снова ярко и выразительно рассказывать о философах Древней Греции.

Этот случай с Софией — живой и яркий пример: ее школьный директор, подвозя ее к станции перед собеседованием, попросил «пробежаться» по основным работам Платона, и у нее все получалось. И точно так же с Платоном у нее все было в порядке на обратном пути, когда директор школы отвозил ее домой. Так чего ей не хватало на собеседовании: уверенности в себе или знаний? Если во время разговора на философском факультете у нее не было нужных знаний, откуда же они вдруг неожиданно появились потом, на обратном пути домой?

Пример с Софией показывает, что уверенность в чем-то не может служить достаточным условием для знания чего-то. Бывают случаи, когда вы знаете, что представляет собой p , однако не уверены в своих представлениях. София знала, что Платон написал «Республику», — знала и во время экзамена — но ей не доставало уверенности в своих знаниях.

Подобного рода примеры таят в себе много нюансов. Однако нам важно подчеркнуть главное в данной связи. Порой вам трудно выразить то, что вы знаете, зато намного легче облечь в слова некие предположения или то, во что вы поверили. Правда, сразу же возникает проблема — приходится констатировать, что при определенных обстоятельствах внешнего характера вы не можете не только выразить, но и распознать то, что приняли на веру. Эмоциональное возбуждение и беспорядок в чувствах: нервозность, подавленность, любовные страдания — все это мешает ясному осознанию того, что вы принимаете как предположение, равно как и того, что вы определенно знаете. К тому же когда вы крепко спите, то явно не в состоянии озвучить ни то, что знаете, ни то, в чем убеждены, однако же мы не будем утверждать,

что спящий человек лишен знаний и предположений. Знаем мы что-то или выражаем нечто, взятое на веру, — зависит в известном смысле от многих обстоятельств.

СОФИЯ С БОКАЛОМ В РУКЕ

Вы пришли на вечеринку и видите, как где-то в уголке София с бокалом в руке оживленно разговаривает о чем-то со Сьюзи, у которой, похоже, выпивки нет. Вы хорошо знаете Софию и не можете ее с кем-то спутать. Итак, София присутствует на вечеринке, и у девушки бокал в руках — добавим краски в картину! — с красным вином, которое она понемногу потягивает. И вы готовы поверить, что ваши глаза вас не обманывают — все так и обстоит. Однако вы еще и логик. Вы знаете: если верно суждение о том, что София где-то в уголке потягивает красное вино, то можно сделать верное умозаключение: где-то в уголке есть кто-то, кто потягивает красное вино. То есть предположение, что кто-то в уголке потягивает красное вино, обосновано вашим предположением, что это София потягивает красное вино, — и второе из двух предположений подтверждено тем, что видят ваши глаза. Таким образом, ваше предположение обоснованно и, позвольте добавить, является верным. Действительно, существует некто, потягивающий в уголке красное вино.

Да, правда, кто-то в уголке потягивает красное вино. Но не София. Сьюзи. Бокал в руках у Сьюзи просто скрыт из виду. А София пьет какой-то противный безалкогольный напиток, потому что не очень хорошо себя чувствует. Получается, что было бы некорректно утверждать, будто вы знаете, что кто-то в уголке потягивает красное вино. Примеры такого рода

показывают, что простого традиционного анализа, назначение которого — установить истинность знаний как верно обоснованных, подтвержденных предположений, — может быть недостаточно. По крайней мере если не пояснить кое-что насчет природы подтверждений. Разумеется, в рассуждениях, связанных с примером выше, есть нечто, что, как выяснилось, является ложным, а именно — красное вино, которое будто бы пила София. Обоснования любых утверждений должны быть адекватными, однако этого нельзя добиться, если аргументация включает ложный шаг. Впрочем, подобный подход, в свою очередь, порождает новые сложности. В конце концов, вы можете прийти к верному суждению, что некто пьет красное вино, однако при этом вы не обязаны предполагать, что имеется в виду именно София. Давайте вернемся к проблеме «обоснованности» такого рода, рассмотрим сначала, всегда ли обоснование есть необходимое условие для уверенности в том, что кто-то обладает знанием.

СОФИЯ ПРЕДСКАЗЫВАЕТ ПОГОДУ

Если Софии известно p , то необходимо ли ей обоснование того, чем предполагаемое p является? Допустим, она все понимает совершенно правильно — например, предсказывая погоду, — однако не представляет, как это у нее получается. Предсказание погоды приходит к ней как мгновенное озарение. И, естественно, ряд успешных предсказаний погоды дает ей основание думать, что и очередное предсказание тоже будет верным. Однако не может ли быть так, что неизменная верность ее предсказаний указывает как раз на то, что первые попытки такого рода вовсе не случайные озарения, но частные проявления именно знаний?

Последний из наших примеров подводит к мысли, что София — как лицо знающее — в обоснованиях своих предположений не нуждалась. А в знающее лицо ее превращает существование связи между ее предположениями и тем, что придает этим предположениям истинность. Совершенно очевидно, что такая связь должна быть причинно-следственной. Наши предположения в отношении окружающего становятся обоснованным знанием, когда порождает их то, что служит залогом их истинности. Допустим, София знает, что бывала в Стамбуле три года назад, — значит, можно предположить, что существует причинно-следственная связь между ее посещением Стамбула и памятью об этом визите.

Знания, относящиеся к будущему, порождают свои проблемы в области анализа причинно-следственных связей. Что может придать истинность предположению Софии о том, что на следующий день пойдет дождь? Только сам дождь, который будет идти на следующий день. Но каким образом завтрашний дождь способен быть причиной того, что предполагает София не завтра, а сегодня? Ясно, что не может. Однако тучи, затягивающие небо сегодня и служащие причиной предположения, что завтра пойдет дождь, — это именно те тучи, которые явятся причиной завтрашнего дождя. Предположение Софии о завтрашнем дожде и то, что делает это предположение в конечном счете истинным, имеют общую причину. Именно поэтому София и знает, что завтра пойдет дождь.

СОФИЯ В СОФИИ?

Экскурс в область каузального отвлек нас от анализа подтверждений — подтверждений, рассматриваемых нами в том смысле, что знающий должен быть

в состоянии их обосновать. Раз уж высказываются определенные суждения, то необходимы и их подтверждения, поскольку знания требуют объяснения соответствующих причинно-следственных связей. И этот, причинный, подход хорошо помогает при рассмотрении проблемы «София на вечеринке с бокалом в руке».

Если вы помните, то суть проблемы в следующем. Вы предполагаете, и это предположение правильно, что некто пьет красное вино, — и вы также способны найти обоснование своему предположению, — однако даже в случае, если ваше предположение будет обоснованным и истинным, интуиция подсказывает, что в действительности вы *не* знаете, что кто-то пьет красное вино. И теперь мы — очевидно — сможем понять, почему такое возможно. Каузальное объяснение вашего предположения требует связать это предположение с тем стаканом, что держит в руке София и где содержится какое-то противное питье, — но не с тем бокалом, из которого пьет красное вино Сьюзи и который должен был бы подтвердить истинность исходного предположения. Так не пора ли нам прокричать троекратное ура в благодарность каузальному подходу в обоснование знаний? Пожалуй, ликование было бы в данном случае преждевременным. Прочитайте и обдумайте нижеследующее — и на этом мы закончим.

У вас есть истинное и обоснованное подтверждение того предположения, что София находится в Болгарии, а именно в Софии. Вам известно, что она хотела отправиться туда на три дня, чтобы отдохнуть, и вы видели, как она садилась на борт соответствующего авиалайнера. То есть ваше предположение на ее счет обоснованно. Более того, установлена

и причинно-следственная связь между вашим предположением и тем, что определяет его истинность. Но вот на коврике у двери вы находите почтовую открытку от Софии. И читаете написанное рукой Софии: «Привет! Мои планы поменялись в пользу Праги, и я решила отправиться в Прагу, а не в Софию». На почтовой открытке — соответствующие дата и штемпель, и ясно, что она была выслана из Праги. Как только вы прочитали это послание, вы, несомненно, уже не предполагаете, что София находится в Софии. На самом деле София — в Софии, только несколькими неделями ранее девушка шутки ради подбила одну из подруг отправить из Праги почтовую открытку, написанную ею, Софией, чтобы ввести вас в заблуждение. Заметьте, прежде чем получить открытку-розыгрыш, вы были уверены, что София — в Софии. Но как только вы прочитали эту открытку, ваше мнение изменилось. Но, зная вы со всей определенностью, что София пребывает именно в Софии, едва ли вы смогли бы так легко подумать, что ее там нет. Иными словами, чтобы обладать истинным знанием, ваши предположения должны быть не только обоснованными, но и достаточно основательными, устойчивыми — только при этом условии им не грозит пошатнуться при появлении неких сомнительных свидетельств.

Требование устойчивости влечет за собой непростой вопрос: в какой мере сомнительные свидетельства грозят подорвать ваши знания и насколько убедительны эти сомнительные свидетельства могут быть для вас в принципе? В конце концов, если одна только чистая *возможность* того, что человека можно привести в заблуждение, способна размывать тягу к знаниям, то мы рискуем оказаться в плену у скептиков, с которыми нам предстоит встретиться в следующей главе.

КАК ПЕРЕСТАТЬ БОЯТЬСЯ ЗЛОГО ГЕНИЯ И НЕ СДЕЛАТЬСЯ «МОЗГАМИ В ЧАНЕ»*?

Над лесам, над морями ты взлетаешь высоко-высоко... Но тут звонит будильник — ясно, что снился сон. Однако вами владеет странное чувство уверенности, что то было не сновидение, а вы — в объятиях действительности, здесь и сейчас. Что, если ваша реальность — вовсе и не реальность? Что, если некий злой гений поместил ваш мозг в лабораторную емкость и теперь наполняет вашу голову одними лишь иллюзиями, имитацией окружающего? Сама мысль о том, что может существовать злонамеренный гений обмана, может, кажется, навеки отучить нас даже думать, будто нам дано обладать хотя бы крупицей истины.

---

* Речь о знаменитом мысленном эксперименте. В научной и научно-популярной литературе он так и обозначается: аргумент (иногда эксперимент) «мозги в чане». Впервые этот образ ввел американский философ Хилари Патнэм (статья «Brains in a Vat», 1981). Злодей-ученый вытаскивает из головы человека мозг и помещает его в чан с питательным раствором, благодаря чему мозг продолжает функционировать. Суперкомпьютер, передавая на нервные окончания мозга особые импульсы, создает тому полную иллюзию, что никакой операции не было, что он по-прежнему обладает телом, общается с другими людьми — в общем, ведет жизнь совершенно обыденную. «Компьютер такой умный, что если наш герой попытается поднять руку, то он “увидит” и “почувствует”, как рука поднимается. Более того, меняя программу, злодей-ученый может заставить жертву “почувствовать”

НА ЧЕМ СТОЯТ СКЕПТИКИ

Зачастую скептик — не более чем философское устройство, лицо, подменяющее сомнениями нашу способность обладать знаниями. Да, конечно, все мы совершаем ошибки. Наши органы чувств порой вводят нас в заблуждение — случается, из-за того что было многовато выпито виски, — и события представляются искаженными. Даже основательные научные теории появляются и исчезают, а если остаются, то могут требовать радикального пересмотра.

Некоторые области еще не вполне сложившихся знаний особенно привлекательны для скептиков, ибо дают пищу для скептицизма, каковой я назвал бы локальным в том смысле, что он остается замкнутым в неких интеллектуальных границах. Многие люди Запада скептически воспринимают саму возможность существования религиозных, этических или эстетических знаний. Эти области просто тонут в сомнениях. Некоторые люди готовы были бы увидеть, как в то же море скепсиса погружается и экономика с социологией. В конце концов, твердят скептики, не существует надежных источников знаний, которые можно было бы использовать для прогнозирования

(или прогаллюцинировать) любую ситуацию или окружение. Он может также стереть память об операции, в результате чего жертва будет считать, что всегда была в таком окружении. Ей даже может казаться, что она сейчас сидит и читает вот эти слова о забавном, но совершенно абсурдном предположении, что есть такой злодей-ученый, который удаляет людям мозги и помещает их в бочки...» — пишет Патнэм. Знаменитая «Матрица» также ассоциируется с мысленным экспериментом, впервые предложенным Патнэмом. См. подраздел «10 мысленных экспериментов современной философии» (адрес сайта: <http://www.rusrep.ru/article/2012/06/18/fylosofy>). — *Прим. пер.*

экономической деятельности и социальной активности. Кроме того, люди часто расходятся во мнениях относительно того, существует ли Бог, или что считать истинными моральными ценностями, или что такое настоящее искусство. В прошлые века, однако, многие мыслители не выражали сомнений в существовании Бога и необходимости поклоняться Ему, а также не сомневались в силе законов морали — зато ставили под вопрос саму возможность научного понимания устройства Вселенной. В те века судьбами мира ведал Бог, и пути Его были неисповедимы.

Философы способны разделять позицию скептиков, поскольку полагают, что в определенных областях нельзя установить объективные факты. Например, не существует, по всей вероятности, фактов морали. Однако философы готовы все же признавать, что вполне можно найти объективные факты, касающиеся тех или иных предметов нашего интереса, — просто остаются сомнения в том, сможем ли мы добыть исчерпывающе достоверные знания. Возможно, есть свидетельства в пользу существования Бога, однако наше, человеческое, восприятие слишком ограничено, чтобы мы могли эти свидетельства обнаружить тем или иным образом. В двух первых «Размышлениях» Декарт весьма впечатляюще выстраивает цепочку рассуждений — как своего рода мысленный эксперимент, — чтобы выразить как можно больше сомнений. Это и есть метод Декарта, метод систематического выражения сомнений. Скептицизм становится почти всеобъемлющим, хотя конечной целью Декарта было как раз преодоление скептицизма посредством доказательства своего собственного существования, а затем бытия Божия и, наконец, природы Его, лишенной и тени обмана.

НА ПУТИ К ВСЕОБЩИМ ЗАКОНОМЕРНОСТЯМ

Декарт заметил, что мы часто совершаем ошибки, воспринимая то, что видим, слышим, ощущаем — и так далее. Издалека башня замка выглядит прямоугольной в своих очертаниях, а вблизи мы понимаем, что она круглая. Палка, погруженная в жидкость, кажется преломленной, но стоит ее извлечь — и мы обнаруживаем, что она прямая.

Наши органы чувств иногда вводят нас в заблуждение, и мы лишаемся возможности получить достоверные подтверждения нашим предположениям, которые как будто обречены оставаться сомнительными. Но мы можем использовать наши органы чувств и для того, чтобы преодолевать иллюзорность. Когда мы ощупываем палку, погруженную в воду, она, по нашим ощущениям, прямая, и вытщенная из воды — она тоже прямая. Действительно, если наше зрение порой подводит нас, представляя окружающее ошибочным образом, отсюда еще не следует, что мы все и всегда воспринимаем искаженно. Да, встречаются поддельные монеты, но, чтобы отдельные монеты были фальшивыми, должны существовать или, по крайней мере, существовали когда-то монеты нефальшивые. Иными словами, когда Декарт указывает на то, что очень часто мы не отделяем сон от яви, эта же идея несет в себя ясное указание и на то, что должен существовать некий опыт, свободный от власти сновидений.

Примеры, описанные выше, не могут служить основанием для того, чтобы полагать, что весь наш опыт иллюзорен — будь причиной тому ошибки органов чувств или тот факт, что порой мы живем как во сне. Примеры эти подводят нас к иной мысли: мы не

можем заведомо знать, обманчив наш опыт восприятия или нет. Проблема в том, что он может *представляться* ложным. Проведя небольшое исследование, мы обнаружили, что палка, казавшаяся преломленной, в действительности прямая. Когда зазвенел будильник, мы проснулись и поняли, что полет над лесами и морями был сном и не более того.

Впрочем, проблема «небольших исследований» заключается в том, что они требуют повторения — одной быстрой реакции на происходящее недостаточно. Скажем так, будильник вас разбудил... а на самом ли деле разбудил? Может быть, вы слышали этот звук во сне, а спустя несколько минут включилось в заданное время радио и действительно разбудило вас, заставив осознать, что прежний звон будильника был частью сновидения? Стоит немного поразмыслить, и становится очевидно: какие бы черты реальности мы ни принимали за свидетельства ее существования в отличие от сновидений (скажем, свойственные ей целостность, наполненность происходящего жизнью и взаимодействие с другими людьми) — нельзя исключить возможность того, что все эти черты нам просто пригрезились. Однако последнее утверждение вовсе не должно сводить все к тому, что мы *всегда* живем как во сне. Смысл в том, что мы можем *оказаться* в заблуждении по любому поводу.

Если истинность знаний подразумевает невозможность совершения ошибок со стороны «знающих», то получается, что у нас ни о чем не может быть достоверных сведений, за исключением только тех, что мы получаем из нашего личного опыта. Если, как утверждал еще Эвклид, у треугольников всегда по три стороны и это утверждение истинно — а оно истинно, — то мы все же можем сделать ошибку даже

на таком материале. Мы можем так подвыпить, что начнем доказывать, будто у треугольников по четыре стороны. Вспомните, о чем говорилось в главе 1: если я мыслю, то, следовательно, существую. Однако попотчуйте меня виски, и, может быть, я искренне стану думать, что вспоминать мне не о чем.

ЗЛОКОЗНЕННЫЙ ГЕНИЙ ОБМАНА

Вышеизложенные соображения приводили нас к мысли, что мы можем совершить ошибку по любому поводу, хотя и не во всех без исключения случаях. Однако остается открытым вопрос, можно ли допустить, что не бывает таких случаев, когда бы мы не ошибались. Гипотеза о злокозненном гении — а это просто логическое допущение, касающееся гениальности как таковой, — разработана, чтобы показать: с логической точки зрения вполне возможно, что мы можем быть введены в заблуждение во всех мыслимых случаях.

Гений, которого мы в данном контексте называем злокозненным, таков потому, что призван сеять обман. Сама идея о злонамеренном гении, вводящем нас в заблуждение, как будто не содержит противоречия. Предположим, что мы не в состоянии отсеять подобную возможность. Значит, мы не можем и с уверенностью знать, что существуют деревья и турнепс, столы или патока. А ну как злой гений насылает на нас тучу впечатлений о привычном для нас мире, но такого мира в действительности не существует? Ведь гений обмана — весь тут, но изначально пребывает вне нас, в окружающем. Вероятно, подобное предположение может служить достаточным основанием для того, чтобы нам надлежало весьма скептически относиться к одной только

возможности получить знание о мире. Вот что замечает об этом Декарт.

Какой-то злокозненный гений, очень могущественный и склонный к обману, приложил всю свою изобретательность к тому, чтобы ввести меня в заблуждение: я буду мнить небо, воздух, землю, цвета, очертания, звуки и все вообще внешние вещи всего лишь пригрезившимися мне ловушками, расставленными моей доверчивости усилиями этого гения...*

Вот, на мой взгляд, философская канва для этого фрагмента. Стремясь получить знание о мире, мы принимаем за основу то, что мир — каким-нибудь подходящим образом — даст нам опыт, позволяющий судить об окружающем. Предположим, мы видим спящую кошку. Это предположение есть следствие нашего визуального опыта — то есть в нашей нервной системе некие изменения были вызваны стимуляцией нашего зрительного нерва, причиной чему послужил поток фотонов, исходящих от кошки, дремлющей перед нами. Иными словами, возникла причинно-следственная связь, цепочка, соединившая внешний мир и наш мозг, а последний определенным образом воспринял и сохранил в себе наш зрительный опыт.

Гипотеза о гении обмана восходит к кажущемуся впечатлению, что причинно-следственная связь, о которой мы говорим в этой главе, не является чем-то существенным для нашего опыта, — этот же опыт может быть обусловлен внешним влиянием, тем влиянием,

---

* Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом.

что не имеет ничего общего с реальной спящей кошкой. Иными словами, весь наш опыт — то есть все, что воспринимается нами как внешний мир, — может определяться какой-то не связанной с телом силой и в этом смысле чреват иллюзорностью. Наши представления о ранах на руках или ногах, о наличии конечностей и даже о существовании мозга — все может быть иллюзорным. «Все верно! — мог бы воскликнуть Декарт. — Я чувствую боль в ноге, но не исключено, что никаких ран у меня на ноге нет». Более того, и самой ноги может не быть. Да, именно так все и обстоит: у меня есть какие-то представления о своих мозгах — и некий опыт восприятия окружающего, которым я обязан своим мозгам, — но кто готов поручиться, что мои представления и мой опыт не навеяны влиянием злокозненного гения!

ПАРАДОКС ИЛЛЮЗОРНОСТИ

Злокозненный гений есть воплощенное зло, и потому он отменно хорош во всем, что несет обман. Замечательно хорош, порой — даже слишком. Давайте попробуем не спеша, шаг за шагом, разобраться в том, что формирует иллюзорную реальность. Скажем, я вознамерился охмурить Эсмеральду. И говорю ей, что купил для нее отличную яхту *Miss Chief* и можно заняться парусным спортом, а пока что красавица пришвартована в ближайшей гавани. Эсмеральда страшно обрадовалась, кинулась в гавань — а яхты там и нет. Я обвел ее вокруг пальца, но она быстро все поняла. А что, если попробовать создать обман победительнее? Во втором варианте Эсмеральда мчится в гавань и видит, как ей кажется, яхту с именем *Miss Chief*. Девушка трепещет от восторга, душит меня поцелуями, но стоит ей попробовать ступить на

палубу — и становится ясно, что корабль не более чем голограмма. Мой обман продлился чуть дольше, но все равно был раскрыт.

Однако мы можем предложить и более успешные версии иллюзий. Вот третий вариант: физически яхта на месте, но при попытке взойти на борт выясняется, что сделан корабль из бумаги. Возможен и четвертый вариант: девушка наконец поднимается на палубу, но совершает при этом правонарушение, потому что судно принадлежит не нам. А вот и пятый вариант: Эсмеральда на борту, и мы с ней собственники яхты, но выясняется, что для морских прогулок суденышко не годится и дело безнадежно, потому что *Miss Chief* — макет, а не настоящий корабль.

Во всех этих примерах создание иллюзий происходит все успешнее и успешнее, но всякий раз неправда все равно обнаруживается. В этом — отличительная черта любой иллюзии: обман нельзя скрыть, хотя иные заблуждения и могут оставаться нераскрытыми. Отличительная черта, о которой мы упомянули, обнажает самое уязвимое место злокозненного гения. Создаваемая им «иллюзия» слишком успешна и в этом смысле, как ни парадоксально, безнадежна. «Иллюзия» слишком успешна потому, что, как нам кажется, у нас уже нет альтернативы, чтобы заявить: мы обмануты. Злонамеренный гений норовит преподнести нам мир в точности таким, каким этот мир предстает перед нами. Ну как если бы — вообразите только! — я гордо объявил бы, что и в самом деле все время дурачил Эсмеральду, ибо яхта принадлежит нам и она новенькая, отлично подходит для выхода в море, снаряжена всем необходимым и так далее. И я смеюсь про себя, потому что Эсмеральда теперь уже никогда не откроет обмана. Действительно, не

откроет. Просто нечего открывать. Гипотеза о том, что ее дурачили, теперь бессильна изменить что-либо в реальности.

КОГДА НЕ СТОИТ ТРЕВОЖИТЬСЯ

Стремясь понять, насколько истинны наши знания, мы можем отправить в ту же лодку скептицизма, идущую ко дну, мысленные эксперименты, рассмотренные выше, — сны вместо яви, проказы гения обмана и нас самих, низведенных до мозгов в чане.

Тем не менее предлагаю вашему вниманию простое и правильно построенное рассуждение, одно из тех, где заключение закономерно вытекает из посылок.

1. Если вы знаете, что перед вами находится книга, следовательно, вы знаете, что не введены в заблуждение относительно того, что такая книга существует и находится перед вами.
2. Вы не знаете, что не введены в заблуждение (в конце концов, вы же можете видеть сон, или некий злодей-ученый, изъяв ваш мозг, поместил его в чан, или злокозненный гений обмана сбивает вас с толку).
3. Следовательно, вы не знаете, что перед вами находится книга.

Естественно, соответствующие «ячейки» в нашем «книжном» примере могут заполнить иные знания о мире, которые мы таким образом хотели бы проверить. Но служит ли вышеприведенное рассуждение знаком того, что нам недостает глубокого понимания предметов подобного рода? В поисках возможного ответа на вопрос нам стоит поразмыслить, есть ли у нас веская причина полагать, что мы введены

в заблуждение. Вероятно, смысл посылки I выражен слишком прямолинейно. Лучше было бы сформулировать следующим образом.

Если вы знаете что-то, то у вас нет основательной причины полагать, что вы введены в заблуждение относительно того, что знаете.

У нас нет основательной причины полагать, что мы введены в абсолютное заблуждение злокозненным гением иллюзии, потому что в этом случае, получается, нет места самой иллюзии. Гипотеза «сновидений» также не может повредить истинным знаниям. Именно сейчас у нас нет основательной причины думать, что мы спим и видим сон. Если же обнаружится, что мы все же были погружены в сон, — что ж, это только показывает, что в состоянии сна мы не ведали того, о чем думали, что знаем. Что касается гипотезы «мозгов в чане», то, опять же, у нас нет основательной причины полагать, что мы находимся в чане. В конце концов, вам хоть раз попадался мозг в чане, который пичкали бы ложным опытом окружающего?

Может быть, злонамеренный гений иллюзии попытается одурачить нас, заливая все окружающее сладеньким сиропом, превращая реальность в патоку? Но ведь наша жизнь и наша деятельность, наша любовь и наши амбиции — все продолжает существовать, как всегда, и гений реальности уверит нас в том, что никакой паточной истины нам никогда не встретится. Какую великолепную иллюзию творит для нас гений обмана! Впрочем, существует она лишь до того момента, пока мы не осознаем, что нет оснований ей верить. Право же, у нас нет оснований даже думать, будто есть в ней хоть капля смысла. В действительности — нет. Совсем.

КАК ПОБЫТЬ «ДУХОМ В МАШИНЕ» ИЛИ ЭТО НЕВОЗМОЖНО?

Нередко мы говорим о сознании и о теле как о двух различных предметах нашего интереса, а если мы люди верующие, то можем думать, что существует и загробная жизнь, в которой тела не нужны. Но в этой жизни мы находимся или в иной, разумеется, наша душевная жизнь и наш опыт кажутся весьма отличными от физического существования, от комков чего-то биологического. Тем не менее немало людей, включая и многих ученых, исследующих головной мозг, думают, что наше сознание со всем своим опытом рождается и живет в мозге. То есть мозг —местилище сознания. Но так ли это? Как соотносятся друг с другом разум и тело и, в особенности, сознание и мозг?

ДУАЛИЗМЫ, ДУАЛИЗМЫ...

И снова на передний план выходит Декарт. Он и многие другие философы веками придерживались принципа дуализма в понимании того, что считать «сущностью» человека или, иными словами, что должно быть *истинно* в отношении нас. Человеческие существа в целом и любой человек в частности могут существовать, не обладая глазами голубого цвета, однако принято полагать, что ни один из нас не способен существовать, не имея живого мозга. Здравый смысл говорит нам, что у нас есть тело и разум. Понятие «тела» включает в себя и мозг. Но было бы корректнее

рассуждать так же, как и Декарт: сущность мою составляет сознание, и оно — нечто совершенно иное, отличное от тела. Дуализм такого рода согласуется с верованиями многих религиозных людей, потому что если данное понимание верно, то оно, по крайней мере, логически открывает возможность пребывать вне телесной оболочки в загробной жизни, даже при том что подобное существование маловероятно.

Двойственность, о которой писал Декарт, или так называемый картезианский дуализм, приводит к мысли о сознании как квинтэссенции сущности, не нуждающейся в материальных, физических свойствах. «Материя» — понятие, применяемое для характеристики таких объектов, как столы и стулья, горы и долины: все они — части огромного внешнего мира, состоящие из вещества и пребывающих в вечном движении атомов. Если взглянуть на дело с позиций современной науки и принять во внимание электроны и другие элементарные частицы с их зарядами, вероятно, было бы правильнее всего трактовать дуализм Декарта как нечто противоположное физикализму. Согласно представлениям физикализма, сознание следует рассматривать исключительно через призму физических концепций, хотя кто знает, какие теории физики ученые представят окружающим в следующем столетии. Возможно, в будущем мы станем без всяких опасений использовать как взаимозаменяемые понятия «материализм» и «физикализм».

Для Декарта же души людей живут не в пространстве: у них нет длины, как нет и ширины или физического местопребывания. Когда кто-то думает, как провести праздники, мы же не подразумеваем, что мысль о праздничных днях родилась, к примеру, в двух или трех сантиметрах от левого уха человека внутри

черепной коробки. Тела, наоборот, обладают размерами, формой и местом своего пребывания в пространстве, однако сами по себе не имеют сознания, или души. Было бы полной бессмыслицей полагать, что булыжник, или стул, или стакан с водой о чем-то мыслят, обладая собственным опытом восприятия окружающего. Точно так же мы не можем представить, что кусок плоти: печень, или почка, или даже мозг — думает. Такова позиция Декарта в вопросе о том, что считать сущностным, говоря о телах и душах. Свою дуалистическую точку зрения Декарт стремится обосновать, и ниже приведены основные его аргументы.

1. Мое тело может притвориться, что не существует.
2. Я не могу притвориться, что не существую.
3. Следовательно, я и мое тело — не одно и то же.

Это рассуждение имеет целью показать, что Декарт — нечто иное, чем его тело (включая мозг). Как мы видели в главе 1, французский философ далее доказывает, что сущность его есть сознание, иными словами — разум. Мы используем в данном случае глагол «притвориться», однако Декарт особо подчеркивает, что у нас есть основания сомневаться в существовании тела еще и потому, что мы можем оказаться во сне или под влиянием злокозненного гения иллюзии. Главное — мы можем пребывать в заблуждении относительно существования наших тел, однако даже при этом мы не в состоянии не существовать — нам нужно существовать хотя бы для того, чтобы пребывать в заблуждении.

Даже если мы примем в качестве верной посылку 1, некоторые сомнения способна вызвать посылка 2. Я не могу притвориться, что не существую? А как быть с мыслью, что я мог и вовсе не родиться?

Позиция Декарта: мне нужно существовать, чтобы притвориться, — в частности, будто я не существую. Возникает несоответствие: я притворяюсь, что не существую, хотя сама моя притворная попытка не существовать, получается, тоже притворна. С другой стороны, нет никакого противоречия в том, что я притворяюсь — когда притворяюсь, — что мое тело не существует.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Допустим, наши послышки правильны, должны ли мы при этом считать верным и вывод? Ведь умозаключение, как вы помните, весьма примечательное. Если наше рассуждение истинно, то нам следует признать, что мы не совпадаем с нашими телами, мозгами и всем материальным, что к нам относится. Пусть даже мы сохраняем связь с нашими мозгами и телами, но то, что составляет нашу сущность, совершенно отличается от них, и свойства сознания, нашего личного опыта, совершенно отличаются от физических свойств. Далее в своих рассуждениях Декарт заявляет, что есть нечто истинное относительно *тела* — то, что мы можем *предположить* относительно нашей телесной оболочки. Декарт также утверждает: то, что истинно в отношении тела, не является истинным относительно «Я». Таким образом, тело человека и личность человека не совпадают. Правда, если Мелисса находится в Лондоне, а Миранда в Лос-Анджелесе (то есть не в Лондоне), то Мелисса и Миранда не могут быть одним и тем же человеком (если только удивительным образом не распространятся через океан и континенты).

Вскоре после Декарта немецкий философ Готфрид Лейбниц отстаивал принцип «тождества неразличи-

мых» (the identity of indiscernibles)*. Между рассуждениями Декарта и принципом Лейбница просматривается определенное сходство. Если два кажущихся сходными объекта в действительности являются одним и тем же, следовательно, то, что истинно относительно одного, должно быть истинно и в отношении другого. Если Мелисса и Миранда — одно и то же лицо, значит, если Мелисса находится в Лондоне, то там же должна быть и Миранда. Рассуждения Декарта призывают к тем же выводам. Если я и мое тело — это одно и то же, значит, что бы ни было истинно насчет моего тела, то же самое истинно и в отношении меня — моего «Я». Тем не менее Декарт акцентирует одну особенность, касающуюся существования моего тела, но не меня самого, — то, что я могу *представить* по данному поводу.

С тем, как рассуждения Декарта соотносятся с принципом Лейбница, связана маленькая проблема. Суть ее в том, что данный принцип уже не может быть применен к действительности, как только мы имеем дело с тем, что имеет отношение к предположениям, плодам воображения, надеждам и верованиям — иными словами, к сфере психологических отношений. Мы можем невольно связать конфликтующие психологические отношения с одним и тем же объектом.

Возможно, я восторгаюсь Мелиссой, живущей по соседству. Она добра, мила, очаровательна, и я восхищаюсь ею. В газете я прочитал о Миранде, которая выглядит ужасно на полицейской фотографии и разыскивается по подозрению в расхищении

---

* В соответствии с данным принципом не может существовать двух вещей, идентичных друг другу. А если такое иногда и случается, значит, перед нами та же самая вещь. — *Прим. пер.*

средств и убийстве. Я думаю, что она отвратительна, опасна и заслуживает того, чтобы ее поймали. И, конечно же, не испытываю к ней никакого обожания. Тем не менее — Мелисса и Миранда могут быть одним и тем же лицом. Мое отношение к одному и тому же человеку сформировано совершенно различным образом. Обе девушки были по-разному представлены мне. Не исключена возможность, что я невольно поддался очарованию той, которую зовут Миранда и которая никогда не вызывала у меня ни восторга, ни восхищения. Как мы увидим далее в главе 13, два имени одного и того же человека несут разные смыслы или интенции.

Однако пример растратчицы Мелиссы/Миранды может быть ущербной аналогией к рассуждениям Декарта. Французский мыслитель мог бы возразить, что рассчитывает мгновенно сам все понять и не нуждается в посредничестве газетных описаний, равно как и в любых других, и что он ясно представляет себе все, что существенно в отношении его личности. Конечно, нам следует поинтересоваться, откуда у него такая уверенность.

БЛИЗКИЕ ОТНОШЕНИЯ — ЭТО ВАЖНЕЕ, ЧЕМ ЛОЦМАН НА КОРАБЛЕ

Какой бы специфичной ни являлась аргументация Декарта, дуалистические представления могут быть точны и в отношении человеческих существ. Вернее, могут казаться точными — пока не наткнешься на головоломки, включенные в картину происходящего. Ниже — некоторые из них.

Мой опыт, касающийся меня самого и связанный с тем, как я действую в окружающем мире, кажется

весьма далеким от того, что я не равнозначен собственному телу, и моя внешняя оболочка есть не более чем инструмент, необходимый для моих действий. Я могу ехать на велосипеде, вести машину или приколачивать что-то молотком, но я не использую свои руки и ноги, так сказать, «отделенным» образом. Стоит мне поранить ногу, и я переживаю это событие не каким-то особо интеллектуальным образом, а просто немедленно чувствую боль. Декарт, к чести своей, не упускает из виду подобные тонкости. Декарт подчеркивает, что я не нахожусь со своим телом в тех же отношениях, что и лоцман на палубе — с кораблем. Мое «Я» куда глубже и многостороннее связано с моим телом. И то, что происходит с моим телом, я часто воспринимаю как бы изнутри себя. Именно таким образом я ощущаю положение моих ног, например. Декартова дуалистическая картина действительности отнюдь не облегчает понимание столь «интимных» взаимосвязей.

Подобное «смещение» телесного и духовного — особая проблема Декарта, однако еще чаще французского философа подвергали критике за то, что в его трудах влияние сознания на тело иногда выглядит слишком таинственным, равно как и влияние тела на сознание, — даже если не принимать в расчет проблему их «интимных» взаимоотношений. Если разум — нечто совершенно иное, неравнозначное мозгу, следовательно, каузальная связь между ними невозможна. Конечно, разум и тело взаимодействуют. Ну, скажем, если я захочу сделать глоток-другой, то способен протянуть в нужном направлении руку. И стоит мне припомнить иные из моих поступков, как я могу и покраснеть. В психологическом отношении что-то меняется, и состояние моего сознания находит

выражение в телесных реакциях. Когда водители машин начинают вовсю сигналить, я могу вдруг почувствовать головную боль и подумать что-нибудь не слишком приятное насчет них. Такие интеракции порождаются моими действиями, когда ментальные события вызывают определенные изменения в моем теле, а также в процессе восприятия окружающего при столкновении с внешним миром. Но бывают и более драматические интеракции. Введите мне изрядную дозу морфина, и, как по всему будет ясно, моя психологическая жизнь прекратится.

ИНТЕРАКЦИЯ КАК ЗАГАДКА?

Декарт пытался разгадать «секрет интеракций», говоря, что они возникают в особой части головы — в шишковидной железе, расположенной в центре мозга. Железа эта, разумеется, есть физическое тело, поэтому мы снова сталкиваемся с необходимостью объяснить, каким образом нечто, не имеющее физической природы, способно вызывать изменения в чем-то физическом. «Решение», связанное с шишковидной железой, вовсе не решение. Однако интеракция превращается в проблему, только если мы одобрим одну или обе из двух нижеследующих посылок. Нет никакой философской проблемы в признании того факта, что психологические изменения могут порождать изменения физические, равно как и наоборот, — до тех пор пока причинно-следственные отношения между двумя такими событиями не рассматриваются как явления однотипные. Для сравнения: магнитное поле служит причиной движения стрелки компаса, однако оба явления кажутся разнородными. Отталкиваясь от данного соображения, мы можем прийти к тому, что все действия человека порождены

некими событиями в нервной системе, которые, в свою очередь, были порождены другими событиями в нервной системе — и так далее. А коли так, то психологические события просто утрачивают всякую способность каузальным образом что-либо определять (такова позиция представителей эпифеноменализма, о чем мы будем говорить в следующей главе). И снова мы должны акцентировать вопрос о том, обладаем ли мы существенными знаниями о мозге, благодаря которым могли бы с уверенностью судить, что каждое событие, происходящее в нервной системе, должно иметь физическую причину.

ТАК НУЖЕН ЛИ НАМ ДУХ В МАШИНЕ?

Так получилось, что мы должны были принять на время понимание разума как субстанции, как объекта. И в этом смысле он подобен телу или мозгу за исключением лишь того, что загадочным образом не занимает места в пространстве и не является чем-то материальным. Декарт говорил о душе. Мы же, обладая широким пониманием физических свойств всего материального, можем создавать и применять различные концепции, приложимые к физическому миру, проводить эксперименты и делать успешные прогнозы. Мы, например, используем понятия силы, массы и ускорения и знаем, что представляет собой электричество. Однако, с дуалистической точки зрения, сознание, или разум, есть нечто такое, что не имеет ничего общего с материальными явлениями. В этой связи вопрос о том, что такое разум, приводит нас в затруднение. Мы готовы считать разум чем-то нематериальным, но мало что, кажется, можем сказать относительно тех законов, которые открыла наука и которые следовало бы отнести к анализу

нематериального. Мы не в состоянии подвергнуть нематериальное эксперименту или проверить непосредственным образом. Да, в нашем распоряжении есть некоторые психологические теории, но они всегда опосредованы физическими факторами наших действий. Возможно, картина, рисуемая Декартом, в корне ошибочна. Вероятно, мы не должны видеть в разуме отдельный объект, некую «вещь». Что если разговор о разуме — не более чем «светская болтовня», за которой остаются в тени те психологические состояния, свойственные человеку? Как уже отмечалось, даже дуалист Декарт не мог не признавать целостности человеческой природы. Вот что он пишет:

Природа учит меня также, что я не только присутствую в своем теле, как моряк присутствует на корабле, но этими чувствами — боли, голода, жажды и т. п. — я теснейшим образом сопряжен с моим телом и как бы с ним смешан, образуя с ним, таким образом, некое единство...*

Британский философ XX века Гилберт Райл, имея в виду понятие разума как отдельного объекта, существующего в чьих-то мыслях, саркастически отзывался о нем как о «духе в машине». Но даже если мы отойдет от понимания разума как некоей «вещи», нам по-прежнему не избежать вопроса о том, что представляют собой психологические состояния — интенции, чувства и ощущения, мысли. В следующей главе мы увидим, насколько хороши на деле наш мозг в сравнении с «духом в машине».

---

* Декарт Р. Размышления... Размышление шестое.

КАК ОБОЙТИСЬ БЕЗ ЧУВСТВ ИЛИ ВЕРОВАНИЙ, А ТАКЖЕ ПРОЧИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ШТУЧЕК?

Наши мозги — или, скажем, проявления «неврологического хэппенинга» у нас в головах — влияют на наше сознание и наш жизненный опыт, определяя то, что мы думаем и делаем. Тут и спорить не о чем. Вино вызывает изменения в мозге, и достаточное количество вина порождает чувство радости, а затем заставляет пошатываться и ощущать тошноту. У каждого из нас есть свой ментальный опыт, но, когда ученые исследуют мозговую деятельность, сканируя мозг или проводя на нем операцию, они имеют дело с нервными клетками, а не с калейдоскопом наших переживаний. Так каким же образом наши ощущения, чувства и мысли могут быть, предположительно или в действительности, равнозначны изменениям, касающимся клеточек мозга?

СОСТОЯНИЕ УМА — СОСТОЯНИЕ МОЗГА?

В предыдущей главе мы разбирались с тем, что предлагает нам дуализм, согласно которому разум и мозг — не одно и то же. И нашли это направление философской мысли несколько загадочным. Очевидную и доступную альтернативу дает нам теория, в которой между сознанием и мозгом ставится знак равенства. Теория эта предстает в различных обликах, но главный ее смысл заключается в том, что

психологические состояния и события — внутренний опыт человека, его верования и желания — не более чем состояния мозга, «инциденты», связанные с его деятельностью. Иногда эту же теорию называют материализмом, физикализмом или теорией центральных состояний. У материализма долгая история, восходящая еще к древнегреческим философам, например к Демокриту, прозванному «смеющимся философом» и отстаивавшему атомистический взгляд на мир. По Демокриту, смех, несомненно, следовало объяснять, как и все и прочее в нашем опыте, движением атомов. Одно из достоинств теории тождественности сознания и мозга — ее методологическая ценность. Именно благодаря этому концептуальному свойству теоретики смогли найти применение принципу, названному бритвой Оккама в честь средневекового английского философа. Смысл бритвы Оккама — *«Не следует множить сущности без необходимости»*.

Образ бритвы нужен, чтобы избавиться от никчемных ссылок на сущности, «сбрить» любые «бороды» или «усы», мешающие дать ясное объяснение тому, как все устроено и действует. Следуя далее по тому же пути, нейронаука, изучающая строение и деятельность мозга, претендует на то, чтобы раскрыть механизмы нашего поведения. Таково в данном случае «правило веры». Если ему следовать, то было бы крайне странным задерживаться на рассмотрении психологических состояний и событий, как если бы они выходили за пределы физических состояний мозга и неким странным образом бессильно болтались по сторонам. А коль скоро так, какую же роль все эти состояния и события играют в объяснении нашего поведения? Да никакой. Они — как жалкие

вставные номера, не способные ни поразить что-либо, ни на что-то повлиять. Да, такой взгляд на предмет нашего интереса существует, и называется он эпифеноменализмом.

Согласно эпифеноменализму, психологические события вдобавок ко всему как бы находятся поверх и вне причин, действующих в физическом мире. «Неврологические события» служат причинами поступков и в качестве побочных эффектов порождают и наши переживания, хотя наш внутренний опыт не обладает каузальной силой в отношении окружающей нас материальной действительности. В данной связи часто используется аналогия с паровым двигателем. Расширение водяного газа приводит в движение поршень, а пар, уходящий в свисток, — побочное действие, и свисток этот не имеет никакого отношения к причинам, вызывающим движение поршня. Или возьмем для примера движущиеся части турбины, генерирующей электрический ток: тени от движения могут меняться, однако не имеют никакого причинно-следственного отношения к выработке электричества.

Сторонники теории «тождества» подвергают сомнению подобные явления эпифеноменализма. Утверждается, что избыточные сущности должны попадать под бритву Оккама, поскольку их не следует считать необходимыми. В наши дни некоторые теоретики, придерживающиеся сходных взглядов, «бреют» точно так же — и ничего не предлагают взамен: они — представители эмининативизма (к этому мы еще вернемся). Традиционные поклонники теории «тождества» просто «сбривают» тот внутренний опыт человека, если его рассматривать как события, *несовпадающие* с деятельностью мозга. Теоретики «тождества»,

как правило, признают существование психологических состояний и событий, то есть не спорят с тем, что опыт работы сознания, безусловно, существует, однако стоят на том, что этот опыт идентичен состояниям и изменениям состояний мозга. Словом, нам и здесь не обойтись без некоторых уточнений.

ЛОГИЧЕСКИЙ БИХЕВИОРИЗМ

И вот — первое по счету. Когда мы говорим о людях, испытывающих боль, планирующих проведение отпуска или находящихся в разгневанном состоянии, мы имеем в виду, каково их поведение или к какому поведению они сами склонны. Представители логического бихевиоризма полагают, что психологические состояния воплощаются исключительно в поведении людей или в их предрасположенности к определенным поступкам (диспозиции). Теория эта дает повод вспомнить карикатуру, на которой изображена парочка в постели после секса, когда один говорит другому: «Похоже, все было неплохо для тебя. А для меня?»

Бихевиористская модель требует признать: соль растворима, то есть если взять определенное количество соли и поместить в воду, то соль в воде растворится. Однако суждение подобного рода кажется поверхностным, и нам нужно нечто более основательное. Пожалуйста: соль имеет определенную молекулярную структуру, благодаря которой при помещении в воду растворяется. Молекулярная структура в данном случае составляет категориальное основание диспозиции — предрасположенности к чему-либо. Сторонники теории «тождества» считают психологические состояния состояниями мозга, составляющими категориальные основания для того или иного

поведения. Человек, страдающий от головной боли или утраченной любви, находится в определенном «неврологическом состоянии», что и является переживанием его личного опыта. В силу этого состояния он, вероятно, может обхватить голову руками, принять аспирин или что-то пробурчать раздраженным тоном.

А вот и второе уточнение. Один и тот же тип ментального состояния, скажем болевое ощущение, может проявляться в очень разных мозгах. Боль имеет множество воплощений. Осьминоги, кошки и шимпанзе, а может быть, даже и гипотетические марсиане — все способны ощущать боль, однако мозги их устроены по-разному. Ментальные события объединяет понятие боли потому, что они имеют одно и то же каузальное значение — выполняют одинаковые функции у живых существ, если иметь в виду психологические состояния и поведение. Рассуждения подобного рода приводят нас к функционализму, часто рассматриваемому в качестве одной из версий теории тождества мозга и сознания, которой мы и продолжим заниматься.

ЧТО ОСВЕЩАЮТ ВСПЫШКИ МОЛНИЙ

Согласно теории тождества, визуальные впечатления, чувство щекотки или появление мыслей — все это определенные неврологические события. Разумеется, если *A* идентично *B*, то *B* идентично *A* — и, следовательно, как уже отмечалось, сторонник теории тождества может с полным правом утверждать, что многие состояния мозга суть состояния психологические. Требование идентичности имеет конкретную направленность: психологические состояния сводятся к определенным состояниям мозга. Правильное

истолкование обусловлено законами и концепциями, принятыми в области нейронауки.

В данной связи возникает вопрос, существуют ли свидетельства в подтверждение того, что определенные ощущения равнозначны определенным изменениям в состоянии нервной системы? В качестве возможного ответа предлагается аналогия с открытием разно-стороннего американского ученого и государственного деятеля Бенджамина Франклина, заметившего, что молния — не более чем разряд электричества. Но как мы можем доказать, что белая вспышка молнии высоко в небе — это просто электрический разряд? Самый простой ответ: вспышка света случается там и тогда, где и когда происходит электрический разряд. Однако если что-то происходит после чего-то, отсюда еще не следует вывод об идентичности двух явлений — скорее, следует говорить о том, что одно событие предшествовало другому и, вероятно, было причиной последнего.

Держа в уме пример с молнией, каким образом мы можем убедиться, что чувства или мысли — не более чем частные случаи возникновения или передачи нервных импульсов? Ну, скажем, мы можем подсоединить провода к добровольцам в роли подопытных морских свинок, а затем начать снимать показания, определяя, где и когда появляются релевантные сигналы нервной системы. Но, чтобы соотнести определенные сигналы с соответствующими ощущениями подопытного, мы должны знать, где и когда рождаются ощущения, которые следует идентифицировать в соответствии с теми или иными импульсами. Естественно, мы спрашиваем у наших «морских свинок», что они ощущают или чувствуют. Однако, если не подгонять все под теорию

тождества, бывает затруднительно определить локализацию ощущения или мысли, а если это удастся сделать без труда, то нередко локализация не совпадает с головным мозгом. Скажем, если побаливает нога, то сторонник теории тождества вынужден говорить: «А, вероятно, боль *гнездится* в мозге». На это я бы сказал: а мои мысли о том, как провести праздничные дни, они что, тоже рождаются где-то в глубине моего черепа на расстоянии нескольких сантиметров от левого уха?

Возможно, принять решение, в какой мере признавать или не признавать теории «тождества», нам лучше всего помогла бы бритва Оккама, но стоит нам согласиться с этой теорией хотя бы частично, как у нас на пути появятся запутанные проблемы. Некоторые черты психологических состояний не всегда легко соотнести с нервными клетками мозга. У меня, к примеру, есть особый, «привилегированный», доступ ко многим моим состояниям. Скажем, у меня заболела рука. Если это событие — из разряда «неврологического хэппенинга», открытого для всех и каждого, то что станется с моим «привилегированным» доступом к нему? Трудно отказаться от мысли, что некое чувство или ощущение есть всего лишь изменение электрохимической активности мозга, однако нельзя же при этом отбросить и вопрос о том, как это все воспринимается «изнутри» — то есть, в конце концов, как наше собственное переживание чего-то или по-другому? Далее. Как насчет наших верований, намерений или желаний? Они ориентированы на определенные объекты, часть из которых не обладает существованием, — так можно ли считать, что возбуждение нервных клеток мозга направлено именно на объекты, в числе каковых

есть и несуществующие? Мы жаждем побывать в Дамаске вместе с Давинией — и как активность нейронов можно использовать для объяснения, почему мы нацелены именно на Дамаск и нам нужна при этом именно Давиния?

Множество психологических проявлений как будто не зависят от активности нейронов, но если возбуждение нервных клеток в действительности равносильно появлению переживаний, намерений, мыслей и так далее, то что верно в отношении одного, должно быть верно и в отношении другого. Мы уже встречались с этим основополагающим принципом в главе 8, когда говорили о «тождестве неразличимых», предложенном Лейбницем. И что теперь? А теперь — расскажем историю.

МАЛЕНЬКИЕ КРАСНЫЕ ДЕМОНЫ

Попав к живущему далеко-далеко племени, мы узнаём, что к постели больного зовут колдуний. Они танцуют вокруг недужного, призывают на помощь духов, жуют священные грибы, а затем могут объявить, что видят маленьких красных демонов, в ярости кружащихся вокруг заболевшего. Демонов видят только колдуньи-целительницы, и демонов этих нужно умиротворить. И потому колдуньи отправляются в священный лес, собирают там особые ягоды, томят их на огне, а затем потчуют варевом страдальца. Красные демоны насыщаются и успокаиваются, более не причиняя беспокойства. И действительно, пациент часто выздоравливает.

Нам же теория красных демонов кажется весьма сомнительной. Мало-помалу мы начинаем понимать, что колдуньи в роли целительниц, отведав священных грибов, галлюцинируют, а отвар ягод, предла-

гаемый больному, обладает антибиотическими свойствами. Мы можем легко объяснить происходящее в племени с помощью современных научных представлений, находящих широкое успешное применение на практике. Мы можем позволить себе отбросить за ненадобностью теорию маленьких красных демонов, которой верны колдуны племени, и, как следствие, нас не станет мучить вопрос, чем накормить их, чтобы с опорой на нашу теорию медицины принести исцеление больному. Мы не требуем того, чтобы наши, западные, теории медицины были признаны несостоятельными лишь потому, что в них нет места маленьким красным демонам, жаждущим умиротворения. Мы просто мысленно отправляем демонов в мусор — как и все, что является частью никуда не годного толкования действительности.

Рассуждая аналогичным образом, философы-элиминативисты доказывают, что тот же подход нужен для анализа представлений о наших желаниях, верованиях, переживаниях и так далее. Идея в том, что многие понятия — плоды здравого смысла, дань народной психологии, столетиями помогавшей объяснять поведение людей, однако нейронаука открывает путь к лучшему пониманию. Иначе говоря, не следует беспокоиться о том, как привести представления народной психологии в соответствие с новыми теориями, — важно следовать новому концептуализму. В результате элиминативисты приходят к концепции «исчезающего сознания», доказывая, что понятия, которыми мы постоянно пользуемся: намерения, желания, верования, переживания и так далее — все они носят излишне теоретический характер, а потому не имеют особой ценности как инструменты для объяснения и прогнозирования. Однако элиминативистскую

точку зрения, согласно которой такие понятия, как намерения, желания и верования, не обладают прогностической ценностью, мы можем оспорить. Мы также имеем право акцентировать вопрос, какой смысл остается вкладывать в существование человека и отношения между людьми, если наши базовые понятия — надуманные и сродни «маленьким красным демонам». Не имея представления о природе наших намерений, желаний и верований, как можем мы давать обещания, наделять смыслом идеалы и вселять уверенность в тех, кого любим?

Как мы уже отмечали в предыдущей главе, Гилберт Райл отвергал картезианское представление о разуме, или о душе, не видя в нем ничего, кроме «духа в машине». Подход Райла требует сосредоточить внимание на том, что именно дает возможность человеческому существу мыслить и переживать. Как следствие, фокус интереса переносится на деятельность мозга, однако объяснить, как именно наш мозг вырабатывает в себе необходимые свойства, — крайне трудно. Элиминативисты преодолевают затруднение простейшим образом — отбрасывая как нечто несущественное наши мысли и переживания, равно как и прочие явления психологической природы, оставляя нас наедине с мозгом и нейронаукой, его изучающей. Именно с данных позиций элиминативисты и пытаются объяснить поведение человека. Но много ли в таком случае остается от привычной для нас жизни, если наши общепринятые психологические представления теряют смысл и не находят применения?

Философские размышления необходимо с чего-то начинать, и, вероятно, наши представления о человеческих намерениях, верованиях и желаниях намного

яснее и прочнее, чем аргументы, используемые для утверждения, что наши намерения, верования и желания не существуют. Возможно, нам просто следует помнить, что мы — человеческие существа и потому обладаем не только физическими, но и психологическими чертами. Мыслят не мозги людей — мыслят люди. Мы не должны поддаваться тому, чтобы нас низводили до физиологически функционирующих мозгов и не более, но точно так же нам следует сопротивляться и тому, чтобы от человека оставалась одна только душа — или «дух в машине».

КАК ПОВЕДАТЬ О БУДУЩЕМ, ЕСЛИ ЭТО ВООБЩЕ МОЖНО СДЕЛАТЬ?

Вы пытаетесь предугадать победителя на Кентуккийских скачках, изучая результаты предыдущих забегов. Вы занимаетесь прогнозированием на основе прошедших событий. Кларисса же, напротив, предсказывает победителей, вглядываясь в глубину своего хрустального шара. Вы замечаете ей, что оценка той формы, которой лошадь обладала в недавнем прошлом, дает лучшие шансы на верность прогноза, чем хрустальный шар. «Да-а, — отвечает Кларисса, — но успехи лошадки все в прошлом. А нас интересует будущее».

ПРОБЛЕМА ИНДУКЦИИ

Нам нужно сосредоточить внимание на проблеме индукции применительно к природе рассуждений. Сложность связана с категорией времени: если события регулярно происходили в прошлом, это еще не дает гарантии, что они точно так же станут происходить и в будущем. Связывая эту же проблему с категорией времени, мы не имеем достаточных оснований полагать, что события, происходившие здесь, точно так же станут происходить и где-то еще. Ежедневно мы полагаемся на индуктивные выводы, тем не менее очень трудно судить, что именно, если вообще что-либо, способно служить для них основанием. Случаев, когда бы замечалось, что свиньи летают, не было, поэтому мы находим вполне обоснованным думать, что и завтра

не увидим, как свиньи полетели. На сегодня известно, что все человеческие существа, если они живы, нуждаются в том, чтобы дышать, — и мы уверены, что нашим детям придется плохо, если они не смогут дышать. Призовые скакуны обычно демонстрируют хорошую форму, поэтому мы предполагаем, что и будущие победители забегов должны быть в столь же хорошей форме. Главная проблема индукции заключается в том, как далеко мы можем зайти в своих предположениях, отталкиваясь, как показано ниже, от одного суждения, чтобы прийти к другому.

Если все виденные нами случаи F суть G ,

то

Все случаи F суть G

F в данном случае «свиньи», а G — «не летают». Знаменитый пример, который мы используем, связан с именем Дэвида Юма, мыслителя эпохи Просвещения и философа XVIII века. С этим блистательным человеком мы уже встречались на страницах нашей книги.

Разумеется, индуктивное рассуждение не может служить гарантией того, что сделанный вывод будет истинным. Допустим, у нас есть наивернейшие факты в доказательство того, что все лебеди — белые (на определенном этапе времени лебеди, которых видели в самых разных местах, всегда были белого цвета). Однако, как оказалось, где-то оставались незамеченными лебеди черной окраски.

Стремясь осмыслить что-либо на основе индуктивных размышлений, мы должны принимать во внима-

ние широкий спектр явлений, происходящих в самых разных обстоятельствах. Судите сами, если свести свидетельства о продолжительности человеческой жизни к одному, ныне живущему, то можно глупейшим образом заключить, что люди бессмертны. Нам также нельзя упускать из виду и вероятность тех или иных событий. По прошлому опыту я знаю: если открыть кран, из него, с высокой долей вероятности, потечет вода, но время от времени такого не происходит. Замечу, однако, еще раз, наше знание, какие события имели место в прошлом, позволяет нам судить, что пойдет не так в настоящем и — нередко — почему именно.

ЧТО СКРЫТО В ГЛУБИНЕ ХРУСТАЛЬНОГО ШАРА?

Пытаясь на основе фактов прошлого спрогнозировать, кто победит на лошадиных скачках, или самым банальным образом ожидая, чтобы продолжалось и состоялось все, чему положено произойти, идет ли речь о свиньях, детях или водоснабжении, мы, несомненно, ведем себя более рационально, чем любители положиться на мудрость хрустальных шаров. Но как мы проявляем свою рациональность? Позвольте прежде поразмыслить чуть больше о Клариссе и ее предсказаниях, кто выйдет победителем на Кентуккийских скачках, — предсказаниях, совершаемых с помощью хрустального шара.

Кларисса может убедительно говорить, что причина, по которой она выдает предсказания, доверяя хрустальному шару, проста: он оказывался куда успешнее в прогнозах, чем прочие средства и методы. Если такова ее доказательная база, то между нами нет принципиальных разногласий относительно общего

подхода к прогнозированию. Мы все согласны с тем, что нам следует анализировать прошлые закономерности и в зависимости от тех или иных обстоятельств проецировать эти закономерности в область будущего. То есть мы должны дружно оценить имеющиеся у нас факты и посмотреть, какой из методов – расчет на хрустальный шар или на спортивную форму скакуна – чаще давал в прошлом верные результаты.

Однако Кларисса может быть решительно не согласна с нами. Допустим, мы покажем, что вглядывание в хрустальный шар давало не слишком успешные результаты в смысле предсказаний победителей. Кларисса согласится, но скажет, что прежние неудачи ничего не значат. Возможно, добавит кто-то с нашей стороны, Кларисса завела себе шар из хрусталя с улучшенными качествами? Но Кларисса говорит: «Нет, хрустальный шар все тот же». Она действительно готова настаивать на том, что прошлое, если иметь в виду возможных победителей скачек, вовсе не пролагает дорогу в будущее. И что нам следует ответить ей или любому, кто подвергает сомнению надежность установленных закономерностей применительно к прогнозированию будущего? Давайте сконцентрируемся на общей проблеме, оставив в стороне Кентуккийские скачки. Они помогли нам сосредоточить внимание на предмете нашего интереса, но, в сущности, жизнь каждого из нас куда больше определяют самые обычные ожидания, связанные с повседневными делами и событиями.

КРАЕУГОЛЬНЫЕ КАМНИ ОБОСНОВАНИЙ

Основываясь лишь на прошлом в своем стремлении проверить предположения, ориентированные на события в будущем, мы не можем быть в контакте

с окружающим миром и с тем, что в нем происходит, ибо мы как бы признаём, что прошлое поверяет будущее. Однако в таком случае мы попадаем в ситуацию логического круга относительно того, что пытаемся обосновать. И даже самые успешные методы прогнозирования проявляют себя как успешные только на сегодня — именно такова позиция тех, кто рассуждает, как предсказательница Кларисса. Обращаться за обоснованием к эмпирическому миру все равно что довольствоваться только доказательствами *a posteriori*, доказательствами, получаемыми лишь посредством опыта, что, как может представиться, заводит нас в тупик.

Но, может быть, мы слишком поспешно отвергаем эмпирический опыт в общении с миром? В конце концов, существуют же законы природы, и они действуют, и мы видим, какой силой обладают причинно-следственные связи и каким образом они обуславливают те или иные явления. При нагревании медь расширяется. Гравитация заставляет яблоки, как и людей, падать на землю, а спиртное служит причиной того, что люди могут идти, покачиваясь и шатаясь. Все это, безусловно, так, но мы, анализируя подобные случаи, по-прежнему не в состоянии обойти коренную проблему индукции. Что именно позволяет нам с уверенностью полагать, что в ближайшем будущем медь будет расширяться при нагревании, а яблоки — падать на землю?

Иногда мы можем находить обоснование происходящему — *a priori*, независимо от эмпирического опыта. Верные представления о треугольниках или числах мы можем получить благодаря размышлению. А теперь вопрос: можем ли мы получить обоснование для наших индуктивных рассуждений *a priori*? Какой

основополагающий принцип позволит нам обосновать переход от всех наблюдаемых нами F и G ко всем F и G ? Некоторые философы предлагают опираться на принцип единообразия природных явлений. Джон Стюарт Милль — британский мыслитель эпохи королевы Виктории, в наше время известный в первую очередь как политический философ, однако написавший исключительно важный труд по логике, — доказывал, например, что индуктивные рассуждения требуют признания в качестве базового принципа единообразия природы. Естественно, сразу же возникает вопрос: в чем заключается единообразие и на какой почве мы можем обрести уверенность в том, что данный принцип воплощает истину? Нельзя просто констатировать, что принцип оправдывал себя в прошлом, потому что такое понимание вновь заводит нас в порочный круг.

Но оставим на время в стороне все заявленное выше. В связи с принципом «единообразия» любопытно и то, что если мы изначально признаем данный принцип, то можем и быстро опровергнуть его, используя ту же индуктивную аргументацию, которая помогала его утвердить. Все выглядит так, как если бы мы доказывали нижеследующее.

Все наблюдаемые лебеди — белые.

Природа единообразна.

Следовательно, все лебеди — белые.

Нам известно, что первая посылка верна, однако вывод ложен. Значит, у нас нет хорошей аргументации на основе верных посылок, позволяющей прийти к истинному заключению. Что-то не в порядке с аргументацией — и мы можем здраво заключить, что

природа не единообразна, причем даже в самых простых случаях.

ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС ИЛИ ТРЮКАЧЕСТВО?

До сих пор нам не удавалось найти надежное обоснование для индуктивных рассуждений. Однако стоит заметить в данной связи, что некоторые действия, предпринимаемые в рамках философской дискуссии на эту тему, очень напоминают при ближайшем рассмотрении ловкие пассы иллюзиониста.

«Чтобы нечто было стеклом, — могут утверждать иные участники дискуссии, — оно должно быть бьющимся и должно разбиваться, если ударить им о кирпичную стену. Такова природа стекла. Поэтому мы и представляем, что произойдет с типичным стеклянным винным бокалом, стоящим перед нами, если его уронить. Так мы получаем знание будущего».

Но вышеприведенное рассуждение — не более чем ловкий трюк. Будущее поведение материала, из которого что-то сделано, определяется нашим пониманием природы этого материала. Чтобы нечто признавалось стеклом, оно должно разбиваться при сильном ударе о твердую поверхность. Если мы признаем это — а позвольте нам так и сделать, — то знакомая нам проблема индукции просто оборачивается новой проблемой. А если вернуться к «винному бокалу», стоящему перед нами, как можем мы быть уверены, что он действительно стеклянный? Не можем. Не можем, пока не увидим, разобьется ли он при ударе о кирпичную стену. Нашу прежнюю индуктивную проблему можно было сформулировать следующим образом: на основании чего мы предполагаем,

что это стекло разобьется, если упадет? Наша вторая проблема формулируется иначе: на основании чего мы предполагаем, что то, что находится перед нами, сделано из стекла?

Напрашивается ответ — нужно произвести химический анализ материала, из которого сделан винный бокал, чтобы определить истинную природу материала. Таким образом мы можем установить, стеклянный ли предмет перед нами. Однако нам могут возразить: вы просто отодвигаете проблему на дальний план, а не решаете ее. Откуда, в самом деле, вы взяли, что материал, даже если вы определили, какой именно, в будущем станет вести себя точно так же, как и в прошлом?

Ничто в природе не дает нам уверенности в том, что даже основополагающие закономерности, открытые нами, должны простираются и в будущее. Есть люди, чьих мысли подобного рода увлекают за пределы реальности. Мы живем в мире, настаивают они, где есть порядок, и нам требуется объяснение законов этого мира. И объяснение заключается в том, что мы не сомневаемся в упорядоченности окружающего, веруя в трансцендентное существо, имя которому Бог, ибо Он есть тот, кто создал этот мир надлежащим образом.

Но ведь это же не истинное объяснение, а своего рода трюк. Хорошо, допустим, что упорядоченность мира уходит корнями в великую тайну и нам не хватает чего-то для ее объяснения. Однако мы же не можем восполнить недостаточность объяснений, касающихся миропорядка, привлекая трансцендентную сущность, или Бога, с бытием вне природы, не так ли? Мы не можем довольствоваться подобным объяснением, потому что оно влечет за собой новую

загадку — зачем и каким образом трансцендентное существо принялось взаимодействовать с нашим миром, а также что означает упорядоченность для этого существа и куда ведут Его неисповедимые пути.

ТАК КАК ЖЕ НАМ БЫТЬ?

Нет сомнений, что мы действуем и предвидим развитие событий, исходя из того, как они происходили в прошлом. Мы знаем, что обычно случается, когда люди попадают на рельсы под скорый поезд. Поэтому мы хотим избежать увечья, и нам надлежит не вставать на пути у поездов. Нам известны последствия алкогольного опьянения, голода, неумеренного секса и многого другого.

Рассматривая возможности логической индукции, Дэвид Юм подчеркивал, что наши действия обусловлены предположениями, основанными на повторяющемся опыте. Вот как он сам писал об этом.

Итак, привычка есть великий руководитель человеческой жизни. Только этот принцип и делает опыт полезным для нас и побуждает нас ожидать в будущем хода событий, подобного тому, который мы воспринимали в прошлом*.

Тот факт, что нами руководит привычка, нельзя проверить ни рассуждениями, ни эмпирическим опытом. Так уж устроены человеческие существа. Мы можем только добавить к этому, что данная закономерность вполне отвечает единообразию нашей человеческой природы, воплощающей себя в пространстве и времени.

---

* Юм Д. Исследование о человеческом познании.

На этом месте сторонники эволюционной теории могут вставить слово и со своей стороны. Вероятно, они отметят, что в случае, когда люди и прочие живые создания благоденствуют, способность основывать предположения на прошлом опыте, несомненно, приобретает ценность как залог выживания, ибо, только поступая правильно, а не наоборот, мы можем уцелеть. Однако эволюционный подход, как и соображения подобного толка, изложенные выше, все же упускает главное. Безусловно, если мы проецируем закономерности в область будущего, это идет нам во благо, однако само по себе еще не является исчерпывающим доказательством наших предположений о том, что такого рода проекции гарантируют нам правильные решения в будущем. Возможно, Вселенная к настоящему моменту устроена так, что мы можем положиться на открытые нами законы ее существования, а значит выжить, однако кто знает, не наступит ли завтра хаос? Конечно, у нас нет пока веской причины так уж тревожиться, однако нет и не менее основательной причины предполагать, что законы нашего нынешнего времени останутся верны и в будущем.

Хотя не имеющего ничего общего с порочным логическим кругом и надежного основания для практики выведения индуктивных суждений у нас нет, все же данный метод, несомненно, позволяет нам достаточно определенно судить о том, какие закономерности должны управлять событиями в будущем. Если нам попадается на глаза немало домашних кошек черного цвета, это еще не значит, что мы должны думать, будто все кошки покрыты черной шерстью, однако если мы видим в самых разных местах воронов и эти птицы всегда черные, то у нас появляется веское

основание (хотя и не исчерпывающая причина) сделать вывод, что все вороны — черного цвета. Далее, перемена обстоятельств может прямо побудить нас изменить свои предположения на будущее и политический курс. Джон Мейнард Кейнс острит: «Когда меняются факты, я начинаю думать о них по-другому, а вы, сэр?»

В общем-то, невозможно подобрать исчерпывающе точные основания для выводов, получаемых в процессе индуктивных рассуждений, но даже с подобной оговоркой метод себя оправдывает. Возьмите на заметку, пожалуйста: в последней главе книги будет показано, что дедуктивные рассуждения также не могут быть исчерпывающе обоснованными: правомерность выводов истощается и приходит к концу.

КАК СТАТЬ УЧЕНЫМ-ФИЛОСОФОМ, И ЖЕЛАТЕЛЬНО НЕПЛОХИМ?

Философы горят желанием изучить каждую область мысли, поэтому нет ничего удивительного в том, что и сама наука служит для них предметом интереса. Научный прогресс — выдающаяся особенность последних двух веков. Но насколько далеко продвинулась наука? Как было показано в предыдущих главах, существуют известные проблемы, связанные с необходимостью проверять на истинность суждения общего характера, или «всеохватывающие» утверждения, вторгающиеся и в область будущего. Тем не менее наука все успешнее разрабатывает множество новых теорий, оправдывающих себя на практике. Как это удастся ученым?

НАУКА И ПСЕВДОНАУКА

Когда астрологи предсказывают, что вам придется пережить некоторые трудности на следующей неделе, а астрономы указывают дату и время будущего лунного затмения, некоторые люди могут настаивать на том, что оба прогноза базируются на теориях, основанных на полученных ранее свидетельствах. Если оба предположения подтверждаются, следовательно, обе теории в равной мере прочно обоснованы. Тем не менее стоит поразмыслить, и оказывается, что астрономический прогноз разработан детальнее и включает некоторую вероятность ошибки или неточности, тогда как астрология подобного риска

не приемлет. В конце концов, кому удастся на неделе избежать своих трудностей?

Научные теории включают концепции и общие законы. Концепции призваны характеризовать окружающее, а законы в сочетании с концептуальным пониманием и с учетом изначально заданных условий позволяют предвидеть развитие событий и находить объяснение происходящему. Известно немало законов, и часто им присваивают имена их первооткрывателей — например, Ньютона, Фарадея и Эйнштейна. Знание, заключенное в законах, позволяет ученым делать успешные прогнозы, а инженерам и технологам дает возможность создавать великое множество устройств определенного назначения — от электрических чайников до сканеров мозга и от летательных аппаратов до ноутбуков. И эти устройства обычно работают.

Чтобы полноценно служить науке, какими характерными чертами должны обладать наши теории, с течением времени приобретающие силу законов природы? Австрийский философ XX века Карл Поппер дает знаменательный ответ на данный вопрос. Теория является научной, если существует возможность ее опровергнуть*.

В той мере, в какой научное утверждение свидетельствует о реальности, оно должно допускать возможность быть опровергнутым, но в той мере, в какой оно не допускает возможности быть опровергнутым, оно не свидетельствует о реальности.

---

* Имеется в виду так называемый критерий Поппера, или критерий «фальсифицируемости» теоретических утверждений, — их потенциальная опровергаемость, позволяющая отделять научные знания от ненаучных. От *англ.* false — неверный, неправильный, ложный, ошибочный. — *Прим. ред.*

Научная теория обязана при определенных условиях «запрещать» некоторые ситуации и явления. Следовательно, если такие ситуации и явления возникают, то теория, в понимании Поппера, фальсифицируется. Идея в том, что если мы утверждаем нечто существенное о мире, об окружающей нас реальности, мы утверждаем также и то, что может быть неверным, ошибочным. Конечно, мы надеемся, что наша теория не заслуживает опровержения, однако сама возможность должна существовать. Если теория не допускает логически верного опровержения, значит, она не несет знаний о действительности. Она пуста.

Астрономическая теория, упомянутая выше и позволяющая прогнозировать затмения, несомненно, высоконучная: она точна и конкретна в данном предсказании, как и во многих иных. И она несет в себе риск быть фальсифицированной в определенном смысле, и не только в связи с одним отдельно взятым прогнозом, но и с теми, которые найдут себе место в будущем. Напротив, астрология, как правило, дает настолько смутные и расплывчатые предсказания, что заведомо защищает себя от любых последующих опровержений. Иными словами, невозможность опровергнуть астрологические утверждения говорит о том, что они не имеют веса. Астрология — псевдонаука.

Согласно Попперу, психоанализ и марксистское объяснение исторического процесса также представляют собой разновидности псевдонауки. Какие из предсказаний, сделанных с помощью этих наук, нельзя опровергнуть? Психоанализ пытается объяснить некоторые отклонения от «нормального» поведения по мере того, как они возникают. Например, с помощью такого понятия, как эдипов комплекс. Однако мы можем

поставить вопрос: какие свидетельства психоанализ допускает в опровержение своих теоретических положений? Взрослым нужно объяснять поведение подростков. И взрослые со знающим видом говорят: «Ах, это их реакция протеста на давление со стороны авторитарных родителей» или «Ах, они подражают своим родителям». Однако утверждения подобного рода не слишком удачны в практическом отношении «при взгляде извне»: на основе данной теории невозможно спрогнозировать, кто из подрастающего поколения взбунтуется против своего воспитания, а кто — ему же подчинится. Что именно в данной связи будет избрано, теория психоанализа «предугадывает», так сказать, по завершении событий.

Критерий Поппера, нацеленный на отделение науки от псевдонауки, требует эмпирического подтверждения представлений об окружающей реальности. Правда, следует отметить, что по контрасту с научными теориями существует немало важных и существенных математических и логических теорем, также не поддающихся опровержению. Однако такие математические и логические теоремы не связаны непосредственно с окружающей нас действительностью — они отражают абстрактные, отвлеченные отношения. Если, например, у нас есть фигура — прямоугольный треугольник Евклида, то квадрат гипотенузы должен быть равен сумме квадратов катетов. Это утверждение истинно, но доказать его можно только с помощью рассуждений.

НА ПУТИ ПРОГРЕССА

Научные теории должны быть открыты для возможности пересмотра, но как, в таком случае, нам овладеть ими? Что нам следует делать? Прежде всего,

нам нужны прочные гипотезы: они — основа наших теорий. Затем необходима серьезная проверка на опыте. Иными словами, не лишне попытаться опровергнуть их. Источником наших предположений могут, разумеется, служить некоторые факты, однако индуктивные рассуждения, по Попперу, нельзя обосновать исчерпывающим образом. Поэтому наши наблюдения — не более чем поддержка предположения об истинности гипотез. Как только теория сложилась, мы должны стремиться опровергнуть ее. Даже если теория многократно проверялась на опыте и осталась нерушимой, она тем не менее в основе своей — гипотеза. Если теория не выдерживает проверки и рассыпается, то настоящие ученые отвергают сделанные ранее выводы. Слабые ученые, согласно Попперу, будучи не в силах расстаться со своими теориями, идут навстречу сокрушительным неудачам. Попытка ухватиться за теорию и более не отказываться от нее ведет к бесконечным поискам ее модификаций, единственное назначение которых — оправдание сложившихся концепций. Допустим, теория нашептывает об открытии планеты в Южном полушарии, однако никто из ученых, наблюдающих небо в Южном полушарии, таковой не видит, — создается особая «модификация» теории, и утверждается, что в определенный день предполагаемое небесное тело осталось невидимым.

Чтобы с пользой пересматривать научные идеи, необходимо появление в результате новых и полноценных гипотез, а это значит, что последующие предположения также могут быть опровергнуты, или «сфальсифицированы» в терминологии Поппера. Скажем, есть гипотеза, согласно которой вода закипает при 100 °С. Данное положение можно

пересмотреть, но при условии, что изменится атмосферное давление. Далее появляется новое предположение — то, которое учитывает изменения атмосферного давления.

МЕТОД ГИПОТЕТИЧЕСКОЙ ДЕДУКЦИИ

Подход Поппера связан с тем, что всеобщие утверждения — скажем, «все вороны черные» — нельзя верифицировать. Такова главная проблема индукции. Однако существование одного-единственного не черного ворона, вероятно, может быть подтверждено, а если так, то всеобщее утверждение получает опровержение. В стремлении обойти главную проблему индукции Поппер прибегает к методу гипотетической дедукции. Метод позволяет проверить гипотезы, предположения, идеи, выдвигая их на первый план как всеобщие посылки — например, «все вороны черные» — дедуктивных рассуждений. Затем в качестве второй посылки мы используем частный случай, или начальное условие, — то есть «это ворон» — и получаем правильно построенное дедуктивное рассуждение с выводом — «он черный». Если же птица, которую мы имеем в виду, оказывается не черной, получается, что наша гипотеза ложна. Все вышесказанное — примерное изложение подхода Поппера. Однако нам необходимо и кое-что уточнить.

Попытка опровержения включает две составляющие: есть теория, и есть совокупность начальных условий. Применительно к нашему примеру — если птичка не черного цвета, то наша гипотеза, возможно, ложна, но не исключено также, что неверно формулируются начальные условия. Допустим, птица, о которой речь, — это вовсе не ворон. Мораль такова: отвергать идею лишь потому, что прогноз, в терминологии

Поппера, фальсифицирован, не всегда рационально. Мы сосредоточили внимание только на одной составляющей — совокупности начальных условий в добавление к основному предположению. Однако многое вокруг нас устроено намного сложнее.

ДУРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПЛАНЕТ

Обратимся к чудесной истории о дурном поведении планет, поведанной венгерским философом Имре Лакатосом. Рассказ начинается с того, что один физик, в эпоху еще до Эйнштейна, взял на вооружение механику Ньютона и закон всемирного тяготения, принял во внимание начальные условия — и вычислил путь только что открытой маленькой планеты, назовем ее P . А что потом? Ну, продолжает Лакатос, планета отклонилась от рассчитанного для нее пути.

Что делает наш физик? Может быть, он заключает, что, поскольку такое отклонение не предусмотрено теорией Ньютона, а с упрямым фактом ничего поделать нельзя, то, стало быть, теория N опровергнута? Ничуть не бывало. Вместо этого наш физик выдвигает предположение, что должна существовать пока еще неизвестная планета P' , тяготение которой возмущает траекторию P . Он садится за расчеты, вычисляет массу, орбиту и прочие характеристики гипотетической планеты, а затем просит астронома-наблюдателя проверить его гипотезу*.

Как повествует далее Лакатос, планета P' была так мала, что ее не увидели бы даже в самой большой

---

* Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. — М. : Медиум, 1995.

из существовавших тогда телескопов. Поэтому астроном-наблюдатель запросил грант на создание нового, более мощного телескопа. Спустя три года телескоп оказался готов.

Если бы ранее не известная планета P'' была бы открыта, ученые на весь мир раструбили бы о новом триумфе ньютонианской теории. Но ничего подобного не произошло. Что же наш физик? Отверг ли он ньютоновскую теорию вместе со своей гипотезой о причине отклонения планеты от вычисленной траектории? Отнюдь! Вместо этого он уверяет, что планета P'' скрыта от нас облаком космической пыли. Он вычисляет координаты и параметры этого облака и просит денег на постройку искусственного спутника Земли, наблюдениями с которого можно было бы проверить его вычисления.

Теперь, продолжает Лакатос, если бы приборы наблюдения, установленные на искусственном спутнике (вероятно, самые новые, разработанные на основе пока еще мало проверенной теории), зафиксировали гипотетическое облако, то такой результат был бы встречен восторженными кликами в честь выдающейся победы ньютоновой механики. Однако облако не обнаруживается.

Отбросил ли теперь наш ученый теорию Ньютона вместе со своими гипотезами о планетовозмутительнице и облаке, превращающем ее в планету-невидимку? Ничего подобного. Теперь он уверяет, что существует некое магнитное поле в этом районе вселенной, из-за которого приборы спутника не могут обнаружить пылевое облако. И вот построен

новый спутник с другими приборами. Если бы теперь магнитное поле было обнаружено, ньютонианцы праздновали бы головокружительную победу. И снова – увы! Может быть, теперь уже можно считать ньютоновскую теорию опровергнутой?

Нет, и на этот раз нет. И Лакатос завершает свой рассказ следующим образом.

Тотчас выдвигается новая, еще более остроумная гипотеза, объясняющая очередную неудачу, либо... Либо вся эта история погребается в пыльных томах педриодики и уже больше никем не вспоминается.

Смысл примера не сводится к тому, нужны нам или нет дополнительные гипотезы – иногда они уместны, а иногда нет. Вопрос в другом. Опровергая рассматриваемую теорию, мы должны использовать такие общие утверждения, к которым не примешивалось бы ничего стороннего или неизвестного. Разумеется, проверяемая нами теория может казаться нам более верной, чем предположение, что никакие сторонние силы на нее не воздействуют, но каким образом можно опровергнуть само предположение подобного рода? Как определить, что прочнее: теория или касающиеся ее предположения?

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПАРАДИГМЫ

Особый акцент Поппера на предположениях и их опровержениях игнорирует тот факт, что ученые многое изучают в рамках парадигмы – теории, одобренной в общих чертах и составляющей базис для исследований. Данный момент особо выделяет в своих трудах по истории науки Томас Кун. Парадигма

определяет, под каким углом зрения рассматривается материал и насколько тверды представления о нем. В пределах, очерченных парадигмой, разрабатываются новые научные программы, как и та, о которой говорилось в истории Лакатоса, посвященной применению ньютоновской науки. В зависимости от экспериментов и получаемых результатов ученые могут выявлять определенные несоответствия изначальной идее, однако с помощью дополнительных гипотез несоответствия подгоняют под парадигму. На определенной стадии несоответствия могут приобретать такое значение, что приводят к революции во взглядах — и открывается новый путь к пониманию и складывается новая парадигма. В течение многих веков господствовала парадигма, согласно которой Земля служила центром мира, а планеты равномерно двигались по эпициклическим орбитам. Постепенно новые наблюдения приводили к накоплению неразрешимых сложностей в системе геоцентрических представлений на основе Птолемеевой модели, однако парадигма не менялась. Система становилась все более и более громоздкой, и в конце концов понадобилось ее революционное изменение. В результате центральное место заняло Солнце, вокруг которого двигались по своим орбитам планеты, — возникла новая научная парадигма.

Безусловно, Поппер прав, подчеркивая, что научные теории не могут быть бессодержательными и должны обладать прогностическим потенциалом, однако отсюда еще не следует, что ученые обязаны всегда стремиться к переосмыслению своих идей или же отвергать их, если соответствующие предсказания оказывались ложными. Необходимо принимать во внимание всю совокупность факторов — и настоящий

ученый всегда в состоянии оценить их относительную важность.

Читая Поппера, иногда замечаешь, что в системе его рассуждений все научные теории как будто усредняются и низводятся до обычных гипотез. Однако же, если вспомнить, какие ошеломляющие прогнозы и успешные объяснения давали многие теории, мы, несомненно, должны признать, что теории могут быть весьма близки к истине в своем понимании мира. Слово «теория» порой вызывает бойкую и легковесную реакцию — да это, мол, только теория... Однако не будем забывать, что некоторые из теорий заметно глубже и весомее других. Иные научные концепции выдержали испытание суровой экспериментальной проверкой, образуя взаимосвязи с другими концепциями. Хотя некоторые теории так и остались «только теориями». Истинный ученый, ученый-философ, всегда видит разницу между теорией и «теориями».

КАК ПОДХВАТИТЬ СМЫСЛ СЛОВ И НЕ СТАТЬ ШАЛТАЕМ-БОЛТАЕМ, СВАЛИВШИМСЯ СО СТЕНЫ?

Вы говорите по-английски, и, конечно, вы читаете по-английски, а читая эти слова, вы, вероятно, сразу же улавливаете их смысл. Средство информации — воспринимаете ли вы слова на слух или с помощью зрения — сразу же передает вам смысл текста. Если только вы не новичок в английском, то на удивление трудно видеть в словах только определенные зрительные формы на бумаге или слышать в них только звуки, наполняющие воздух. Для нас английские фразы совершенно прозрачны. Так что же мы видим или слышим в данном случае? Что именно мы сразу же схватываем, улавливая смысл английских слов и предложений?

ЛОВУШКА ШАЛТАЯ-БОЛТАЯ

В книге «Алиса в Зазеркалье»* Льюис Кэрролл рассказывает о Шалтае-Болтае. Это человечек, похожий на большое яйцо. Сидя на стене и разговаривая с Алисой, он использует слово «слава». Девочка озадачена и говорит, что не понимает, при чем здесь «слава».

*Шалтай-Болтай презрительно улыбнулся. —
И не поймешь, пока я тебе не объясню, — ответил он. — Я хотел сказать: «Разъяснил, как по полкам разложил!»*

---

* Кэрролл Л. Алиса в Зазеркалье. Пер. Н. М. Демуровой.

Разумеется, Алиса сомневается, можно ли использовать слова так, чтобы в них оказывались одновременно разные значения, и вкладывать в них смысл, который имеет в виду только сам говорящий. На это Человек-Яйцо замечает:

– Вопрос в том, кто из нас здесь хозяин, – сказал Шалтай-Болтай. – Вот в чем вопрос!

Чтобы общаться друг с другом, нам нужен общий язык, и Шалтай-Болтай использует его для объяснения того уникального значения «славы», которое он придает этому слову. Не будь у нас общего, самого обычного и простого языка, смыслы, вкладываемые в слова Шалтаем-Болтаем, остались бы неизвестными для окружающих (если эти смыслы вообще существуют – сомневающимся отсылаю к последней части данной главы). Разумеется, ничто не препятствует тому, чтобы придать слову необычное или крайне странное значение или изменить его произношение. Так иногда поступают секретные агенты, любовники или авторы личных дневников, — и слова скрываются под маской «шифра», чтобы уловить их смысл мог только посвященный. Однако принципиально то, что значение, заключенное в слове, может быть раскрыто.

Мы — мастера общего языка, хозяева обычных слов. Как ни забавно, но в стремлении овладеть подобным мастерством некоторые философы загоняют себя в ловушку, действуя как Шалтай-Болтай, и мастерят свои собственные языки на все случаи жизни. Одним из самых известных философов, не избежавших соблазна, был оказавший заметное влияние на европейскую мысль философ XVII века Джон Локк. С помощью Локка, хотел он того или нет, мы рассмотрим проблему.

Когда мы складываем слова в предложения — когда обращаемся к окружающим, используя обычный язык, чтобы составить описание чему-то, или выразить просьбу, или дать приказ, — мы представляем наши мысли другим людям. Слова наши, по Локку, служат для выражения идей, порождаемых наших разумом. Модель такова: значения моих слов суть идеи, возникающие у меня в уме и ассоциируемые с соответствующими словами, и мои идеи остаются моими, пока я не разделю их с другими людьми. Возникает неразрешимая проблема: я не могу сообщить вам свои мысли до тех пор, пока вы не будете знать значения используемых мной слов, — но такое условие требует от вас заведомо знать те идеи, которые я ассоциирую с определенными словами. Как при этом может существовать наш — самый обычный и общий для всех — язык, остается истинной тайной.

СМЫСЛ, ЗНАЧЕНИЕ, «ШУМ»

Локк видел в «идеях» образы или репрезентации, представления определенного рода. Для простоты и мы станем использовать термин «образы» — будь они зрительными, слуховыми или любыми другими, основанными на данных, непосредственно поступающих от наших органов чувств или составляющих наш опыт. Подход Локка ценен в том смысле, что выявляет некоторые базовые истины — те, что он сам, вероятно, недооценивал, но мы с вами используем, чтобы возразить ему. Истины эти представил особенно выпукло австриец Людвиг Витгенштейн в 1930–1940-х годах, когда возвратился в Кембридж и его философские искания приобрели новое направление, по крайней мере так казалось на первый взгляд.

Подумайте о словах, которые мы применяем. Это союзы, такие как «и», «или», «если... то» и так далее. Имена собственные — «Платон», «Сократ» или «Дарвин». Существительные общей лексики — «песок», «море» или «успех». Когда мы прибегаем к ним, то редко ассоциируем с какими-то ментальными образами. Ну какой ментальный образ должен иметь союз «или», а также существительное «успех», чтобы мы могли наделить эти слова значениями? Далее, если у нас и возникают некие мимолетные образы, не они же утверждают значения слов, используемых нами в речи, более того — такие образы могут даже вводить в заблуждение. Некоторые люди, к примеру, способны, слыша числа, воспринимать их «цветовую окраску».

«Ну, теперь немного коз», — говорю я, но в уме представляю себе овцу. Но то, что слетело у меня с языка, — это же было что-то про коз, а не про овец. А если иметь в виду мою «интенцию» сказать нечто, то нельзя исключить, что на самом деле я имел в виду лам. Я мог просто перепутать лам с овцами и использовать слово «козы» в ошибочном значении.

Согласно модели Локка, ментальные образы нужны, чтобы человек понимал значения слов. Образы — это и есть значения. А представьте, кто-то говорит мне: «Нарисуйте козу, взбирающуюся по склону горы!» Если следовать модели Локка, то я должен мысленно сверить, с какими образами соотносятся слова «коза» и «склон горы» и так далее, затем найти «правильные» образы и только потом начинать рисовать. Будь эта модель верной, если бы кто-то попросил меня вообразить козу, взбирающуюся по склону горы, то, прежде чем представить нечто подобное, я должен был бы произвести процесс «сверки образов» и только

потом начинать. Но ведь это же чистое сумасшествие. Я просто представляю себе козу — и могу на самом деле нарисовать ее, не создавая предварительно ее мысленный образ.

Ментальное представление чего-то, даже если оно существует, в действительности не требуется. Более того, оно ничуть не помогает. Какой бы образ ни вызывал я в воображении (когда такое возможно), остается открытым вопрос об интерпретации мысленной картинки. Как мне в данном случае интерпретировать мысленный образ: как козу, взбирающуюся по склону горы, или как нечто скользящее по тому же склону сверху вниз? Ни мысленный образ, ни реальная картинка не определяют в полной мере, как образ или картинка будут восприняты. Конечно, взбираться по склону вверх или следовать вниз — принципиально разные вещи, и они находят различные выражения в языке. Если, например, я обучаю подъему на гору, то выражаю свое понимание происходящего тем, что поднимаюсь вверх или отказываюсь — допустим, говоря, что подъем слишком крут или дистанция чересчур велика. Я же не выражаю смысл своего понимания тем, что начинаю скользить вниз.

Процесс обоюдного понимания, восприятие смысла слов или фраз, равно как и «шумов», — это вопрос того, как мы относимся к «шумам» и что предпринимаем или готовы предпринять. Полагать, что ментальные образы могут быть источником или причиной «шумов» — или возможных физических картинок, — обычно ничего не проясняет. Скорее, мешает, ибо влечет риск поддаться влиянию локковской версии позиции, занятой Шалтаем-Болтаем, ибо в подобном случае мы сводим значения слов к некоторым ментальным элементам, рождающимся где-то внутри

нас. Представьте, вы видите нацарапанную на скале стрелку с надписью «Опасные пески». Если вы верно уловили смысл, то что вы делаете? Идете в противоположную сторону. А как понять, что происходило с человеком, рисовавшим на скале стрелку-указатель? Вы должны сначала проследить в уме направление, в котором действует рисующая рука, а затем оторваться мысленно от самой руки и посмотреть далее в указанном направлении — но кто же так поступает на самом деле?

КОЛДОВСКИЕ ЖУКИ И КОРОБОЧКИ ВИТГЕНШТЕЙНА

Смысловой акцент на обыденном языке — это нормально, и все хорошо, когда дело касается наших обычных разговоров, описаний или инструкций. Все в порядке, когда фигурирует нечто общеизвестное — например, как кормить козу, или заказать выпивку, или описать морской пейзаж в письме для любимой. Опасность оказаться в роли Шалтая-Болтая возникает тогда, когда нам нужны слова для передачи, скажем, наших переживаний. Обычно мы подразумеваем, что переживания и ощущения — дело личное. Мы можем заявить: только я знаю, что именно у меня болит в данный момент. И под «болью» я подразумеваю определенное ощущение в своей руке. Никто, кроме меня, «доступа» к этому ощущению не имеет. Происходит своеобразный смысловой сдвиг в сторону того значения, которое могу придать слову только я один. Выражение «я один знаю» открывает путь к созданию личного языка, того языка, который принципиально важен по смыслу именно для меня. Идея чарующая, и против ее колдовской силы восстает Витгенштейн, стремясь отвергнуть саму возможность

существования подобного языка. Напротив, Витгенштейн пишет, что философия — это «битва против колдовской силы нашего разума, проводимая с помощью языка».

Позвольте разделить нашу дискуссию на две составляющие. Первая нацелена на существующие слова обыденного языка, посредством которого мы выражаем наш личный опыт. Задача второй — понять, в чем суть наших попыток генерировать новые слова. Родители, должно быть, не раз произносили «тебе, наверное, больно», когда детьми мы рассаживали коленки. Когда ребенок прижимает ладошку к щеке и похныкивает, вероятно, ему говорят, и он запоминает: «зуб болит». Ну и так далее. То есть подобное понимание слов связано с нашим поведением в окружении других людей, а также с определенными обстоятельствами и ожиданиями.

Можно сказать, что смысл таких слов — их значения — возникает и передается нам благодаря тому, как говорят и ведут себя окружающие. Тем не менее мы можем отделять общий смысл подобных слов от того, который нужен именно нам, чтобы сослаться на что-то или обозначить более определенно — например, пульсирующая боль или ломота, боль ноющая. И такая возможность существует не случайно. Мы же отделяем смысл слов в выражении «премьер-министр Соединенного Королевства» от смысла слов в выражении «лидер тори», хотя в некоторых случаях речь идет об одном и том же человеке. Такие слова, как «ощущение», «боль», «ломота» и «покалывание», обладают общеизвестными значениями, если иметь в виду их смысл, однако объекты, на которые данные слова указывают, могут иметь частный характер — и слова приобретают дополнительный «частный»

смысл. А в качестве носителей частного смысла — например, не просто боль, а боль пульсирующая или ноющая — они не играют роли в формировании основных, или «терминологических», значений.

Однако Витгенштейн рассматривает предмет нашего интереса с более радикальных позиций. Весьма впечатляюще он описывает предположение, что у каждого из нас есть коробочка с чем-то внутри, что мы называем словом «жук». Никто не может заглянуть в коробочку соседа. Что такое жук, я узнаю, только заглянув в свою коробочку. Получается, что если слово «жук» широко используется в обыденном, общем для нас языке, то содержимое моей личной коробочки будет нерелевантно в этом отношении. Содержимое одной коробочки может отличаться от содержимого другой коробочки, оно может претерпевать изменения, может даже не существовать — и что в таком случае содержимое коробочки добавляет к нашему пониманию слова «жук»? И для нас также думать о боли или ломоте как о чем-то определенном, как о неких «вещах», к которым мы обращаемся посредством языка, когда говорим «боль» или «ломота», — это ложная картина. Наш язык, со всей необходимостью, укоренен в поведении, принятом в нашем обществе. Далее. Ошибочно думать, что, когда я говорю «мне больно» или что-нибудь наподобие этого, я указываю на нечто относящееся именно ко мне и могу описать это нечто. Скорее, я выражаю ощущаемую мной боль, издавая, так сказать, изоощренный визг.

ШАГАЯ В НОГУ

Однако мы можем возразить: как бы ни обстояли дела со словами в общем для нас языке, разумеется, я в состоянии изобрести свое собственное слово,

или, если угодно, произвести «шум», чтобы выразить переживаемое мной личное ощущение — назову его, скажем, «триб». И внутренне обозначаю словом «триб» свое ощущение. Но вот вопрос — может ли передать мне свое значение придуманное мной слово «триб»?

Витгенштейн отвечает: «Нет!» Я устроил своего рода церемонию формализации, но как мне правильно использовать термин «триб» в будущем? Похоже, никаких ограничений в словоупотреблении термина не предвидится, ибо «что бы ни казалось мне правильным, таковым и является». И, добавляет Витгенштейн, «сказанное означает только то, что в данном случае мы не можем говорить, что такое “правильно”».

Аргументация в поддержку «личного», или «индивидуального», языка (мы могли бы добавить к сказанному еще очень многое) породила горы дискуссионных материалов и осталась в высшей мере спорной. А вот что спорным не было, так это мысль о необходимости учитывать возможное появление в таком языке ложного или неверного смысла. В применении к нашему общему языку мы имеем возможности всем обществом корректировать словоупотребление одного человека. Если, к примеру, я начну называть словом «желтое» небо голубого цвета, то окружающие поправят меня. Верное употребление мной обычных слов для обозначения чего-то вполне обыденного означает, что я шагаю в ногу со всеми. А если я правильно, как мне кажется, использую в своем языке слово «триб», то правильное словоупотребление в данном случае означает только то, что я шагаю в ногу с самим собой — но ведь такой «марш» нельзя в принципе обозначать выражением «шагать в ногу».

«Триб», пусть он даже и является важным термином моего личного языка, я все же не смогу использовать как полноценно значимое слово. «Триб» был нужен для обозначения чего-то сугубо частного, благодаря чему это слово и приобрело некоторое значение. Другие люди не могут подхватить данное значение, однако если они не могут, то, получается, и я не могу разделить с ними значение, которого как бы и нет. Чтобы владеть значением слова и понимать смысл фраз, мы должны обладать опытом употребления этих слов и предложений, а также быть знакомыми с возможными ошибками в данной связи.

Шалтай-Болтай вопрошал, кто тут хозяин. Сообщество носителей языка — вот кто хозяин, и перед его лицом нам не стоит так уж спешить со словесными экспериментами.

КАК ПОНЯТЬ, О ЧЕМ МЫ ГОВОРИМ, ЕСЛИ ЗНАНИЕ ОБ ЭТОМ НАМ ДОСТУПНО?

Когда мы говорим о воде, естественно, мы знаем, что говорим о воде. Когда мы говорим о Платоне, мы знаем, что говорим о Платоне. Мы можем сколько угодно говорить о мире, но вопрос в том, каким образом наши слова «входят в сцепление» с реальностью? В конце концов, мы же можем толковать о воде, находясь за много километров от водопроводного крана, а Платон жил более 2000 лет назад, но мы знаем, что, упоминая его имя, имеем в виду его, а не кота Платона, живущего по соседству. Ни время, ни пространство не способны отделить нас от предметов нашего интереса, и, кажется, мы точно знаем, что именно подразумеваем, произнося или читая те или иные слова.

СМЫСЛЫ И РЕФЕРЕНЦИИ

Вот один из типичных примеров рассуждений, связанных с тем, как мы пользуемся словами. Наш способ обращения с ними определяется тем, каковы их значения. Однако мы можем также учитывать, что *имеют в виду* люди, допустим, говоря «вода» и указывая на воду. Следовательно, мы должны различать «значение», подразумеваемое нами в разговоре, и «значение» как нечто открывающее нам путь к пониманию того, о чем мы ведем речь. Данного различия мы уже касались в предыдущей главе. Теперь же

нам нужно сосредоточить внимание исключительно на том, что определяет именно наше словоупотребление. Вода, или влажная субстанция, существующая в мире, — это объект ссылки, референтное значение слова (*referent meaning of the word*). Иногда оно называется экстенцией, расширением слова (*extension of the word*). Но путь к пониманию того, что такое вода, приводит нас к корневому *смыслу* слова (*sense*), или его основному, не референтному смысловому содержанию — интенции (*intension*)*. Традиционное отношение к слову определяется описанием и приложением описания к референтному или расширенному значению слова. Впервые разграничил смысл и значение слова Готлоб Фреге. Не упуская из виду предстоящее рассмотрение материала, давайте остановимся на понимании коренного и расширенного смысла слова (*intension/extension*), или, в более привычной терминологии, — значения и смысла.

Носители языка веками относились к воде так, как определяли ее свойства. Вода — лишенная цвета и запаха жидкость, утоляющая жажду. При низкой температуре вода замерзает, при высокой — превращается в пар. Ну и так далее. С понятием воды ассоциируются именно такие описания свойств. Так о чем мы говорим, когда используем слово «вода»? Мы говорим о том, к чему приложимы данные описания свойств, что не противоречит им по своей природе и что ассоциируется с данным словом. Такова позиция представителей лингвистического интернализма. Если

---

* В специализированной научной литературе оба термина существуют, каждый, в двух вариантах: экстенция (экстенсия) и экстенционал (экстенсионал) и, соответственно, интенция (интенсия) и интенционал (интенсионал) слова. — *Прим. пер.*

суммировать, то смысловое содержание, или сущность, слова можно определить следующим образом.

Интенция*, или основное смысловое содержание слова, которое мы имеем в виду («вода», «Платон» и так далее), определяется теми свойствами, какими нечто должно обладать, чтобы определенное слово соотносилось с ним или обозначало его.

Определение это требует важного дополнения — расширенного понимания смысла, причем «расширением» в данном случае следует считать то, что люди знают или улавливают, употребляя в речи слова или стремясь понять то, что слова должны передавать окружающим. «Расширение» в известной мере определяет то, о чем толкуют люди.

Если мы ведем речь о знании слов, об их понимании, а также о том, как люди овладевают их смыслом, мы должны иметь в виду, что смысловое расширение коренных значений слов зависит от того, в каком психологическом состоянии находится говорящий или пишущий, и психологическое состояние или состояния не должны быть обусловлены внешними влияниями. Ваши мысли о воде, несомненно, глубоко связаны с вашими ментальными состояниями, но на этом этапе рассмотрения проблемы нам важно отметить, что смысл слова «вода» не зависит от чего-либо, что находится вовне вас. Тот смысл, который вы находите в слове «вода», в данном случае должен быть одним и тем же, по крайней мере в первом

---

* Необходимо различать лингвистическое понимание термина «интенция» и более широкое психологическое. Во втором случае «интенция» обозначает намерение или замысел. — *Прим. пер.*

приближении, независимо от того, есть ли источник воды в окрестностях, а также вне зависимости даже от того, существует ли такой объект в природе, как вода. Чтобы уловить смысл слова «вода», нужно описать ее свойства — «бесцветная, не имеющая запаха жидкость...», а вот насколько нечто удовлетворяет данному описанию — отдельный вопрос. Вспомните, мы ясно улавливаем смысл слова «единорог», ассоциируя описание со словом, — однако никаких единорогов в природе не существует.

ЗЕМЛЯ-ДВОЙНИК

В поддержку лингвистического интернализма можно сказать немало добрых слов. Люди нашей культуры, несомненно, имеют возможность уяснить для себя описания некоторых свойств, ассоциируемых, скажем, с именем «Платон». И эти описания в полной мере служат тому, чтобы мы могли выделить определенного философа, допустим, Платона, из числа всех прочих философов и полагать, что он — именно тот человек, которого мы имеем в виду.

Однако даже при том, что в поддержку лингвистического интернализма можно сказать немало добрых слов, этот подход к проблеме языка и смысла находится под огнем критики. Одной из самых знаменитых критических атак мы обязаны Хилари Патнэму с его мысленным экспериментом, посвященным двойнику нашей планеты. Разумеется, Патнэм не верил, что существует «близняшка» Земли, однако стремился в своих рассуждениях показать, что лингвистический интернализм может пролагать верный путь к пониманию речи. Эксперимент Патнэма явно показывает: нечто, вполне допустимое и существующее с точки зрения лингвистического интернализма, может быть

совершенно несуществующим в реальности. (Далее мы будем привлекать для рассмотрения слова, обозначающие самые обычные вещи, а не имена собственные — например, «вода», «золото», «вяз» и так далее.)

Предположим, где-то далеко отсюда есть планета. За исключением нескольких незначительных различий, которые вскоре будут определены, она в физическом отношении полностью соответствует нашей Земле. Там есть даже наши с вами двойники-призраки. Далее Патнэм уточняет следующее.

Одна из особенностей Земли-Двойника заключается в том, что формула жидкости, называемой «водой», — не H_2O , и это совсем иная жидкость, химическая формула которой очень длинная и сложная. Я хочу обозначить, для простоты, эту формулу аббревиатурой XYZ и исхожу из того, что XYZ неотличима от воды при нормальной температуре и давлении. И на вкус эта жидкость — как вода, и так же утоляет жажду. Еще я предполагаю, что океаны, моря и озера на Земле-Двойнике содержат XYZ, а не воду, и дождем проливается XYZ на Земле-Двойнике, а не вода, и так далее*.

Люди на Земле-Двойнике говорят на английском, как и мы. И, так же как и мы, называют «водой» то, что наполняет океаны и водоемы и течет из водопроводных кранов. Однако не забывайте, вещество в их океанах, водоемах и водопроводных кранах имеет другую химическую структуру.

---

* В точном изложении истории о Земле-Двойнике см.: Патнэм Х. Значение и референция. Цит. по: Л. Б. Макеева. Философия Х. Патнэма. — Прим. пер.

Патнэм просит нас вернуться назад к 1750 году, когда Кавендиш еще не открыл химическое строение воды, а Кавендиш-Двойник не открыл XYZ формулу строения влажной субстанции на Земле-Двойнике. А теперь примем во внимание, что есть и тот, кто говорит на своем языке на Земле, — назовем его Оскар. И есть его «близнец» на Земле-Двойнике — назовем его Тоскар. Оба находятся в одном и том же психологическом состоянии, когда воспринимают смысл слова «вода». Однако слово «вода» для обоих имеет различные экстенции, если пользоваться терминологией лингвистического интернализма, или, говоря более простым языком, различное расширение основного понятия. И Оскар, и Тоскар никогда не узнают об этой разнице, даже если наших героев чудесным образом поменять местами на соответствующих Землях.

Для Оскара на Земле вода, которую он подразумевает под этим словом, или соответствующая референция* на языке лингвистического интернализма, это H_2O . То, что подразумевает под словом «вода» Тоскар, — это XYZ. Оба они находились в одном и том же психологическом состоянии, когда изначально восприняли смысл слова «вода», и ассоциируют ее с одним и тем же описанием свойств этой жидкости, поэтому психологические факторы в данном случае не могут определять интенцию, или, в терминологии лингвистического интернализма, основное содержание понятия, облеченного в словесную оболочку «воды». Или, как выразительно замечает Патнэм, «значения живут не в голове». Мы несем в себе

---

* От *англ.* to refer — относиться к чему-либо, ссылаться на что-либо. — *Прим. пер.*

не более значений, или лингвистических интенций, чем объектов, которые имеем в виду. Читатель этой книги может припомнить, кстати, и сатирический роман Джонатана Свифта «Путешествие Гулливера». Там профессор языкознания в Великой академии прожектеров Лагадо замечает: «А так как слова суть только названия вещей, то гораздо удобнее носить при себе вещи, необходимые для выражения наших мыслей и желаний»*.

В СПОРЕ С ПАТНЭМОМ

Интерпретацию Патнэмом своего же мысленного эксперимента мы можем оспорить, приняв во внимание следующие соображения. Патнэм исходит из того, что экстенция, или расширенное содержание, слова «вода» на Земле выражается формулой H_2O , а не XYZ. Однако, может быть, лучше описать ситуацию как ту, в которой Оскар и Тоскар имеют в виду одну и ту же субстанцию — H_2O и, вместе с тем, XYZ. Даже наша обычная вода, текущая из водопроводного крана, содержит так называемую тяжелую воду и некоторые изотопы, однако не перестает при этом быть для нас именно водой. Насколько приемлем подобный взгляд на вещи, зависит от того, что включает в себя XYZ и как вещество с такой формулой соответствует характеристике: бесцветная и лишенная запаха жидкость и так далее.

Заявить, что XYZ и H_2O суть разные вещи, нетрудно, однако в нашей обыденной жизни XYZ и H_2O — неразличимы. Примем к соображению также и то, что XYZ и H_2O обладают одним и тем же биологическим

---

* Цит. по: *Свифт Д.* Путешествия Гулливера / Пер. и редакция Б. М. Энгельгардта. М., 1955. — *Прим. пер.*

действием в отношении как Оскара, так и Тоскара. Далее Патнэм предполагает, что «вода» на Земле и «вода» на Земле-Двойнике не меняют своих экстенций, или расширенного смыслового содержания. Если вернуться в 1750 год, как мы уже поступали, то и Оскар, и Тоскар пребывают не только в том времени, но и в одном и том же психологическом состоянии, и мы можем, следовательно, утверждать, что основное смысловое содержание обоих слов «вода» не различается — то есть это *любая* бесцветная, лишенная запаха жидкость, способная утолять нашу жажду, и так далее. В наши дни и с нашим знанием химии мы должны заметить, что психологические состояния Оскара и Тоскара при восприятии интенций «воды» — различны. Иными словами, фактом становится то, что сегодня «вода» Оскара — это жидкость только с формулой H_2O , а «вода» Тоскара — жидкость только с формулой XYZ.

«ЗДЕСЬ», «СЕЙЧАС» — И «ВОДА»

Патнэм рисует картину, отличающуюся от традиционной теории Фреге, объясняющей, как изменяется экстенция. И новая картина не поддается критике в том виде, в котором мы излагали критику выше. Детерминирующим фактором по отношению к предмету нашего разговора служат, по Патнэму, отчасти физические факты окружающего, а не только, и исключительно, дескрипторы, ассоциируемые со словами. В конечном счете наша Земля изолирована от Земли-Двойника, и было бы крайне странно полагать, что наша земная вода с формулой H_2O может восприниматься как нечто имеющее отношение к совершенно иной субстанции с формулой XYZ, или «воде» на Земле-Двойнике. Согласно взглядам Патнэма,

смысловое содержание того, что мы отстаиваем или о чем говорим, когда мы что-то отстаиваем или о чем говорим, зависит отчасти от нашего окружения. Патнэм вводит термин «индексирующий элемент», влияющий на определение основного смыслового содержания естественных слов и понятий, например «воды». Индексирующими словами можно считать «здесь», «сейчас» и «Я». Их экстенции зависят от контекста — от того, кто их использует и где. «Вода», как кажется, тоже индексирующее слово, поскольку его употребление зависит от окружения — от того, находимся мы на Земле или на Земле-Двойнике. «Слово “вода”, — утверждает Патнэм, — это то, что несет в себе смысл “та-же-жидкость-что-и” в отношении “воды”, которая типична и есть *здесь, повсюду вокруг нас*». Типичный образец для нас — для Оскара и Тоскара в 1750 году и для них же теперь — есть то же, что течет из наших водопроводных кранов или проливается дождем. И, разумеется, эта жидкость есть XYZ на Земле-Двойнике и H₂O на нашей Земле. Иными словами, интенцию, основное смысловое содержание слова из тех, что — помните? — «не у нас в головах», — объясняют именно физические различия.

Представление об индексирующем элементе применительно к понятию интенции открывает еще одну возможность для критики Патнэма. Что особенно примечательно в отношении индексикалов (indexical words), так это то обстоятельство, что их интенции не меняются, даже если эти интенции можно соотнести с различными местами. Интенция «здесь» — «место, где произносится слово». Интенция «завтра» — «день, следующий за днем, когда произносится слово». Таким образом, если Патнэм видит в «воде» слово-индексикал, то мы можем доказывать,

что Оскар и Тоскар — в 1750 году или в XXI веке — используют слово «вода» в одном смысле и с одной интенцией. То есть «водой» считается все, что является бесцветной и лишенной запаха жидкостью, способной утолять жажду (прибавьте, если угодно, и другие характерные свойства) и существующей в той же окружающей среде, что и говорящий, а также водой должно считаться все, что соответствует химическому составу этой жидкости. Принимая во внимание тот факт, что Оскар и Тоскар находятся в разных местах, они действительно могли бы говорить о разной воде: Оскар — о жидкости с формулой H_2O , а Тоскар — о жидкости с формулой XYZ. Вместе с тем психологические состояния и интенции Оскара и Тоскара могут быть одними и теми же.

СОЗНАНИЕ, РАСШИРЯЮЩЕЕ МИР

Нетрудно догадаться, что можно еще многое сказать в поддержку концепции Патнэма и в порядке ее критики. Пылкие дискуссии себя пока не исчерпали. В данной связи представляют интерес два любопытных предположения.

Вот первое. Мы уже знаем, что физическое окружение пополняет своим влиянием наше понимание слов — к этому, вероятно, следует добавить и влияние социальной среды. Патнэм говорил в числе прочего и о «разделении лингвистического труда». Мы используем множество слов, чтобы обсуждать интересующие нас предметы, однако плохо представляем, как различать их: нам не хватает адекватных описаний. Мы можем толковать о буках и вязах, однако не всегда способны различить их. И хотя описательный материал, который можно было бы ассоциировать с породами этих деревьев, не позволяет нам ясно

различать буки и вязы, мы все равно готовы беседовать о том, чем они отличаются друг от друга. Как это получается? По мнению Патнэма, подобные «ссылки» на деревья возможны потому, что мы склонны полагаться на экспертов. Мы, так сказать, переправляем клубок интенций и референций другим — пусть распутывают и делятся, если возможно, полноценными описаниями. И заметьте: мы и в данном случае не должны забывать о влиянии физических факторов — в конце концов, эксперты, жившие в 1750 году, никак не могли бы установить различие между H_2O и XYZ.

А вот и второе предположение. Оно тесно связано с одним из ключевых моментов, обозначенных ранее. Пример Патнэма с Землей-Двойником работает только в том случае, если психологические состояния, в которых пребывали Оскар и Тоскар, осознавая интенцию «воды», и деятельность нервной системы обоих героев нашего рассказа никак не зависели ни от чего внешнего. Такой взгляд на проблему считается «узким» пониманием психологических состояний. Это своего рода психологический интернализм. Но если — *если* — Патнэм прав в отношении того, что интенции, или основное смысловое содержание, некоторых слов подвержены влиянию окружающей среды, то нам нужно скорректировать свои представления о толковании психологических состояний. Рассмотрим все подробнее.

Если основное смысловое содержание используемых мной слов помогает мне соответствующим образом формировать мысли, то идентичность этих мыслей должна в определенном смысле включать и влияния со стороны окружающего меня физического мира. А если данное предположение верно, то нам следует пересмотреть отношение Патнэма к Оскару

и Тоскару в 1750 году. Их психологические состояния придется считать различными, хотя «внутренне» они не изменились. И мыслить и придавать значения словам Оскар и Тоскар, получается, должны теперь несколько по-разному, поскольку многое зависит от факторов внешней среды, скажем, от того, находится ли рядом с этими персонажами H_2O или XYZ. Таинственным образом само содержание моих мыслей способно как будто растягиваться и обхватывать мир вокруг меня.

Давно подмечено, что философы готовы следовать путем размышлений так далеко, как только могут увести их собственные рассуждения, однако в иных случаях стремление доказать что-либо так увлекает, что само по себе становится свидетельством о том, что с доказательствами не все в порядке.

КАК НЕ СПОТКНУТЬСЯ НА СКОЛЬЗКОМ ПУТИ, *НЕ ОСТУПИТЬСЯ И УСТОЯТЬ?*

Споры, развернувшиеся вокруг добровольной эвтаназии или законов, разрешающих наркотики, непременно заводят на путь сомнительных рассуждений. Противники перемен рисуют картину общества, готового соскользнуть к одобрению навязываемого его членам суицида и живущего во мгле наркотического дурмана. Конечно, на ином пути и споткнуться недолго, следует быть начеку. И общество бывает таким, что оступиться проще простого, точно повсюду вокруг гололед. Значит, мы должны понимать, где поджидает нас скользкое место и чего не надо бы делать, если не хочешь скатиться по наклонной.

ПОЛОВОЙ АКТ? СВОБОДНО!

Говорим ли мы о том, что человек может поскользнуться или ступить на неверный путь, нас в этическом и юридическом смысле волнует, что именно способно отвратить от всего хорошего или, по крайней мере, общепринятого и всеми одобряемого к тому, что дурно или совершенно неприемлемо. Конечно, у противников перемен, зовущих к разрешению добровольного ухода из жизни или ослаблению законов, направленных на борьбу с распространением наркотиков, есть и свои аргументы в поддержку противоположной позиции. Данная глава посвящена критическому анализу доводов тех, кто готов толкнуть нас на скользкий путь, ведущий, как уже не раз отмечалось, к тому, что описано ниже.

Если допустить добровольную эвтаназию, то нам придется сделать и следующий шаг — одобрить ее. Если легализовать коноплю, то мы неминуемо придем и к свободному распространению тяжелых наркотиков. Если разрешить экспериментировать с зародышами, то вскоре будут признаны допустимыми и опыты на эмбрионах в матке, а затем и на младенцах.

Но давайте проведем другую параллель. Если допустить добровольное изучение философии, то нам придется вскоре одобрить и принуждение к ее изучению. Если возможно удержание налогов в размере 40 процентов, то нельзя исключить и возможность налоговых вычетов в размере 100 процентов. Если женщины свободны в своем желании делать пластические операции ради того, чтобы выглядеть красивее, то вскоре они рискуют двинуться в том же направлении с руками сзади и не по собственной воле. Как ни смешно, но три вышеописанных примера не слишком волнуют людей. Никто всерьез не думает, что мы можем скатиться по наклонной, рискуя вызвать столь неприемлемые последствия, — хотя, гм-гм, принуждение к изучению философии может быть и желаемым. А вот вам пример того, что, пожалуй, может оказаться куда более значительным в жизни большинства из нас.

Если добровольный половой акт желателен, то вскоре мы можем опуститься до одобрения изнасилования.

Мы все знаем, что иногда сексуальный контакт происходит тогда, когда люди просто устали или подвыпили. В этом случае не так уж ясно, насколько случившееся произошло действительно по доброй воле участников. Нам также известно, как могут давить на

партнеров такие вещи, как «ну, давай, просто по старой дружбе» или «я думал (думала), будет получше». А иногда сексуальное насилие может происходить и во время свидания, и при знакомстве, и даже в узах законного брака. И не секрет, что все это — случаи очень жестокого сексуального насилия. Однако мы же не делаем вывода, что, даже если и есть здесь скользкое место, ступив на которое нетрудно скатиться ниже, подобная опасность дает повод перейти от признания свободы сексуальных отношений к их безусловному запрету.

РАЗНЫЕ СПОСОБЫ ПОСКОЛЬЗНУТЬСЯ

Как случается, что кто-то соскальзывает из А в Б? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны видеть разницу между логическим скольжением, происходящим со всей необходимостью, и скольжением случайным, получающимся лишь потому, что так уж все устроено в мире.

Логические случаи «соскальзывания» относятся к области логических отношений и определяются последними. Конечно, применительно к логике мы не будем говорить о случаях «скольжения» — нам больше подойдут слова «то, что логически следует». Рассмотрим исключительно простой математический пример. Если вы заказываете 10 ящиков шампанского по 6 бутылок в каждом, следовательно, вы хотите приобрести всего 60 бутылок. Вы позволяете себе «скользнуть» в сторону заказа 60 бутылок. Если при этом вы берете ссуду в 1000 фунтов стерлингов и обязательство вернуть ее к концу года, но не выполняете его, получается, что вы позволяете себе «соскользнуть» к положению человека, нарушившего свое обещание. В отличие от логических, абстрактных «соскальзываний», данный

случай — «соскальзывание» эмпирическое, обыденное. С учетом того, как устроены иные человеческие существа, нетрудно представить, как кто-то заказывает одну порцию пива, затем позволяет себе вторую, третью — и так далее. У нас нет оснований сделать логический вывод, что, выпив одно пиво, Уэйн обязательно закажет вторую порцию. Однако по природе своей Уэйн готов дать слабину, и не исключено, что он, выпив пива, «соскользнет» к тому, чтобы принять еще порцию, и еще, и еще.

Итак, перед нами — два вида «скользких склонов». Такая классификация вызывает и возражение: оказавшись на скользком склоне, человек уже не в состоянии с него сойти — и, получается, все происходящее носит объективный характер. Однако мы можем взглянуть на «скользкие склоны» и совершенно иначе. Если сомнительная с моральной точки зрения добровольная эвтаназия разрешена, то мы можем легко соскользнуть к тому, чтобы, возможно, признать и ее моральную безупречность. Что касается «скользких склонов», которые мы отнесли к эмпирическим, то в связи с ним возникает важное соображение: помешать кому-нибудь катиться вниз может только произвольное решение. Как только мы разрешаем аборт, в противодействии им нам остается лишь одно — запретить прерывание беременности на определенной стадии, а именно по достижении срока в 22 недели. Позвольте нам подробнее рассмотреть проблемы «скольжения», волнующие многих людей.

ВОЛЬНО ИЛИ НЕВОЛЬНО?

Первое, что следует заметить. Когда скользкий склон будто бы *должен* увлечь нас вниз, а мы *вынуждены* срываться с места поневоле — это не более чем иллюзия:

так по наклонной плоскости никто не катится. Есть четкая разница между тем, кто добровольно идет к парикмахеру, и тем, кого гонят стричься против воли. Моральные и правовые установления, в самом широком смысле, признают, что существует разграничение между проявлениями свободной воли и чем-то невольным, непреднамеренным. Сказанное, правда, не означает, что невозможно возникновение пограничных ситуаций, когда поступки человека отчасти добровольны, но отчасти — нет.

Второе. В спорах о свободном волеизъявлении люди иногда смешивают вопросы о том, что происходит в действительности, с вопросами о том, каким образом мы говорим, что происходит в действительности. Есть четкая граница между тем, что Онслоу убивает кого-то преднамеренно, и тем, что он же убивает кого-то случайно. Здесь — основополагающее различие. Основа для преднамеренных действий и действий случайных — не одна и та же. Однако возможны обстоятельства, когда мы не в состоянии *сказать*, действовал ли Онслоу преднамеренно. Трудность связана с проблемой эпистемологического характера, поскольку то, что нас интересует, требует разграничения знаний и предположений.

Оба смысловых момента, обозначенных выше, имеют прямое отношение к добровольной эвтаназии (включая ту, которая осуществляется с чьей-то помощью). Логической необходимости «скользить» от разрешения добровольной эвтаназии к эвтаназии случайной нет, однако могут встречаться сложные случаи, когда не так-то просто отграничить преднамеренное от непреднамеренного. В нашей классификации «скольжений» добровольный уход из жизни — эмпирическая

разновидность. Существует опасность, что некоторые, немногие, люди, жаждущие извлечь свою выгоду из разрешения добровольной эвтаназии, постараются убедить престарелых родственников решиться на добровольную смерть — и вопрос в том, можно ли считать такого рода уход из жизни делом добровольным? Однако наклонная плоскость на этом не кончается. Возможно, некоторые люди начнут подумывать, не начать ли склонять других к эвтаназии, а если моральное падение продолжится, то появятся и те, кто попробуют решать, когда другим умирать. Аналогичные трудности возникают и в других важных с позиций морали областях, таких, например, как отношения полов. Не запрещения важны в этой сфере, а законы, удерживающие людей от эмпирических «скольжений» вниз, а также воспитание нравственности, чтобы люди осознавали все зло сексуального насилия.

А вот другая аналогия: мы допускаем, что с целью самообороны люди могут причинять вред другим и вред этот может быть даже смертельным. И — да, разрешенная самооборона порой приводит к вопиющему злоупотреблению, а еще бывает непросто определить, действительно ли причиненный вред являлся необходимым. Тем не менее ценность законной самообороны перевешивает возможные риски подобного рода. Ценность свободы в сексуальных отношениях перевешивает возможность «соскользнуть» к подавлению другого. Таким образом, если только нет иных обстоятельств, требующих быть принятыми во внимание, ценность разрешенной добровольной эвтаназии, предоставляющей человеку возможность по собственной воле уйти из жизни, перевешивает риски насильственных злоупотреблений.

Опасность насильственного ее использования, а не сама эвтаназия — вот что заслуживает критики и противодействия.

ОГРАНИЧЕНИЕ СКОРОСТИ, ЦВЕТОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ И ПРЕРЫВАНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ

«Скользкие» аргументы, касающиеся прерывания беременности, обычно относятся не к тому, что понимать под добровольным действием, а что нет. Проблема в том, является ли зародыш или эмбрион человеческим существом или можно ли его таковым считать — или правильнее видеть в нем будущего человека и имеет ли в таком случае этот будущий человек право на жизнь? Исторически существовали различные ограничения, обусловленные тем, что плод в матке имеет право на жизнь, однако все они были достаточно произвольными. Но если исходить из того, что некие решения условны, то законен вопрос: в какой мере они обоснованы? В некоторых сферах жизни условные решения вполне уместны. Ограничение скорости до 50 км/ч — условно, однако есть уверенность, что оно адекватно. Тем не менее никто из нас не станет всерьез полагать, что если ограничение до 50 км/ч оправданно, то, к примеру, ограничение до 48 км/ч будет явно ошибочным. И наоборот, если допустимость аборта определяется тем сроком, по достижении которого плод в утробе матери становится живым существом, то нам приходится устанавливать границу допустимого со всей возможной точностью, по принципу «белое или черное». Однако же такой подход ошибочен. Рассмотрим ниже следующую аналогию.

ROYGBIV — акроним, обозначающий цвета радуги: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой,

синий, фиолетовый*. А теперь оценим, что происходит в той части спектра, где красный переходит в оранжевый. Если посмотреть на полосу красного цвета и затем переместить взгляд немного в сторону соседней оранжевой полосы, то никакой разницы цветов мы не обнаружим: красный по-прежнему будет выглядеть красным. Мы не можем четко отграничить область одного цвета от области другого. Тем не менее мы отлично знаем, что если вести взгляд вдоль полосы, на которой отображены все части видимого спектра, то мы ясно различим: вот оранжевый, за ним желтый — и так далее. Вывод: пример ROYGBIV ясно демонстрирует, что даже если мы не в состоянии четко отграничить примыкающие друг к другу цветовые полосы, отсюда еще не следует, что мы не в состоянии различать *все* цвета. Если, применительно к цветовой шкале, мы не можем разграничить А и Б, а также — Б и В, и В и Г, и Г и Д, то мы, несмотря ни на что, можем быть способны отличить А от Д. «А» может символизировать безусловный красный, а «Д» — безусловный оранжевый, хотя переходы между цветами таковы, что четкую границу между цветовыми полосками, или область перехода, мы не различаем.

Но вернемся к проблеме прерывания беременности, рассматривая ее аналогичным образом. Нет ясно определенной моральной границы между сроком в 14 дней и сроком в 15 дней, равно как и между 16 и 17 днями — и так далее, поэтому нет и соответствующей моральной разницы, явной и вполне определенной, между абортом при сроке 14 дней и абортом при сроке 30 недель. В действительности же разница

---

* Соответствует русскоязычному «Каждый Охотник Желает Знать, Где Сидит Фазан». — *Прим. пер.*

огромна, но проблема в том, что нет объективной, а не произвольно установленной границы между сроком, когда прерывание беременности можно было бы считать допустимым, и сроком, по достижении которого аборт становится недопустимым.

Подобные темы порождают особое беспокойство еще и потому, что люди порой склонны видеть картину происходящего, нарисованную только двумя красками — черной и белой, а в области морали такое, как правило, невозможно. В спектре видимого света нет точно обозначенного места, где красный цвет сразу переходил бы в оранжевый, — и так же не существует мгновения, когда бы головастик превращался в лягушонка. Мы не знаем, с какого момента считать, что младенец уже развился в ребенка, и нам не известен день, когда то, что было морально приемлемо как прерывание беременности, становится морально недопустимым.

ВСЕГДА ЛИ ВСЕ ТАК СОМНИТЕЛЬНО?

Некоторые соображения, касающиеся «скользких путей», приводят к пониманию того, что иные случаи, в сущности, не являются чем-то сомнительным. Когда противники абортов говорят, будто всякое прерывание беременности в разрешенном виде может фактически вести к признанию законности детоубийства, подобная аргументация внушает нам мысль о том, что, с моральной точки зрения, аборт — то же самое, что и лишение кого-то жизни. В этом смысле аборты — всегда зло, и не только потому, что увлекают нас на сомнительный путь. Для некоторых людей оплодотворенная яйцеклетка — это живое человеческое существо, хотя, как правило, выступления против прерывания беременности коренятся в убеждении, что оплодотворенная яйцеклетка — потенциальная

личность. Напрашивается мгновенное возражение: «потенциал» еще не является достаточным основанием, чтобы «потенциального» X мы рассматривали как X уже существующего. Мы не считаем желуди дубами, хотя желуди — потенциальные деревья. Мы не относимся к живым людям как к трупам, хотя все мы — потенциальные мертвецы. Едва ли наши друзья одобряют наш юмор, когда мы пригласим их отведать цыплят с жареной картошкой, если мы объявим, что потчует гостей жареным картофелем с оплодотворенными куриными яйцами.

В завершение главы замечу, что мы можем принимать во внимание все аргументы, удерживающие нас от того, чтобы не споткнуться на чем-то сомнительном, однако все должно быть в рамках разумного. Допустим, кто-то говорит о «потенциале», имея в виду будущее развитие зародыша, и, следовательно, аборт ведет к утрате чьей-то будущей жизни, — что ж, тут есть зерно истины, но контрацепция и сексуальное воздержание ведут к тому же, разве не так? Оплодотворенная яйцеклетка — потенциально живое существо, и сперматозоид и яйцеклетка — уже *до того*, как они сольются, — должны обладать потенциалом развития, чтобы яйцеклетка имела возможность стать оплодотворенной. Получается, что мешать развитию оплодотворенной яйцеклетки — дело вредное в моральном смысле, а предотвращать оплодотворение яйцеклетки — не менее аморально. И если поверить в то, что «потенциал» есть ключевой фактор, то остается только одно — завершить главу «Хартией Казановы», ибо воздержание от секса, следуя обозначенной выше логике рассуждений, — также предосудительно в моральном отношении. Словом, поаккуратнее с девушками, друзья! А вы, девушки, поосторожнее с ребятами!

КАК РЕШИТЬ, КОГО СПАСАТЬ, НЕ УТРАТИВ МОРАЛИ НИ В ЧЕМ?

Когда мужчина в расцвете сил и с горячей кровью вынужден спасать тонущего человека — причем не себя самого, а крутого парня Джека или соблазнительную, восхитительную Джил, — нетрудно предположить, что если он сможет спасти лишь одного из двоих, то спасенной окажется Джил. Вопрос, однако, в другом: как *должно* себя вести тому, кто стоит перед лицом подобного выбора? Можно рассудить так, что у юных вся жизнь впереди, и правильнее всего — бороться за жизнь молодых. Если Джеку 20 лет, а Джил 40, то спасения заслуживает он. Тем не менее, если вы любите Джил, а с Джеком даже не знакомы, будет ли так уж оправдан ваш выбор с позиций морали?

НУЖНО ЛИ БРАТЬ В РУКИ КАЛЬКУЛЯТОР, ПРЕЖДЕ ЧЕМ НАЧАТЬ ЦЕЛОВАТЬСЯ?

Мораль часто понимают как связанное с принципами чувство долга. Принципы при этом находят выражение в самом общем виде: всегда говорить правду, не нарушать обещаний, спасать при всех обстоятельствах человеческую жизнь. Однако выраженные столь обобщенным образом моральные принципы недостаточны как руководство к тому, что делать в нашем примере с Джеком и Джил. Конечно, принципы можно и корректировать ввиду определенных противоречий. Скажем, мы можем придерживаться принципа «всегда спасать того человека, у которого впереди больше лет жизни». Однако с какой стати

мораль подобного толка подвергает дискриминации тех, кто старше?

Ответ на эти вопросы есть. Он обусловлен тем, что коренится в самой природе морали, и, в сущности, хорошо известен. Основа основ морали — потребность человека в счастье, потому что счастье — самоценно, если только мы признаем существование того, что может быть ценно само по себе. По крайней мере, счастье — самодостаточная ценность, если мы его правильно понимаем. А если мы признаём ценность человеческого счастья, то безупречная в моральном смысле позиция подразумевает, что мы делаем все, чтобы счастья было больше, и потому заботимся о последствиях своих поступков. Моральным должно считать тот выбор, который при любых обстоятельствах множит счастье людей. Именно так утилитаризм, с его моральной доктриной консеквенциализма, учит тому, как смотреть в будущее, оценивая последствия своих поступков, и, соответственно, всегда действовать во благо. Это гедонистическое отношение к жизни. Гедонистическое потому, что главным применительно к последствиям человеческих действий объявляется счастье людей. В наиболее концентрированном виде — «принцип величайшего счастья», формулировку и отстаивание которого чаще всего заслуженно связывают с именами философов XIX века Джереми Бентамом и Джоном Стюартом Миллем.

В соответствии с этим принципом утилитаризм знает, как найти решение дилеммы. Если вам известен рецепт всеобщего счастья, то вы поймете, кого именно спасти. В самом крайнем виде все выглядит следующим образом. У Джека угрюмый нрав, никто не любит этого парня, и ему дела нет до ближних своих — его

призывом о помощи можно пренебречь. Зато следует принять во внимание, что Джил как никто достойна счастья, дарит радость другим и к тому же, допустим, классный хирург. Долг призывает плыть к Джил. Мы исходим, разумеется, из предположения, что вы, спаситель, сами умеет плавать, но в ваших силах спасти одного, и только одного, из двоих.

«Калькуляторный» подход, характерный для утилитаризма, сразу же оборачивается явными слабостями. Прежде всего, частенько недостает надежных сведений, к тому же порой не хватает времени, чтобы просчитать возможные последствия, даже если в теории это и возможно. Второй существенный недостаток утилитаризма применительно к морали заключается в том, что стоит нам начать подсчеты, как максимизировать всеобщее счастье, — и мы парадоксальным образом приступаем к минимизации многого того, что столь ценно на пути к достижению счастья. Как подметил Джон Остин, верный друг Милля, чтобы расцвела и крепла любовь — а без нее какое же счастье? — отнюдь не следует прикидывать, какие выгоды получит человечество, если любящий поцелует любимую.

Признавая подобные недостатки своих принципов, утилитаристы настаивают на том, что стремление к всеобщему счастью в наиболее полной мере — это высшая цель моральных усилий, и людям достаточно проникнуться ею, чтобы правильно «калькулировать» свою повседневную жизнь. Путь к всеобщему счастью мостит, как всегда, верность общепринятым нормам морали, таким как отказ от убийства, умение выполнять обещания и готовность спасти жизнь людей. Подобная аргументация вынуждает нас вернуться к изначальной дилемме, в условиях которой

ничего не сказано о будущем Джека и Джил. Мы имеем дело именно с дилеммой — и если у вас нет веской моральной причины предпочесть спасение одного спасению другого, остается только позволить событиям развиваться самым естественным образом. Применительно к тому, как была обозначена первая альтернатива, это значит, что парень с горячей кровью не поддастся «скалькулированной» мотивации. В конце концов, Джил — куда более соблазнительная добыча, по крайней мере для нашего героя.

И ОДНОЙ МЫСЛИ БУДЕТ С ИЗБЫТКОМ

Подумайте о примере с «тонущими», изменив условия: Джил — ваша любимая, а Джек — незнакомый человек. Давайте углубимся в рассмотрение данного случая. Вы питаете глубокое чувство к Джил, хотя она немного легкомысленна и ветрена, и ваши отношения с ней важны для вас. Что касается Джека, то вам известно, что он многого стоит: работник с добрым сердцем, искренне поддерживающий бедняков и помогающий людям строить лучшую жизнь. Так кого вам спасти? С позиций утилитаризма, «калькуляция» указывает на Джека — но так ли это правильно? Это может быть и вовсе неправильным как для убежденных сторонников утилитаризма, так и для всех остальных. Если бы отношения между мужчиной и женщиной основывались всегда только на расчете, и не важно, определяла бы их грубая мужская сила или женская мягкость, а о моральной стороне близости и преданности мы пока не говорим, — многое бы из того, что ценят в жизни люди, пришлось бы пересмотреть. Если мы проводим нашу жизнь под сенью голей объективности, не оставляя особого места для членов семьи, любимых людей и личных дел, то

наше существование — и это можно доказать! — становится пустым. Чего-то очень важного недостает человеческой жизни, если соблюдение морального долга требует от нас полной беспристрастности по отношению к нашим устремлениям, личным связям и окружающим.

Однако утилитаристы не сдаются. Они здраво возражают, что соображения, изложенные выше, показывают только одно: в стремлении к всеобщему благу особенно весомы ценности некоторых, самых важных для всех нас отношений — например, связь между родителями и детьми, единение любящих и даже почитание наставников по философии. Эти отношения многое помогают понять, оценивая возможность всеобщего счастья. Так позвольте нам предположить — и это будет очень серьезное предположение, — что мы в состоянии правильно оценивать весомость тех или иных наших поступков, а значит, самое правильное для любящего человека — спасти свою Джил. Но что в итоге для вас самого, к какому убеждению вы можете прийти? Даже если не действовать, а только думать утилитарно о ситуации, в которой вы оказались, то есть калькулировать в уме добро и зло, — вы можете столкнуться с тем, что противник утилитаризма Бернард Уильямс обозначил словами «и одной мысли будет с избытком».

КАК ПОСТУПАТЬ, КОГДА ВОДА УЖЕ ПЛЕСНУЛА?

Мораль вовсе не требует рассудочности в тех обстоятельствах, когда ваша любимая Джил, или ребенок, или кто-то из родителей будет тонуть. (О философах-наставниках мы больше не говорим.) Мораль предполагает как раз нечто обратное: немедленное

и не нуждающееся ни в каких размышлениях действие, направленное к тому, чтобы спасти Джил. Но вот вы слышите, как плеснула вода!.. И кем вы будете, если приметесь размышлять?

Вышеизложенное показывает, как требования морали должны согласовываться с людьми, живущими «реальной жизнью» и опутанными множеством привязанностей — будь то любимый человек, семья, работа, какие-то интересы или дела, и так далее, и тому подобное. Если бы человеческие существа лишились подобных привязанностей, жизнь людей заполнила бы пустота. Уильямс так пишет об этом:

...признающий необходимость существования глубокой привязанности к другим людям проявляет себя в окружающем мире таким образом, что лишается объективности во взгляде на окружающее...

Подумайте, чем была бы человеческая жизнь — если то была бы *человеческая* жизнь, — не знающая особого взгляда на мир, того взгляда, который обусловлен близкими отношениями и привязанностями, могущими быть важнее всех прочих? Как вы сумели бы жить такой жизнью — желая, чтобы она была полной и поистине человеческой, — если бы не обладали своим, сугубо личным, местом в мире, но, напротив, существовали, отстранившись от всего, включая чувства, свойственные людям, интересы и привязанности?

Поле «высокого напряжения» в области морали возникает между двумя полюсами. С одной стороны, нам необходимо объективное и отстраненное понимание происходящего, с другой — мы нуждаемся в живой реальности, в жизни, полной привязанностей и забот, присущих личным отношениям. Конечно,

утилитаризм не отрицает человеческие привязанности, трактуя их как своего рода «довесок» к отстраненным расчетам, однако такой подход подрывает саму основу наших привязанностей, лишая их истинной значимости. Преданность, любовь, смех — все, что делает жизнь процветающей, — все это нельзя рассматривать с позиций исключительно беспристрастности, холодной справедливости и равенства всех и каждого, хотя и эти требования служат благополучию в жизни. Мораль как будто позволяет жонглировать ценностями, неотделимыми от привязанностей, — и ценностями, требующими от человека отстраненности. Мы убедимся в этом, когда сравним далее два противоположных отношения к предмету нашего разговора.

ДОЛГ ИЛИ СОСТРАДАНИЕ?

Порой мораль не нуждается в размышлениях — и сама мысль об этом служит напоминанием тому, что мораль требует искренности чувств, не менее чем правильных поступков. Далее, мораль побуждает человека совершать правильные поступки обоснованным образом, когда веские причины для этого действительно существуют. Давайте на время посмотрим на утилитаризм с определенной точки зрения. Мы должны противопоставить два основных подхода к анализу морали, контрастирующие с утилитаристским.

Гордо вышагивая своим путем, мистер Апрайт украдкой поглядывает на нищего, который сидит на улице и явно пребывает в нужде. Апрайт ничуть не желает иметь дела с опустившимся побирушкой, но отбросить чувство морального долга тоже не в состоянии: возможно, оно как-то связано с его религиозными убеждениями. Апрайт знает, что обязан помогать неимущим,

и потому бросает нищему на колени несколько банкнот, быстро следуя дальше. Апрайтом движет долг.

Для сравнения: миссис Ступд* — женщина преклонных лет и с согбенной фигурой. Живет она на скудную пенсию, но всякий раз, видя нищего, испытывает к несчастному острую жалость. Она дает ему несколько монет — все, что может позволить себе, — и задерживается рядом, чтобы перебраться с ним словом-другим. Ею движет сострадание. Да, миссис Ступд — не святая и, вероятно, она не делает всего, что могла бы, но душа у нее добрая. В нищем она видит своего собрата и, относясь к нему соответствующим образом, делает лучшее из того что может. Вслед за Юдит Джарвис Томсон мы можем сказать, что пожилая миссис — добропорядочная самаритянка в той малой мере, в какой у нее есть возможность быть ею, а возможно, и немного более.

Контраст побуждений в данном случае отражает принципиальное различие двух теорий морали. В самом общем виде — первую из них традиция морали обычно связывает с именем одного из величайших философов, Иммануила Канта. Основана она на универсальных принципах, определяемых разумом или Богом и, в теории, приложимых ко всему в окружающем мире. Вторая традиция морали ассоциируется, как правило, с древнегреческим философом Аристотелем. Основной акцент в ней приходится на важность того, какими людьми нам следует быть.

Для кантианца действовать морально — значит следовать абстрактным принципам и служить чувству

---

* Оба имени — говорящие. Мистер *Апрайт* — от *англ.* upright: с прямой спиной и твердой осанкой. Миссис *Ступд* — от *англ.* stooped: согбенная. — *Прим. пер.*

долга, а не подчиняться внутренним биологическим импульсам. Вы не обязаны быть тем, кто всегда относится к окружающим эмоционально, кто готов проявлять доброжелательность или полон воодушевляющей силы. Возможно, вы — человек иного склада, и эмоциональные проявления для вас — своего рода случайность, дань обстоятельствам, а мораль не должна зависеть от случайностей подобного рода. Точно так же, как математические истины не могут зависеть от вашего самочувствия, живете вы в Иране или Ирландии, моральные нормы не могут основываться на чувствах людей. Мораль — явление, так сказать, из другой области. Но на все это можно немедленно возразить: точно так же, как некоторым людям недостает способности проявлять сочувствие и милосердие по отношению к другим, найдется немало и тех, кому не хватает образованности и, как следствие, понимания важных причин, в силу которых мы обязаны следовать морально-нравственным законам. *Осознание* морально-этических требований, как и понимание, скажем, абстрактных математических закономерностей, уходит корнями в нашу биологическую природу.

В отличие от последователей Канта, сторонники Аристотеля переносят главный акцент на то, чем нам необходимо обладать для процветания. Отчасти это забота о других, но также и умение говорить правду, быть честными и способными сочувствовать окружающим. Для Аристотеля все это — проявления добродетели. Конечно, моральные правила, которым мы обязаны следовать, по-своему полезны, однако глубинные побуждения должны включать и чувства, какими мы можем делиться с другими людьми, — и чувства эти должны быть добрыми.

КАК ВЫ ХОТИТЕ, ЧТОБЫ РОСЛИ ВАШИ ДЕТИ?

Если вы принадлежите к числу родителей, то как, на ваш взгляд, растущим детям нужно усваивать нормы морали? Как формальные строгие правила, которым необходимо следовать (кантианский подход), или как нечто проникнутое добрыми чувствами и служащее залогом благополучия и процветания (аристотелианский подход)? Утилитаризм в определенном смысле приветствует оба подхода. Принцип всеобщего счастья, предложенный Д. С. Миллем, претендует на роль универсальной истины, однако устремленность к счастью людей сближает его с этическими взглядами Аристотеля. Утилитаристы, подобные Миллю, понимают, что счастье — не мимолетная радость, а то, чем проникнуто само благополучие человека, требующее ощущения общности, умения делиться эмоциями с окружающими и чувства целостности. Счастливая и благополучная жизнь включает самые разные стороны, и идея «калькулятора счастья» едва ли многим покажется привлекательной: в области морали немало намешано, но вряд ли найдется что-нибудь хуже подобного «счетчика». Понять, что мораль многолика, очень важно для растущих детей. Но что еще важнее для них, так это почувствовать живую заботу о других людях и ощутить, какого склада людьми они сами хотели бы стать. И теперь мы должны снова вернуться к вопросу о том, кого спасать.

Итак, кого мы станем спасать? Почти неизбежный ответ: все зависит от обстоятельств. Менее очевидное решение заключается в том, чтобы не идти на поводу у философов, полагающих, что без соответствующей теории вопрос останется безответным. Теории рождаются в связи с определенными случаями. И вот представьте: ваш повзрослевший сын вдруг

сталкивается с ситуацией, когда девушка по имени Джил, в которую он влюблен, и незнакомец Джек — оба тонут... Так будете ли вы счастливы узнать, что ваш отпрыск ощутил неодолимую потребность окунуться в теорию, чтобы решить, кого спасти? Попытка в данном случае поднабраться мудрости, обращение к теории, да одна только мысль, что правильно, а что нет, не будет ли этого просто с избытком?

КАК НЕ ЕСТЬ ЛЮДЕЙ И НЕ МУЧИТЬ ЖИВОТНЫХ ТОЖЕ?

Мы без всяких сомнений признаем, что к другим человеческим существам, как правило, следует относиться с уважением. Тем не менее многие высокоморальные люди не находят ничего предосудительного в том, чтобы животные испытывали мучения, доставляя им, этим людям, возможность наслаждаться завтраками, обедами и ужинами, а также позволяя ученым добывать все новые и новые знания. Эти же высокоморальные индивиды будут чудовищно шокированы, узнай они об экспериментах на детях или о взрослых в качестве приятного угощения, подаваемого к обеду. Так можно ли винить тех, о ком идет речь, в равнодушной жестокости по отношению к животным? А если и мы с вами принадлежим к тому же кругу, то не найдется ли здравых оснований, чтобы покинуть его?

ОТ СЕКСИЗМА К СПЕСИШИЗМУ

Спесишизм* — понятие, возникшее и существующее в одном ряду с расизмом и сексизмом. В основе — принцип, согласно коему к некоторым индивидам нельзя относиться иначе, чем ко всем остальным, если только особое отношение не является чем-то глубоко обоснованным. Если кто-то за одну и ту же работу, выполненную в течение одного и того же периода времени

---

* От *англ. species* — биологический вид. Имеется в виду позиция, в соответствии с которой люди как высший вид обладают превосходством и особыми правами в сравнении с другими видами. — *Прим. пер.*

и на одном же профессиональном уровне, предоставляет мужчинам более высокую заработную плату, чем женщинам, то такой человек — сексист, поскольку половые различия не могут оправдывать различия в оплате труда. Предлагать женщинам, а не мужчинам пройти цервикальное обследование с целью диагностики рака не будет проявлением сексизма, поскольку очевидная и релевантная разница полов полностью оправдывает различие подходов. Предлагать подобное обследование женщинам, но не предлагать медицинское обследование мужчинам с целью диагностики рака простаты — сексистская позиция. Исключения могут составлять только особые случаи, обоснованные, скажем, тем, что цервикальный рак (рак шейки матки) встречается чаще или отличается более высоким уровнем смертности, чем рак простаты.

А теперь обратимся не к людям, а к животным и, кое-что держа в уме, подумаем о существах среднего размера: об овцах и коровах, индейках и курицах, а также о шимпанзе и других обезьянах. Конечно, во многих случаях у нас нет морального права относиться к ним как к человеческим существам. Посылать в школу детей, а не овец — это же не дискриминация по отношению к овечьему племени, да и, к слову, по отношению к детям. В данном случае у нас есть обоснованный повод для различного отношения. Вопрос в другом: есть ли у нас морально безупречная причина видеть различия между нами и прочими живыми существами, если иметь в виду многообразие видов и наши пищевые пристрастия?

ЧТО ДЕЛАЕТ ЛИЧНОСТЬЮ ЖИВОЕ СУЩЕСТВО?

Умерщвляя ради еды коров и овец, индеек и кур, но не человеческие существа, не даем ли мы неоправданные преференции нашему собственному

биологическому виду? Неужели мы с вами — спешисты? Чтобы найти ответ, мы должны хотя бы в первом приближении разобраться в том, почему неправильно убивать людей. С языка готово слететь бойкое утверждение: человеческие существа имеют право на жизнь и право не быть убитыми. Однако, прежде чем заговорить о правах, спросим себя со всей возможной определенностью, что именно неправильно в убиении людей? Как правило, никто из нас не жаждет быть убитым. Но заметьте, коровы и овцы, индейки и курицы вовсе не демонстрируют явного желания умереть.

Человеческие существа обладают самосознанием и видят в себе носителей жизненного опыта, простирающегося и в область будущего, — то есть у нас есть планы, ожидания и опасения, а также надежда увидеть завтрашний день. Убивая себе подобных, мы разрушаем эти планы, будущие дела и определенные ожидания — мы вредим другим людям, и, возможно, по этой причине убийство подлежит осуждению. Большинство животных, напротив, как будто лишено самоидентификации и самосознания, увлекающего в будущее. Получается, что, останавливая их биологическую жизнь в ее временной протяженности, мы не вредим никому из животных «лично» — не разрушаем их личности.

Каждый новый день для любого представителя животного мира — день, когда рождается и живет новое существо. Животные не осознают себя теми, кто существует в протяженности времени и строит планы, — или, по крайней мере, так считается. Если данное предположение верно и уместно, то мы не должны убивать отдельные особи вида *Homo sapiens* не потому, что те принадлежат к роду человеческому,

а по иной причине. Главное заключается в том, что люди обладают самоощущением себя в протяженности времени, и эта особенность придает моральное качество их существованию. Некоторые философы называют тех, кто в полной мере обладает подобным ощущением самих себя, «личностями» и видят в этом свойстве единственное основание того, что мы называем правом на жизнь. Понимая «личность» подобным образом, мы можем теперь коснуться двух вопросов. Все ли человеческие существа — личности? И нет ли личностей среди животных, не являющихся людьми?

Начиная с первого вопроса, отметим, что вполне очевидно — некоторые человеческие существа личностными качествами не обладают. Среди них — те, кто находится в хроническом вегетативном состоянии или страдает от болезни Альцгеймера в крайней степени, а также, если взглянуть на проблему с позиций противоположного временного полюса жизни, — зародыши, эмбрионы в матке и младенцы. Нам нужны новые, еще не затронутые нами соображения, чтобы обосновать запрет на убийство таких представителей человеческого рода — если, разумеется, нам удастся это доказать.

Что касается второго вопроса, то не исключено, что, по определенным данным, шимпанзе, гориллы и дельфины обладают самоощущением, протяженным во времени. То есть они могут быть личностями, хотя и не принадлежащими к человеческому племени, — значит, обладают правом не быть убитыми не менее, чем любая личность. Если избранная нами линия рассуждений верна, то мы можем не считать себя спесишистами, убивая овец и коров, индюшек и кур, однако нам не позволено убивать пищи ради

человеческие существа, а также шимпанзе, горилл и дельфинов. Иными словами, у нас появляется морально безупречный критерий для определения принципиальной разницы и использования этой разницы в отношении живых существ — людей и некоторых животных. То есть овцы и коровы, курицы и индейки не обладают самоощущением, протяженным в область будущего, и поэтому нет ничего предосудительного в том, что их убивают. Что ж, вероятно, нет ничего дурного в том, что их убивают, — или не было бы, если бы непозволительное убийство распространялось только на тех, кого можно считать личностями.

МОГУТ ЛИ ОНИ СТРАДАТЬ?

Все вышеизложенное — обычное направление рассуждений в обоснование того, каких животных можно убивать. Однако, даже если эти доводы верны, в них нет места для обоснования тех страданий и мук, которые приходится на долю животных, разводимых нами, а затем отправляемых на скотобойни. Джереми Бентам, представитель утилитаризма, отстаивавший ценность морали как стремления к величайшему счастью для наибольшего числа живых существ, утверждал, что в определении моральной основы наших действий мы должны принимать во внимание всю радость и всю боль, идет ли речь о людях, или о кошках и собаках, или даже о муравьях (если, конечно, у нас есть свидетельства того, что и муравьи способны страдать). Вот что писал об этом Бентам:

Может наступить день, когда признают, что количество ног, наличие шерсти на коже или завершение os sacrum — столь же недостаточные основания

для того, чтобы предоставить чувствующее существо такой же судьбе. Что еще должно прочерчивать эту непреодолимую линию? Способность разума или, возможно, способность речи? Но взрослая лошадь или собака несравненно более рациональные и общительные существа, чем младенец в возрасте одного дня, одной недели или даже одного месяца. Но предположим даже, что верно обратное. Что это дает? Вопрос не в том, могут ли они рассуждать или могут ли они говорить, но в том, могут ли они страдать*.

Боль, как полагал Бентам, есть зло — независимо от того, кто бы ни страдал от мучений. И даже если большинство животных не имеет личности, они способны воспринимать и ощущать, а потому могут испытывать страдания — и страдают. Поэтому то, что мы делаем с ними, включая и умерщвление животных, должно вызывать наименьшие для них мучения. Разведение животных, не имеющих личности, но служащих пищевым ресурсом, — это совсем не плохо. В той мере, в какой они могут содержаться без мучений для них и будут забиты без боли, — допуская, что все это помогает увеличить всеобщее счастье.

Разумеется, все это прекрасно, но если — *если* — человеческие существа получают изрядное удовольствие от вкушения *фуа-гра* и если единственная возможность получить такой деликатес заключается в том, чтобы особым образом раскармливать гусей, то общая сумма от получаемого людьми удовольствия будет перевешивать страдания несчастных гусей, и пока подобные удовольствия будут доступными,

---

* Бентам Дж. Введение в основания нравственности и законодательства.

утилитаристам, таким как Бентам, не переспорить участников происходящего. Правда, утилитаристы пытались убеждать людей изменить свои пищевые наклонности и отказаться от практики раскармливания гусей. Возможно, попытки эти показывают, что представители утилитаризма тревожились не только о людях, но и о гусях и что стремление быть высокоморальными во всем — не единственное, о чем следует заботиться ради максимизации всеобщего счастья. Вероятно, мораль направлена более к тому, чтобы минимизировать страдания индивидов. Пожалуй, гусиные муки могут и перевесить минимальные страдания человеческих существ, принужденных заменить *фуа-гра* ветчиной или сыром.

ПРАВА ЖИВОТНЫХ — ЭТО РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ РАСХОЖАЯ ГЛУПОСТЬ?

Озабоченность в связи с тем, насколько правильно или нет мы обращаемся с животными, заставляет некоторых членов общества настоятельно утверждать, что у животных тоже есть права, однако в разговоре о «правах» далеко не все так однозначно, как хотелось бы. Мое право на собственный карандаш заметно отличается от моего же права на жизнь. Первое, что приходит в голову на этот счет, — если «права» есть нечто большее, чем повод произносить громкие слова, осуждающие определенные действия, то мы должны найти правам соответствующее обоснование, опору. По закону и в соответствии с заключенными договорами я имею право на свою квартиру. Она — моя собственность. В ответ на замечание, что недвижимостью, не исключено, может быть и отнята, многие люди, несомненно, заявят, что право на собственность, а также признание этого с моей стороны,

как и со стороны других людей, — мое коренное право. В значительной мере право определяется существующими в обществе ожиданиями, сложившимися ценностями и принимаемыми на себя обязательствами.

Совсем в ином положении находятся животные, не принадлежащие к роду человеческому. Мы не можем принимать их за членов общества, соблюдающих общие для всех моральные нормы и законы, а также признающих интересы окружающих и заключающих взаимные договоры. Да, мы можем припомнить случаи, когда в прошлые века животные предавались суду в качестве обвиняемых. В итальянском городе Губбио волк обвинялся в том, что в поисках добычи терроризировал всю округу, однако, как считается, благодаря вмешательству Франциска Ассизского был оправдан. Тем не менее мы никогда не думали, что на животных распространяется принцип соблюдения прав и обязанностей. Однако, даже если оставить в стороне всякую возможность следования подобному принципу в отношении животных, мы едва ли готовы признать за ними необходимость соблюдать некие обязанности перед обществом, а значит, и претендовать на собственные права.

Но данный подход к проблеме чреват противоречиями и отличается непоследовательностью. У младенцев и детей нет представления о своих моральных и юридических обязательствах перед обществом, но права у младенцев и детей есть. Обычно утверждается, что они обладают правами как будущие члены общества, однако стоит вмешаться в дело неким потенциальным соображением, как все мы вступаем на скользкую дорожку, как уже было показано выше. Более того, заявляя, что личность имеет право на жизнь или на свободу слова, мы явно утверждаем

нечто большее, чем просто факт принадлежности личности к сообществу, члены которого разделяют подобное представление. В определенном смысле принимается во внимание, подразумевается принадлежность к сообществу, отрицающему такие права, — и вот потому-то мы и настаиваем на необходимости обладать подобными правами. Здесь выходят на сцену так называемые естественные права, то есть права, существование которых обусловлено исключительно нашей человеческой природой или волей Божьей. Бентам об этих правах отзывается как о пустой ходульной истине. Пусть даже мы и способны раскрыть законы природы, такие, например, как законы ньютоновской механики, очень трудно определить, каким образом та же природа передает нам моральные законы, смысл которых кроется в представлении о том, что человеку *должно* делать, — проще говоря, как мы можем узнать от нее о наших правах.

Какой бы способ уяснить глубинное понимание «прав», если полагать, что таковое действительно существует, мы ни считали наиболее подходящим, нельзя не отметить: наш моральный долг и обязанность поступать определенным образом выходят далеко за границы обычного требования не нарушать чьи-то права. В определенном смысле права приобретают особое значение — становятся последним надежным средством, когда согласия с нормами морали уже не хватает, — но нельзя не заметить, что существует немало важных, с моральной точки зрения, требований, которые мы не можем отбросить. Среди них, например, доброта, сочувствие, смелость и преданность. Даже если животные и не обладают своими правами, это не значит, что и мы можем отбросить все моральные обязательства по отношению

к братьям нашим меньшим. У нас есть моральный долг не быть жестокими по отношению к ним или наплеватьски относиться к их нуждам. Наш моральный долг такого рода коренится в понимании того, что «они могут страдать». И у них есть свои потребности. Есть и явные случаи, когда наши обязанности в отношении животных совершенно понятны — если мы держим зверьков в роли наших домашних любимцев, допустим, ухаживая за морскими свинками.

И ВСЕ ЖЕ, ВСЕ ЖЕ...

Возникает вопрос, не следует ли считать спесицизм своего рода предрассудком, в чем-то сходным с сексизмом. В конце концов, сексизм обнаруживает свою ущербность, когда мужчины и женщины не считают возможным обращаться друг с другом с равным уважением, пренебрегая взаимным благополучием. Тем не менее мужчины и женщины могут искать понимания в том, какие пути ведут к обоюдному процветанию. Увы, подобный диалог между человеческими существами и овцами или между дельфинами и козами просто невозможен. Люди должны решать, как обращаться с другими видами к пользе их, однако другие виды находятся не в том положении, чтобы решать, как обращаться с людьми. Асимметрия. Если женщины начнут решать за мужчин, как с мужчинами следует обращаться, то займут покровительственную и сексистскую позицию, и наоборот.

Далее, рассматривая вопросы морали, мы можем задавать вопрос, а всегда ли моральное отношение к чему-либо непременно должно быть беспристрастным (об этом говорилось в главе 15). В некоторых случаях мы не способны оставаться совершенно беспристрастными, потому что иные пристрастия берут

начало в глубине души. Мы сами создаем свои привязанности. Любящие отдают предпочтение своим любимым. Родители питают особую заботу о своих детях. И если вы ощущаете внутреннюю раздвоенность, не зная, кого кормить при нехватке еды — голодную бродячую собаку или собственного голодного ребенка, то по всему видно, что ваше равнодушное отношение к спесишизму заходит слишком далеко. Тем не менее мы должны еще многое сказать, чтобы определить, когда небеспристрастность может быть оправданна.

У нас есть причины и основания, чтобы, по возможности, избегать противоречий в моральных вопросах и стремиться «исправить» наши природные спесишистские наклонности. Людей ужасает мысль об экспериментах на умственно отсталых детях, однако эксперименты подобного рода, проводимые на животных, возражений не вызывают, хотя иные опыты способны причинить взрослым шимпанзе страданий больше, чем маленьким детям. Осмысление существующего положения дел могло бы, в конце концов, подставить под сомнение допустимость опытов над животными. Даже если животные, лишённые личности, и не знают, в чем заключаются «их интересы», то нет сомнений, что, с позиций морали, мы, люди, обязаны позаботиться о нуждах наших меньших братьев.

КАК НЕ ПОДДАТЬСЯ СОБСТВЕННОЙ СМЕРТИ, ПУСТЬ ДАЖЕ ВАМ И ПРИНЕСЛИ ПЕЧАЛЬНЫЕ ИЗВЕСТИЯ?

Узнать о своей смерти — не лучшее известие, во всяком случае — для вас. Другие могут думать иначе. Но вас-то уже не занимают сводки новостей и прочая мирская чепуха. Поэтому позвольте думать, что смерть есть аннигиляция — Конец. Стоит ли его бояться? Ведь если вы уже не существуете, то можете и не знать, что ушли из жизни. А если вы миновали предел существования, то теряют смысл и попытки оценить утрату — кому и как ее взвесить, если «вас» уже нет. Разве все это не звучит вполне разумно?

«Когда мы живы, смерти ещё нет; когда она приходит, то нас уже нет». Так утверждал Эпикур, древнегреческий философ, живший в III–IV веках до н. э. и учивший, что нам не следует ни стремиться к смерти, ни бояться ее прихода. Давайте проверим, насколько верна аргументация Эпикура, и попробуем приложить ее к судьбе обычного человека — назовем его Бенедикт.

Будем исходить из предположения, что после смерти он не существует как субъект, которому дано обладать возможным опытом жизни. Именно это мы станем считать Допущением Аннигиляции — просто приняв ее. Второе предположение, которое мы должны сделать, — заключается в Допущении Существования,

и смысл в том, что любое событие может быть плохим или хорошим для Бенедикта, только если он существует в то время, когда событие имеет место, — а он сам выступает в роли субъекта со своим опытом, какой он способен приобрести. Отсюда выводится только одно истинное умозаключение: если Бенедикт мертв, то ни одно событие не может быть для него ни хорошим, ни плохим. Стоит добавить к этому, что неразумно бояться события, если только оно не является чем-то дурным для человека, — а вероятно, данный аргумент можно принять за истину, — и, следовательно, Бенедикту незачем страшиться умереть.

Одно соображение придает аргументации некую шаткость: мы говорим о событиях и состояниях, которые — после смерти — не могут вредить Бенедикту, однако отсюда еще не следует, что умирание и сам приход смерти не являются чем-то безвредным для человека и не заслуживающим опасений. Мы говорим, таким образом, о Вызове Потери. Еще один вызов связан с вопросами, которые возникают в связи с Допущением Существования. Начнем с Вызова Потери.

СМЕРТЬ ЕСТЬ ЗЛО, ПОТОМУ ЧТО...

Смерть есть зло для Бенедикта, потому что с ее приходом он теряет будущее в своей жизни. Очевидно, немало людей прожили достаточно и не хотели бы продолжать свою жизнь, однако наш Бенедикт всегда был счастлив и предвкушал немало счастья впереди, если только сможет долго прожить. Он знал, что конец неминуем, и это угнетало его. Отложим на время вопрос, какое зло представляет смерть для других, и спросим, в чем было ее зло для Бенедикта? Какой потери он страшился? Вероятно, нам следует

сопоставить годы грядущего счастья, которых он лишается, с теми годами, какие он теряет со смертью. Какую ценность для него представляют еще, скажем, 40 лет, что могли бы продолжить его жизнь, но пока остаются непрожитыми? Мы не имеем ни малейшего представления на этот счет. Таким образом, у нас нет ничего, с чем можно было бы сравнить те 40 лет жизни, на которые он мог бы рассчитывать, проживи он дольше намеченного для него срока. Или что-то в данной связи у нас все же есть?

Да, есть. Мы должны сравнить реальные годы жизни Бенедикта — скажем, до «ранней» смерти в возрасте 40 лет, — и годы его возможной жизни, если уместно предположить, что он прожил бы до 80 лет. Так мы сможем оценить, что он теряет. Будь у него самого шанс рассудить, что для него лучше, 40 лет его настоящей жизни или 80 лет предполагаемой, — мог ли бы он ответить на этот вопрос? Заметьте, Лукреций, выступавший со своими доказательствами в поддержку позиции Эпикура, согласно которой нет причины бояться смерти, проводил мысль, что жизнь может быть бесконечной. А если так, то ранняя смерть Бенедикта в возрасте 40 лет означает, что он теряет бесконечность грядущего времени, но этого же отрезка времени лишаются и те, кому удалось дожить до ста лет или, допустим, даже до тысячи. Уж такова особая загадка бесконечности в приложении к человеческой жизни и мирозданию.

САМАНТА, БОНДИ БИЧ И *OBSESSION*

В сущности, мы действительно ощущаем смерть молодого человека как большее несчастье, чем уход из жизни человека пожилого. Вот пример. Саманта — юная женщина, которую еще многое ожидает в жизни. Она отправилась купаться на Бонди

Бич* и уплыла в воду нагой, окутанная ароматом духов *Calvin Klein Obsession*. В воде ей встрети­лась шести­летняя Шейла. Шейла — акула с неодолимой тягой к *Obsession***. И встретила свой конец — Саманта, не Шейла. Потеря жизни стала для Саманты непоправимым несчастьем, и не только потому, что она жила с ощущением, что могла бы прожить еще, скажем, 60 лет. Есть и другая причина. Все, что требовалось для Саманты, чтобы прожить долгую жизнь, это дру­гое направление, в котором могла бы плыть Шейла. И возможность для Саманты достичь преклонных лет — это очень близко к тому, как обычно все и про­исходит в жизни. Фактически продолжение жизни Саманты требовало только того, чтобы акула в тот день следовала иному плану действий.

Пусть случай Саманты послужит своего рода свиде­тельством, противоположным мудрости древних авторов, упомянутых выше. Представьте, я вхожу в воду, надушившись *Obsession*, — и встречаю Шейлу (или свою роковую судьбу в образе голодной акулы). Теперь примем во внимание мой возраст и старче­ское слабоумие — допустим, мне 99 лет, — согласитесь, даже если Шейла и не поддалась бы искушению пообе­дать мной, вероятно, законы природы должны были бы претерпеть немалые изменения, чтобы я, Питер Кейв, смог прожить еще 60 лет. Как правило, мы вос­принимает гибель молодых как большее несчастье, чем смерть пожилых людей, потому что нами под­спудно руководят не лишённые оснований ожидания, обусловленные законами природы применительно

---

* Излюбленный сёрферами и популярный во всем мире пляж Сиднея. — *Прим. пер.*

** *Obsession* — одержимость, неодолимая тяга, навязчивое состоя­ние или мысль (*англ.*). — *Прим. пер.*

к возрасту и продолжительности жизни человека. Вместе с тем, говоря о смерти моей или Саманты, мы можем отметить, что оба мы оказались бы обездоленными фактически в равной мере — ну, скажем, на миллион грядущих лет, будь, разумеется, законы природы иными. В подобных обстоятельствах разница в 79 лет (смертный возраст Саманты — 20 лет, а мой — 99) — в определенном отношении минимальна. Повторю еще раз: то, что мы считаем несчастьем, противоречит смысловой «подкладке» наших ожиданий, если исходить, естественно, из того, что мир таков, каков он есть в действительности, а не таков, каким предстает перед нами, если человеческая жизнь способна была бы длиться миллионы лет.

Чтобы оценить, в какой мере смерть является несчастьем, мы также должны прояснить, что есть индивидуальность человека, который может встретить на жизненном пути такую беду. Нам нужно понять, почему Саманта теряет непрожитую часть жизни из-за Шейлы. Допустимо ли трактовать как несчастье для вас то, что эмбрион, из которого вы развились, мог бы и не получить возможность развиться? И можно ли толковать об ошибке судьбы в отношении тех, чья жизнь могла бы состояться, но не состоялась лишь потому, что ее предотвратило применение противозачаточных средств? Помните, мы говорили о чем-то подобном в главе 14, посвященной тому, как не споткнуться на скользком склоне?

ТО, ЧЕГО ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ, МОЖЕТ ВАМ НАВРЕДИТЬ!

Аргументация Лукреция включает допущение — Допущение Существования, — смысл которого в том, что повредить человеку можно только тогда, когда

он существует и выступает субъектом определенного опыта. Данная идея заслуживает критического рассмотрения. Придерживаться тезиса о Допущении Существования помогает простая мысль, что вы не можете стать жертвой чего-то вредоносного или пережить роковое несчастье, если не переживаете нечто подобное как часть своего опыта, — или если, по крайней мере, происходящее не изменяет в худшую сторону качество или продолжительность вашей жизни. Например, ВИЧ-инфицированная мать с наркотической зависимостью действительно способна навредить своему будущему ребенку. Однако, чтобы нечто подобное случилось, ребенок должен существовать — и выступать в роли объекта дурного воздействия со стороны матери, ведущей безумный образ жизни. Ущерб, физический или ментальный, для будущего ребенка неминуем, ибо есть источник вреда — или же таким представляется дело, когда о нем думаешь. Вопрос в том, насколько все это верно?

На этот счет есть классические примеры, и смысл их в следующем. Полагаться на предположение о том, что самое значимое для вас выходит далеко за пределы ваших знаний, мыслей или телесной оболочки, — далеко уходить от истины. Что действительно важно для вас? То, что включает в себя ваши потребности. Когда они страдают, вред наносится лично вам, — следовательно, было бы вполне разумно опасаться подобного вреда.

Предположим, вы дорожите любовью своих детей и цените уважение со стороны коллег на работе, однако за вашей спиной они ни в грош вас не ставят и полны к вам презрения. Они открыли настоящий фронт против вас, и вы теряетесь в догадках, не зная их истинного отношения к вам. Ваши сотрудники

устроили бесконечное шоу, поскольку, как и ваши дети, они нуждаются в материальной поддержке, а вы, как их коллега-руководитель, обладаете определенной властью, которая может отразиться на их продвижении по службе. В подобной ситуации вы ничего не знаете об истинных чувствах окружающих, однако можно ли сказать, что происходящее не причиняет вам вреда или ущерба?

В ответ на подобные рассуждения можно услышать, что вред имел место, поскольку, вполне вероятно, вы обнаружили неискренность своих коллег по отношению к вам и переживание этого открытия не оставляет вас. Однако давайте предположим, что подобного открытия вам не сделать, а ваши дети и коллеги ведут себя с вами без тени фальши. Тем не менее определенный вред вам предстоит пережить, несмотря на то что, с вашей точки зрения, все как будто в порядке. Далее — несколько слов в доказательство высказанной мысли.

Предположим, вы находитесь в мире, где вам не грозит отсутствие любви и недостаточного уважения на работе. Правда, мы должны принять во внимание и гипотетическую возможность — в противоположность фактическому положению дел: мир таков, что в нем «можно столкнуться с отсутствием». И если вы должны будете «столкнуться с отсутствием», то что тогда? Вам предстоит страдать. Конечно, вы можете заявить, что хотели бы ничего не знать. Однако переживаемый вами стресс и ваше желание «ничего не знать» говорят о том, что вы открыли для себя нечто такое, что причиняет вам вред. А по какой еще причине ваше «открытие» может иметь значение для вас? Вывод: именно потому, что происходящее как будто не причиняет вам явного вреда, вы можете оказаться

в том положении, когда вред неизбежен. Этот вред — следствие «отсутствия». Таким образом, если ничто не может навредить вам, когда вы уже мертвы, причину нельзя свести только к тому, что предполагаемый вред не переживается вами как часть вашего опыта.

МОЖНО ЛИ НАВРЕДИТЬ ЧЕЛОВЕКУ ПОСЛЕ ЕГО СМЕРТИ?

Звучат предположения, что вредные влияния не могут коснуться вас после вашей смерти не потому, что вы не воспринимаете их, а потому, что вы — не существуете. Если вы действительно вне бытия, уйдя из жизни, то каким же образом те или иные события способны вам навредить? В качестве ответа на вопрос вспоминают: нельзя отбрасывать тот факт, что потребности человека выходят за границы физического и ментального состояний.

Допустим, любитель сов Олсен посвятил свою жизнь большой работе по изучению миграции этих птиц. Одну копию своего научного труда он оставил в Лондоне, чтобы отпечатать и опубликовать, а сам отплыл под парусами на далекий берег, чтобы отдохнуть, в глубине души желая избежать грядущего паблисити. Надеюсь, вы еще не забыли наш разговор о возможном вреде, который как будто может и не сказываться на личном опыте человека? Так вот, если рукопись сгорит и весь труд будет потерян, такой поворот событий обернется явным вредом для Олсена — даже если он ничего не будет знать. А теперь представьте, что как раз перед тем, как пожар в Лондоне уничтожил труд его жизни, Олсен умирает на далеком берегу. Разве и в этом случае мы должны внезапно решить, что пожар в Лондоне, обративший в пепел манускрипт, ничуть не повредил Олсену?

Конечно, так думать было бы неправильно, что, кстати, подтверждает и наш повседневный опыт. В конце концов, даже атеист — когда умирает коллега (тоже атеист) — готов уважать последнюю волю покойного и настроен с подобающим случаем благородным достоинством стоять перед трупом, а также счел бы предосудительным знаком дурного воспитания плохо отзываться о покойном забавы ради. И заметьте, ни атеист из нашего примера, ни Олсен ничуть не тревожатся о том, что творится в загробном мире и не смотрит ли на них пока еще живой глубокоуважаемый коллега.

Примеры, приведенные выше, призваны показать, насколько уязвимо для критики допущение, что некое событие может вредить кому-либо, только если человек этот физически или ментально существует в то время, когда данное событие случается. Мы уже видели, что допущение, о котором идет речь, является ошибочным по отношению к тому, что предшествует нашим представлениям, и это же допущение не менее ошибочно и в отношении событий, случающихся после смерти.

ЗЕРКАЛО: ДО РОЖДЕНИЯ И ПОСЛЕ СМЕРТИ

«Оглянись на вечность, ушедшую в прошлое еще до твоего рождения, — советовал Лукреций, — и заметь, как ничтожно мало значит она для нас»*. Для Лукреция — это зеркало, которое Природа держит перед

---

* В классическом переводе на русский А. Ф. Петровского этот фрагмент поэмы Т. Л. Кара «О природе вещей» выглядит так: «В собственность жизнь никому не дается, а только на время. / Для созерцанья того, что наступит по нашей кончине: / Разве там что-нибудь ужас наводит иль мрачное что-то / Видится там, а не то, что всякого сна безмятежней?» — *Прим. пер.*

нами,* и мы можем взглянуться в поток времени, каковому предстоит течь и тогда, когда мы уйдем из жизни. «Есть ли в том, что открывается нашему взгляду, — спрашивает Лукреций, — нечто ужасающее, нечто подавляющее нас, нечто менее безмятежное, чем крепкий сон?» Пронзительная мысль Лукреция призвана успокоить нас перед лицом неизбежной смерти. Точно так же, как мы не тревожимся о потерянных годах жизни до того, как родимся, мы не должны быть подавлены страхом лишиться тех лет нашей жизни, которые будут утрачены нами вследствие нашей смерти.

Однако аргументация Лукреция игнорирует факт асимметрии между нашим существованием, обращенным в своей протяженности в будущее, и нашим приходом в жизнь, состоявшимся ранее, в прошлом. Я легко способен вообразить, что могу и даже буду собой, если к моей жизни прибавится несколько, а может быть, и более чем несколько десятилетий. Но какой смысл я могу найти в происходящем, считая себя собой же, будь я рожден, скажем, на полвека ранее? Чтобы ярче высветить философскую проблему:

---

* В переводе на русский цитируемого выше фрагмента нет упоминания о зеркале, отражающем природу и вечное течение времени. Однако этот образ присутствует в англоязычном переводе поэмы Лукреция: «This is a mirror that Nature holds up to us, in which we may see the time that shall be after we are dead». Философский образ — зеркало Природы — ключевой для П. Кейва в данном разделе главы: именно оно, по мысли автора данной книги, следующего в своих размышлениях за Лукрецием, позволяет человеку заглянуть во время, существующее за границами смерти. Примечательно, что «зеркало перед природой» в одном из монологов упоминает Гамлет: «to hold, as 'twere, / the mirror up to nature» (акт III, сцена 2), — ранее с глубокой мукой признававший: «распалась связь времен» (акт I, сцена 5). — *Прим. пер.*

какой смысл кроется в том, что вы могли прийти в жизнь, допустим, пятью столетиями раньше, но оставались бы именно самим собой? Вы только представьте: ни привычных для нашего времени коммунальных служб и удобств, ни музыки, глубоко повлиявшей на ваше воспитание, ни школьного обучения, ни сообщений по электронной почте, ни твитов, ни общения в «Фейсбуке» — воспитание и окружение человека в те века было бы настолько иным, что тот индивид просто не мог бы оказаться вами.

Чтобы смерть могла лишить меня чего-нибудь, должен существовать я — мое «Я», и существовать в определенное время. И позвольте напомнить в данной связи: как было показано в первых двух главах, сущность человека остается столь же энигматичной, как и то состояние, в котором личность не может не быть ничем иным, кроме самой себя.

КАК БЫТЬ БОГОМ, ЕСЛИ СУЩЕСТВОВАНИЕ ЕГО ВОЗМОЖНО?

«Нелегко быть Богом. В конечном счете, Я — самое совершенное из существ, и потому должен владеть реальностью как никто иной. Я всемогущ. В моих силах исполнить все, что только выполнимо. Все сущее зависит от Меня, по крайней мере в той мере, в какой Я допущу его или ее существование. Я всеведущ, ибо нет истины, которую упустил бы Мой разум. Я морально совершен, ибо всеми средствами творю добро. Многие человеческие существа неверно судят обо Мне, хотя неповторимые свойства Мои находят проявление во всем, что нас окружает. Но как люди могут не замечать Меня? Неужели Я так незначителен? Или делаю меньше, чем мог бы?»

ТО, ЧТО СУЩЕСТВУЕТ КАК БУДТО СЛУЧАЙНО

Многие люди действительно не замечают Бога. И чтобы помочь Ему, позвольте нам понять, где пребывает Бог и что есть Мироздание, дабы здраво прийти к тому, чтобы Он был нам явлен. Мы станем говорить «Он» или «Ему» исключительно ради того, чтобы, именуя Его, не нарушать сложившуюся традицию использовать мужской род. Поскольку Бог всемогущ, можно пытаться доказывать, что Он не существует и, вместе с тем, существует со всей непреложностью. Если так сложилось, что Он существует, то, вероятно, его существование должно быть чем-то

обусловлено. Или ничем не обусловлено, если Он, сущий, всемогущ — и его бытие зависит только от Него самого и обусловлено лишь природой Его самого. Теперь, все предметы и явления вокруг нас — все, что знакомо нам в физическом и духовном мире, — не обладают собственным бытием, но — лишь случайные проявления бытия. Все они — лишь случились в своем существовании и зависят от существования других вещей.

Появляются обстоятельства, которые невозможно предвидеть. Ваше существование обусловлено тем, что есть ваши родители, а жизнь ваших родителей стала возможной потому, что существовали их родители, ну и так далее. Они — а значит, и вы тоже — могли бы не существовать, если бы Земли не было или она была бы совершенно другой. Космические взрывы, например, могли бы разрушить атмосферу нашей планеты. Вы читаете эти строки, но ведь это не просто нечто истинное, но и, по сути, случайное. Вы могли бы и не читать, а весело проводить время как-то иначе, да и сама эта книга могла не существовать.

Проявления случайного и проявления необходимого — разные вещи. Со всей необходимостью истинно то, что число между 18 и 20 есть нечетное простое число. И со всей необходимостью мы можем утверждать, что круглых квадратов не существует. Однако же, хотя иные истины являются таковыми со всей необходимостью, в нашей повседневной жизни мы не всегда встречаемся с тем, что существует со всей необходимостью. Ближайший пример, как могут заметить в данной связи, абстрактные понятия. Возможно, числа и существуют со всей определенностью, однако числа не способны что-либо делать: они

не создают таких последствий, как, скажем, ураганы, пожары или люди. Бог, разумеется, тоже не мыслится как нечто совершенно абстрактное.

Быть Богом — значит быть совершенно особой сущностью, отличающейся в своем бытии от всего, что попадаетея нам в повседневности. Тем не менее некоторые люди заявляют, что пришли к убеждению: такая исключительная сущность, как Бог, *должна* существовать. Один из аргументов связан именно со случайностью, поскольку в качестве отправной точки признаётся именно случайность окружающих явлений. Второй, и совершенно противоположный, онтологический, аргумент относится к существованию окружающей действительности, но основывается непосредственно на концептуальном представлении о Боге и наших размышлениях, связанных с этим представлением. Мы начнем со случайности.

Аргументация, связанная с категорией случайного, восходит к принципу, который был сформулирован великим немецким философом и математиком XVII века Готфридом Вильгельмом Лейбницем, писавшим о «высшей разумности». Воплощение этого принципа — закон достаточного основания, согласно которому все должно быть обоснованным. Мое существование может быть обосновано тем, что существовали и совершали определенные действия мои родители, и то же объяснение подходит и по отношению к ним. Однако что объясняет существование целой последовательности, цепочки, человеческих существ? Возможно, мы найдем ответ на этот вопрос, если прибегнем к таким аргументам, как существование клеток, вариативность развития и естественный отбор, — но ведь все это тоже суть проявления

случайного. Единственное средство найти полное объяснение *всем* случайностям — целой Вселенной случайностей — обратиться к такому существу, которое не просто случайно существует, но *не может не существовать*. И это существо, что *должно* существовать, есть Бог. В данной связи мы можем сразу же отметить, что аргумент, представленный в подобном виде, никак не обосновывает, почему существует один Бог, а не множество богов, существующих со всей необходимостью, и, уж конечно, нет никакой причины верить, что обретенный таким образом Бог обладает всеми качествами, которые ему часто приписывают, например способностью к любви.

Согласно этой же аргументации, Вселенная, представляя собой последовательность случайностей, может безгранично и бесконечно простирается в прошлое. Но если такая последовательность действительно имеет место, нельзя обойти вниманием принципиальный вопрос о наличии для нее соответствующей причины. А если приложить принцип случайности к только что упомянутой последовательности, то снова возникнет тот же вопрос — а где причина? И так — снова и снова. И остановиться, успокоив свой разум, мы сможем только тогда, когда придем к мысли: должна быть некая сущность, вбирающая в себя все случайности, — существо, включающее в себя все прочие, окказиональные, существа. Однако подобные рассуждения уязвимы для критики. Почему мы должны полагать, будто вся Вселенная — воплощение случайного, если отдельные феномены в ней случайны? Что верно в отношении частей, отнюдь не всегда истинно и в отношении целого. Отдельные детали самолета летать не могут, а вся конструкция в виде самолета — пожалуйста. Далее, допустив, что

Вселенная есть средоточие всего случайного, почему мы должны думать, будто на все следует существовать уважительной причине? Может быть, есть просто грубый факт, принимать который надо без всяких объяснений, а единственное, что ясно, — так это только то, что Вселенная существует.

Мы можем также взять под сомнение и то, насколько весомо утверждение, что Бог, сущий во всей своей необходимости, должен служить «опорой» для Вселенной. Если Его существование и свойства являются по определению необходимыми, то напрашивается вопрос о том, каким образом возникло все случайное и способны ли случайные феномены существовать со всей необходимостью? Нам следует также поставить вопрос, что означает для некоего существа существовать со всей необходимостью? Такое существо, кажется, должно представлять собой большую загадку, равно как и его загадочное сосуществование (если здесь действительно кроется нечто загадочное) совместно со Вселенной, объемлющей все множество случайностей, в ней происходящих. Однако...

СОВЕРШЕННАЯ КОШЕЧКА

Теперь нам нужно обратиться к онтологическому аргументу. Его назначение заключается в том, чтобы продемонстрировать, что только разум способен найти доказательства в пользу существа, бытие которого является абсолютно необходимым, каким бы загадочным оно ни казалось. В основании аргумента, связанного с категорией случайного, — допущение существования случайных феноменов, и это знание — знание *a posteriori*, то есть пришло благодаря осмыслению того опыта, который мы получаем при восприятии окружающего мира. Аргумент же

онтологического характера направлен на то, чтобы показать, что именно обладает бытием, и не основывается на существовании определенных предметов и явлений. Напротив, этот аргумент восходит к тому, что включает в себя представление о Боге. Это знание, получаемое нами *a priori*: мы ведем свои рассуждения безотносительно к тому, что существует в нашем мире. Другой пример априорных знаний дает нам математика. Нам не нужно «тестировать» окружающее, чтобы узнать, каковы свойства треугольника или что семь есть простое число.

Мы можем, таким образом, исследовать свои концептуальные представления априорным путем, не привязываясь к возможному или невозможному существованию того, на что способны распространяться изучаемые нами закономерности. Мы можем, к примеру, сделать описание единорога или русалки, несмотря на то что в природе их не существует. Если мы исследуем идею Бога, то разум подсказывает нам, что Он должен существовать, должен, исходя хотя бы из того, что у нас есть онтологический аргумент. Ниже — один из вариантов доказательств бытия Божия, близкий по духу и смыслу к «Размышлениям» Декарта.

Бог включает все совершенства.

Бытие есть совершенство.

Следовательно, Бог существует.

Первая посылка верна по определению. Именно это мы и имеем виду, говоря о «Боге», — позвольте мне полагать, что все обстоит именно так. То, что утверждает вторая посылка, также, подразумевается, истинно, ибо в конечном счете то, что не обладает существованием, ущербно. А если истинны посылки,

то мы должны принять за истину и вытекающее из них умозаключение. Тем не менее возникает законное чувство, что логика хромает. И не случайно мы ощущаем, что тут что-то не так: только «по определению» мы не можем доказать существование Бога — как и вообще чего-либо.

Пусть даже мы способны с легкостью понять, что представляют собой единороги. Далее мы можем создать новое представление — назовем его «совершенный единорог». И будем стоять на том, что по определению «совершенные единороги» совершенны, и получим возможность доказывать, что коль скоро бытие есть совершенство, то совершенные единороги также обладают бытием. А затем, проделав все вышеописанное, мы, несомненно, спросим себя, а существуют ли в действительности такие звери?

Кошечки существуют. Правда, нелишне поинтересоваться, существует ли совершенная киска? Та, у которой идеальные усы, наилучшая шкурка и непревзойденное мяуканье, — и главное, та, что *должна* существовать. Что ж, давайте займемся идеей совершенной кошечки. Если взглянуть на дело через призму Декартовых рассуждений, все выглядит так, словно подобное создание не может не существовать. Но ведь это чистое сумасшествие. Что бы мы ни утверждали относительно идеи X — даже если X обладает своим бытием, — всегда существует мысленная дистанция от представления об X до того, чем данная X может быть в действительности. «Существовать», откровенно говоря, не значит обладать определенным свойством, которые мы должны обнаружить в предмете нашего интереса, — скорее, «существование» знаменует собой тот факт, что мы искали нечто и в конце концов нашли.

Опишите женщину своей мечты в послании к брачному агентству с просьбой о желаемой встрече, а затем добавьте — «и пусть она существует». Какой в этом смысл? Вы же не посылаете в агентство свой запрос с пометкой «не существует». Впрочем, по зрелом размышлении дело уже не кажется столь очевидным. Не будь у нас в качестве исходной посылки предположения, что имеются в виду свидания с существующими людьми, брачные агентства могли бы распространять вымышленные описания кандидатов и кандидаток на свидания, рассылая подобающую случаю беллетристику. На страницах романов можно было бы отыскать милых героинь, весьма привлекательных, умных и добрых, однако персонажи, существующие только в художественной литературе, — вряд ли именно то, что требуется мужчинам, полным любовного томления.

СУЩЕСТВО, ЗНАЧИТЕЛЬНЕЕ КОТОРОГО ВСЕ РАВНО НИЧЕГО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Изначальный онтологический аргумент, с которым было связано приведенное выше рассуждение Декарта, сформулировал в XI веке св. Ансельм Кентерберийский. По утверждению св. Ансельма, наивысшее совершенство, понимаемое как чистейшая сущность реальности, не имеющая ни единого изъяна, — это особый случай. И заметьте, никакого отношения к совершенным единорогам или кошечкам этот случай не имеет.

Ансельм видит в Боге существо, в сравнении с которым невозможно представить ничего более великого. А теперь, допустим, такого высшего существа нет. Значит, мы можем вообразить, что должно существовать еще более великое существо — существо, со всей

непреложностью обладающее собственным бытием. Получается, что второе существо будет более великим, чем высшее мыслимое существо, — но ведь такое заключение несет в себе противоречие. При наличии противоречий в рассуждении что-то не так в отношении реальности. И Ансельм приходит к выводу: противоречие это показывает, что Бог, высшее мыслимое существо, не может не существовать, даже если мы пытаемся его отрицать.

Однако тут найдется, что возразить. Возможно, в аргументации Ансельма смешивается Бог и идея Бога. Нечто подобное может произойти, если кто-то спутает идею воды с самой водой. Вода — влажная, однако идея воды — ни влажная, ни сухая. Рассмотрим приведенную ниже часть рассуждений Ансельма.

Если допустить, что величайшее мыслимое существо лишилось существования, то, если такое существо все же способно существовать, оно должно быть более великим, чем *величайшее мыслимое существо*, — что противоречит друг другу.

Данное рассуждение представляет идею величайшего мыслимого существа так, как если бы сама эта идея претендовала на то, чтобы быть величайшим мыслимым существом (выделено выше курсивом. — *Прим. авт.*). Но если бы могло существовать величайшее мыслимое существо, то это существо не было бы ничем иным, кроме той идеи, которая в нем воплотилась. Если бы русалки могли существовать, то, вероятно, они оказались бы именно теми существами, к которым, в конце концов, подходит представление о них. Но наша идея русалки вовсе не претендует на заявление о том, что русалки существуют в действительности.

Возможно, Ансельм не виноват в показанном выше смещении идеи и явления. Не исключено, что он просто побуждает нас поразмыслить о том, какой смысл нам открывается, когда мы думаем о величайшем мыслимом существе. Нам следует полагать, что такое существо должно обладать собственным бытием, — точно так же, как мы думаем, что семь должно быть простым числом. Однако в аргументации, которую мы рассматриваем, кроется еще один изъян. Мы говорили, что можем придать смысл представлению о «величайшем мыслимом существе»? Но в конечном счете мы не можем придать смысл представлению о величайшем числе. Вспомните: какое бы число ни называлось, мы всегда имеем возможность добавить к нему другое число и получить еще большее.

КАК НИ ПАРАДОКСАЛЬНО, НО...

Как ни парадоксально, но если бы Бог действительно был величайшим мыслимым существом, то, вероятно, никто не мог бы быть Богом. Разумеется, можно найти и другие, лучшие, пути к пониманию того, что значит быть Богом, а также и лучшие доказательства Его существования. Однако, какими бы ни были эти пути, парадоксальность кроется в Его природе. Кто-то может даже заметить: парадоксально уже то, что такое множество людей верует в нечто столь парадоксальное. Но что именно составляет их веру и почему еще люди могут верить, об этом — в следующей главе.

КАК ПРОНИКНУТЬСЯ СИМПАТИЕЙ К ДЬЯВОЛУ И ВЗГЛЯНУТЬ НА РЕЛИГИЮ СВЕЖИМ ВЗГЛЯДОМ?

«Слава Богу!» — восклицает женщина. После долгих поисков в развалинах, оставшихся после землетрясения, она нашла своего ребенка живым и здоровым. Конечно, эта женщина не слепая и видит, какие страдания испытывают матери, потерявшие детей в этом стихийном бедствии, однако для неверующих она — слепа до нелепости. Если Бог заслуживает благодарной похвалы за одного спасенного ребенка, то не заслуживает ли Он же обвинений в гибели других детей? Какая злая головоломка! Но мы постараемся рассмотреть ее внимательно, и, возможно, нам удастся пролить свет на природу религиозной веры.

ЗЛО КАК ГОЛОВОЛОМКА

Вера в божество, исполненное любви, всемогущее во всем и во всем доброе, тревожно соседствует с безмерным злом, наполняющим наш, такой земной, мир. Если подразумевать под «злом» множество страданий и бедствий, боли и мук, приходящихся на долю человеческих и прочих живых существ, то «головоломку» можно описать примерно следующим образом.

Бог либо не хочет уничтожить зло, либо не может.

Если не может, то Он не всемогущий.

Если не хочет, то Он не добрый.

Таким образом, либо Бог не всемогущий, либо Он не добрый.

Мы можем к этому добавить, что если Бог — всемогущий и добрый, значит, мы должны предположить: если наши рассуждения верны и здравы, Он, вероятно, не может существовать.

Зло являет себя в двух формах. Есть аморальные поступки, обусловленные нашим собственным выбором, когда мы осознанно наносим вред окружающим. И есть естественное зло, или события, контролировать которые мы не можем, например ураганы, сметающие все на своем пути. Люди религиозные, разумеется, стремятся подогнать под деяния Божьи оба вида зла, ибо Бог — добрый, любящий, всемогущий. Иногда можно слышать, что, подобно тому как люди бывают высокорослыми и низкорослыми, добро проявляет себя, только если существует зло, порок, все дурное, а там, где находится место для радости жизни, должны появляться и страдания. Говорится также, что для понимания разницы между добром и злом людям необходимо иметь возможность на собственном опыте переживать нечто хорошее и нечто плохое. Обе точки зрения не совсем однозначны и заслуживают критики, однако, даже если одобрить обе, ни одна из них не дает ответа на вопрос, почему в мире так много зла.

Разумеется, иные страдания — боль или трудности — могут идти во благо человеку. Они порой служат единственным и необходимым залогом будущих благоприятных результатов. Неприятные ощущения на приеме у стоматолога полезны тем, что помогают в конечном счете избавиться от зубной боли. Чтобы получить удовлетворение от тех или иных достижений, приходится пройти через стрессы, связанные с пересмотром уже сделанного, или с экзаменами, или с изнурительными тренировками. Трудно, однако,

поверить, что исполненный благожелательной силы и всемогущий Бог не мог так устроить мир, чтобы не осталось места для утрат, казалось бы не дающих человеку ничего, кроме трагедий, которые приходится переживать, видя, например, как старятся и умирают любимые люди, не говоря уже о том, что старятся и умирают сами верующие. И даже если земное существование человека задумано как испытание с целью определить, кто из нас заслуживает после смерти места на небесах — забавная идея, не так ли? — то не слишком ли затруднительно оценить «добродетель» миллионов живых существ, не принадлежащих к роду человеческому, но, как заметил Теннисон, терзаемых по закону «клыков и зубов, обгаренных их кровью».

НАСКОЛЬКО ОБУСЛОВЛЕНА СВОБОДА ВОЛИ?

Всеобщие попытки найти решение «головоломки зла» адресуют нас, в частности, к проблеме свободы человеческой воли. И в данной связи звучит тезис о том, что живые люди, в сущности, имеют заведомо большую ценность, чем «автоматы» с заданной программой. Обладая свободой воли, человеческие существа обычно должны выбирать между добром и злом в своих действиях. Мы можем, например, творить зло, вредя другим, — быть скупыми или жестокими, трусливыми или несправедливыми. Однако ценность Вселенной, где обитает некоторое число существ, наделенных свободной волей, очевидно, значит больше, чем все проявления зла, которые Бог, вероятно, предвидел.

Как мы уже наблюдали, не так просто определить, что должно составлять содержание свободного волеизъявления, — даже если не добавлять к проблеме ничего теологического. Давайте тем не менее

исходить из того, что свободу воли следует понимать как возможность действовать альтернативным образом. Нам необходимо также критически рассмотреть идею о том, что создания Божьи наделены Им свободой воли. Предположим, что всемогущество Бога включает и всеведение, следовательно, Он должен был знать, что творения Его, наделенные свободой воли, способны делать по собственному выбору. Само по себе данное предположение не подрывает принцип свободы воли в его конкретных проявлениях: если некто знает, что именно мы будем делать, отсюда еще не следует, что мы должны действовать заданным образом. Эта идея согласуется с тем уроком понимания необходимости, который мы извлекли в конце главы 1.

Творя наш мир, дающий приют человеческим существам, Бог не мог не знать, что неизбежно также появление многих грехов и дурных поступков. Однако при этом не исключалось, что мир может быть приютом и для тех, кто по собственной воле всегда поступает высокоморально, помогая другим и оставаясь лично честными, и Бог, разумеется, ведал, что возможен мир, населенный людьми без изъяна, кому в полной мере свойственны столь похвальные качества. В таком случае загадка, которую мы пытаемся решить, выглядит следующим образом. Зачем понадобилось Ему создавать сей мир с его падшими душами, если можно было сотворить иной мир — тот, в котором его обитатели не знали бы злобы или, по крайней мере, не питали бы ее в той же мере, что и в нашем? Вряд ли можно считать удачным ответ на поставленный вопрос, если говорится, что «идеальные» индивидуумы в лучшем мире уже не могли бы оставаться носителями свободы воли. Этот ответ неудачен потому,

что они, творения Божьи, могут, по замыслу Его, обладать и свободой воли. Более того, верующие люди, как правило, убеждены, что Бог заведомо обладает знанием обо всем, что должно случиться.

Отстаивание принципа свободы воли, данной людям, не может также служить объяснением, почему творится зло природных стихийных явлений, таких как землетрясения и тому подобные катастрофы, — и единственной причиной остается поведение самих людей и грехи, совершенные их отцами. Даже в наши дни отдельные церковники возлагают вину за наводнение на людей с их неукротимой алчностью. Сама мысль о том, что человеческие существа должны понести наказание за прегрешения предков, в моральном отношении ужасна. Ну что справедливого может быть в том, что люди страдают из-за того, что давным-давно совершали их прапрадедушки?

ВСЕ ЛИ СВИДЕТЕЛЬСТВА СТОИТ ПРИНИМАТЬ НА ВЕРУ?

Джон Стюарт Милль, представитель утилитаризма и реформатор, живший в викторианскую эпоху, отмечал, что если мы попытаемся понять Вселенную, обходясь без представления о Боге как об источнике блага и любви, у нас найдется больше свидетельств для очернения Имени Его, чем для хвалы Ему. Я бы добавил, что в подобном случае мы можем поддасться соблазну проявить симпатию к дьяволу, ибо если мировое бытие свидетельствует о наличии творца, то не слишком ли многое в окружающем говорит о силе зла, а не о силе добра? По крайней мере, обе эти силы должны пребывать в состоянии вечного конфликта. Пожалуй, Богу не стоит рассчитывать, что всё паблисити придется исключительно на Его счет.

Похоже, ничто не может подорвать веру в Бога многих религиозных людей. Когда-то давным-давно некие события признавались свидетельствами существования Бога (или богов). Если события были желательными, то они служили подтверждением тому, что Бог добр и всем доволен. Если происходило нежелательное, то Бог, как показывали события, был добр, но недоволен. Иногда за молитвами о дожде, обращенными к «правильному» божеству, следовал дождь, а жертвы, приносимые перед сражением во имя победы, как будто ее же и обеспечивали. Впрочем, молитвы и жертвоприношения не всегда надежный метод прийти к желанной цели. Кроме того, как сложить пазл, если обе воюющие стороны молят о победе над врагом? Поскольку верующие обычно отвергают попытки принять как факт то, что свидетельствует против существования Бога, мы должны спросить себя, а действительно ли религиозные верования суть проявление *веры*? Если ничто не может, с некоторой долей вероятности, *не соответствовать* вере в возможность существовать некоего существа, будь оно естественным или сверхъестественным, то нам следует спросить себя, а есть ли в вере в бытие подобного существа действительное содержание? Вспомните аргументацию Поппера, которую мы рассматривали в главе 11. Поразмыслите над примером, описанным ниже, — мне не раз случалось его приводить. Эйб «верит», что Зоуи тайно любит его, и думает так:

Я приглашаю ее в оперу, предлагаю что-нибудь выпить и дарю ей серьги, и она, возможно, окажется благосклонна ко мне. Но нет, я получаю презрительный отказ. Мне остается думать, что опера ее не слишком привлекает, выпивка не по ее части, а серьги она не носит. На следующей неделе я вижу ее

в опере, и она что-то попивает из бокала, а в ушах у нее сверкающие серьги. Что ж, надо думать, так она играет со мной, чтобы покрепче увлечь меня.

Далее в этой истории снова и снова рассказывается, как Зоуи отвергает различными способами очередные притязания Эйба. Она меняет номер телефона, угрожает подать в суд, вызывает полицию. Если Эйб все еще внутренне протестует, полагая, что она в действительности любит его, то не пора ли ему признать, что верить ему не во что? Вероятно, он просто страдает навязчивой идеей или находится в том состоянии ума, которое требует лечения.

Религиозная вера не должна быть чем-то навязчивым, как в истории Эйба. Если принять во внимание, как верующие относятся к миру, нужно признать, что к религиозной вере нельзя подходить с той же меркой, что и к обычным верованиям. По зрелом размышлении мы должны понимать, что многие религиозные люди говорят о вере как о глубочайшем и безграничном *доверии*. Неслучайно датский философ XIX века С. Кьеркегор писал о «прыжке в веру». Некоторые люди убеждены, что вверяют себя Богу. И, разумеется, если вы вверяете себя кому-то, вы имеете право верить, что тот, кому вы доверяетесь, существует. Правда, не все в разговорах подобного рода стоит принимать за чистую монету.

«ДОРОГОЙ, ЭТО ТАДЖ-МАХАЛ!»

Вот небольшой рассказ о том, как некая дама примеряла новую шляпку в магазине одежды. Женщина оглядывала себя, не зная, что подумать. К лицу ей шляпка или нет? Есть, пожалуй, нечто привлекательное, но, кажется, что-то не так. Ее спутник воскликнул:

«Дорогая, это Тадж-Махал!» Конечно, в буквальном смысле шляпка не Тадж-Махал, однако нам все же не стоит с ходу отбрасывать восклицание. Оно несет в себе новый взгляд на шляпку, создавая ассоциацию, которой прежде не было. Все сомнения как рукой снимает. В этом сооружении чего-то с избытком — и когда шляпка на голове, и когда просто лежит в руках.

Рассматривая сущность религии, есть смысл сосредоточить внимание не на Боге, но на верующих. Возможно, в различных религиях уместнее всего видеть разные взгляды на мир. Тут многое похоже, каким бы тривиальным это ни показалось, на восклицание «Тадж-Махал», благодаря которому шляпка может выглядеть по-другому. Нам не стоит забывать, что религия включает в себя много больше того, что содержится в утверждении «Бог есть». Религии и различные «верования» внутри религий требуют глубокого понимания во всей совокупности отношений к миру, намерений и побуждений людей, определяющих самые разные виды и разновидности поведения. Утверждение «Бог есть» может, таким образом, рассматриваться как центр той паутины, в которой сплетаются и трепещут нити всех отношений подобного рода. И «паутина» эта определяет верность образу жизни — будь то помощь больным и бедным или убийство неверных и попытка стереть с лица земли евреев.

Если отбросить в сторону некоторые уродливые религиозные предрассудки, то основные религии выделяют как особую ценность благоговение перед жизнью, ибо жизнь есть «дар». В словесной и музыкальной форме некоторые религии побуждают людей к благоговейному отношению ко всему сущему и к уважению ко всем людям. Религии способны также формировать и определенное отношение к собственной

личности. Одни религии видят в человеческих существах нечто примитивное и недостаточно высокое, другие — воплощение божественного.

ПОИСТИНЕ...

Для некоторых христиан повествования о жизни Иисуса и о днях, проведенных им в пустыне, а также его притчи и Тайная вечеря открывают путь к агапэ — братской любви к людям. Иные мыслители, например Макс или Фрейд, видят в религиозных верованиях, рассматриваемых под определенным углом зрения, не более чем проекции надежд и страхов, свойственных человеку. Однако проекции это или нет, но религиозное мироощущение побуждает нас воспринимать жизнь в определенном смысле. Видеть происходящее в свете, скажем, христианского Священного Писания или в свете эволюционной теории — разные вещи. В целом можно предположить, что религиозные постулаты — выражение моральных интенций. Некоторые религии проникнуты гуманизмом — в той мере, в какой в них выражена забота о процветающей жизни как самого верующего, так и других людей. Тем не менее в иных религиозных традициях и представлениях о Боге гуманизм явно отступает далеко на второй план.

Большинство верующих направляют свои благочестивые помыслы к тому, кого считают сверхъестественным существом. Очевидно, что заявление о непременном бытии сверхъестественного существа следует рассматривать как нечто вымышленное, однако иные вымыслы не лишены ценности. Читая стихи, приходя на театральные постановки пьес Шекспира, стремясь глубоко проникнуть в художественный смысл опер Монтеверди или Бриттена, мы многое узнаём о людях и их переживаниях. И, возвращаясь затем к себе

домой, мы можем взглянуть на мир свежим взглядом и, вероятно, получаем возможность с новыми силами встретить все трудности жизни. Однако камнем преткновения и источником тревоги остается то обстоятельство, что некоторые религиозные верования вовлекают людей в худшее, чем прежде, существование, лишая широты взгляда, прививая им нетерпимость и делая их замкнутыми в себе.

Предположение, что религиозное мироощущение проникнуто чем-то вымышленным, что обеспечивает человеку духовный подъем, но лишено истинной веры в высшее существо и будущую жизнь, не слишком согласуется с устремлениями большинства верующих. Они стоят на том, что слова, в которые облечена их вера, следует понимать буквально: Бог есть. На это, я думаю, можно заметить, что подобная позиция — не более чем способ заявить, что, к примеру, следует поощрять бескорыстную братскую любовь. Но в ответ на это со стороны верующих обычно звучит: «Поистине Бог есть». Но и нам снова следует сказать: слова эти в устах говорящих несут послание братской любви. И смысл «поистине» множится. «Поистине, поистине, поистине — Бог есть». «Да, — соглашаемся мы, — поистине, поистине, поистине — вы преданны любви к ближнему своему...»

В основе основ своей вера в Бога, полагаем мы, есть самое искреннее и глубокое устремление к лучшей жизни, исполненной процветания. Для тех же, кто убежден, что вера их в Бога — вера искренняя, вера, полная жизни и смысла, нам остается сделать только одно — процитировать Чарльза Данбара Брода, философа, жившего в XX веке и работавшего в Кембридже: «Подождите — и вы еще прозреете. Или, наоборот, ждите — и не увидите ничего».

КАК ПОБЫТЬ В РОЛИ ОБЕЗЬЯНКИ, БЕЗ ОСТАНОВКИ ПЕЧАТАЮЩЕЙ НА МАШИНКЕ, НО, УВЫ, НЕ ШЕКСПИРОВСКИЕ ТЕКСТЫ?

Как было однажды замечено, дай стае обезьян пишущие машинки, не мешай им стучать по клавишам — и в конце концов они набьют собрание сочинений Шекспира. Ну нет, только не наши обезьянки! Пусть себе печатают бесконечно, но ни возвышенно творить, как бард Стратфорда-на-Эйвоне, ни жить его мирской жизнью они все равно не смогут. Бесконечность допускает возможность, подобную той, с которой мы начали разговор, поскольку, если привлечь к делу еще один пример, бесконечное множество чисел вовсе не равнозначно всем существующим числам. Но, коль скоро на повестке дня у нас бесконечность, нам будет трудно ее не заметить, где бы и когда бы мы о ней ни задумывались, обнаруживая попутно немало загадок, смущающих умы философов.

ПЕРВЫМ ДЕЛОМ НАЧНЕМ С ОБЕЗЬЯНОК

Физики — такие, например, как Пол Дэвис, известный в равной мере как математик и физик, — склонны утверждать, что будь Вселенная бесконечна во времени, «любой физический процесс, каким бы медленным или маловероятным он ни представлялся, рано или поздно, но должен совершиться». И этой закономерности отвечает также и деятельность обезьянок,

упомянутая выше. Если упорство подобного рода способно давать результаты, а мир бесконечен во временной протяженности, то мы можем прийти к забавному выводу: все держатели лотерейных билетов в конце концов получают выигрыш, и глобального банковского кризиса не будет — как, с той же вероятностью, такой кризис может и случиться, — и к тому же свиньи полетят. Нам стоит взять все это на заметку, как и принять во внимание то обстоятельство, что ваш английский автор таинственным образом может быть и голландцем, — и тогда, вероятно, у нас появятся веские причины относиться к иным твердо постулируемым утверждениям со стороны ученых мужей если не с глубоким скептицизмом, то с определенной долей осторожности.

Ученые могут оперировать «бесконечностью» как специальным термином, но это не должно мешать нам использовать данное понятие в простом и ясном смысле и в том обычном значении слова, как в тексте выше. «Бесконечность» — отсутствие конца. Если события образуют определенную последовательность, которая все длится и длится — не зная предела, бесконечно, — то отсюда еще не следует, что все возможные события обязательно должны когда-нибудь произойти. События могут и бесконечно повторяться. С логической точки зрения вполне может быть так — и здесь нет ничего противоречивого, — что завтра лошадь Тинкербель выиграет скачки 3.30. Однако, если наступит завтрашний день и Тинкербель, хромая, придет к финишу последней, ничто во Вселенной, какой бы бесконечной Вселенная ни была, не придаст истинности той возможности, в силу которой эта кобыла должны была победить в забеге. Возьмем теперь для примера радиоактивные материалы.

Предположим, некий атом, предположительно в хаотичном порядке, должен распасться. Хотя чисто логически можно допустить, что этот атом не распадется за время t , но если он все же распадается за время t , то логическая возможность того, что он не распадется за время t , подлежит исключению из рассмотрения раз и навсегда.

ОСТАВИМ В ПОКОЕ ОБЕЗЬЯНОК — КУДА НАМ СЛЕДОВАТЬ ДАЛЬШЕ?

Честь и хвала древнегреческому философу и мастеру парадоксов Зенону Элейскому: благодаря его мудрости у нас есть рассказ об Ахиллесе и черепахе. Ахиллес и черепаха соревновались в беге, и Ахиллес все проигрывал и проигрывал, хотя явно был более быстрым бегуном. И отставал он не потому, что засыпал на бегу, и не потому, что сворачивал по ошибке не на ту дорожку, — просто у черепахи была своего рода фора, а вернее было бы сказать — фора многократная. Пропустите черепаху вперед на старте, пусть даже чуть-чуть, на самую малость, — и вы получите проблему.

А теперь вообразите, как все это могло происходить на самом деле. Чтобы выиграть забег, Ахиллес должен обогнать черепаху, но прежде ему придется достичь той отметки, на которой сначала была его противница. Итак, звучит выстрел стартового пистолета — о-да-а! — и Ахиллес устремляется вдогонку за черепахой. Мчится вперед, но к моменту, когда он добирается до исходной позиции, на которой когда-то была черепаха, та ненамного продвигается дальше. Но к моменту, когда Ахиллес окажется на новой позиции, где только что была черепаха, его соперница в беге все равно успеет продвинуться дальше. Разрыв

между ними сокращается: в конечном счете черепаха движется заметно медленнее Ахиллеса, тем не менее дистанция сохраняется. Всегда возникает новый отрезок дистанции, который предстоит преодолеть Ахиллесу. И хотя всякий раз размер таких отрезков уменьшается, их остается бесконечное множество.

Пожалуй, легче нарисовать мысленно иную картину: вы идете к стене, расположенной напротив вас. Однако не спешите с выводами — поразмыслите вот о чем. Вам сначала нужно преодолеть половину расстояния между вами и стеной, а затем половину второй половины и так далее, однако некая половина пути всегда — бесконечное число раз — остается не пройденной вами. Все выглядит так, как будто вам никогда не добраться до стены, однако в действительности вы до нее дойдете. В наши дни философы сходятся на том, что тут что-то не в порядке с аргументацией. Зенон, формулируя, не без доли самомнения, свои парадоксы, связанные с движением, полагал, что его рассуждения безупречны. Согласно Зенону, что-то немного не так в нашем обыденном взгляде на окружающее. В сущности, *все* как будто совсем не так, поскольку парадоксы движения, если их осмысливать в духе Зенона, в конце концов приводят к мысли, что любое движение — иллюзорно.

Еще одна головоломка возникает при мысли, что мы не можем даже взять старт. Прежде чем достичь стены, я должен пройти первую половину расстояния до нее, но перед этим необходимо преодолеть половину первой половины, или четверть дистанции, — и так далее. И как далее быть с этим «и так далее», если можно предположить, что отсутствует самое малое расстояние, с которого я должен начать и которое должен первым делом преодолеть? Приходится

принимать в расчет *любую* дистанцию, как и ее половину. И что в итоге — я не могу начать движение на старте? Соответствующие головоломки возникают даже в отношении неподвижного пространства. Ибо, чтобы просуществовать минуту, вам нужно сначала просуществовать половину этой минуты, перед этим — четверть минуты, а еще до того — одну восьмую минуты, и так далее. Временные периоды сокращаются, но конца им нет.

МОЖНО ЛИ УСТРЕМИТЬСЯ В БЕСКОНЕЧНОСТЬ, НЕ ЗАДЫХАЯСЬ ПО ДОРОГЕ?

Парадоксы появляются в любой области, где есть протяженность — временная или пространственная. Всякую протяженность, кажется, можно бесконечно делить на все более и более мелкие части. Все протяженности, как в пространственном, так и во временном измерении, загадочно парадоксальны, поскольку являются бесконечно делимыми. Однако же мы движемся в нашем мире. И существуем во времени. Получается, мы ухитряемся бесконечно много всего переделать, когда пытаемся что-то совершить или хотя бы продолжить, — и мы решаем все это множество бесконечных задач, не уставая и не задыхаясь.

Остановившись, так сказать, на движении, заметим, что к парадоксальному умозаключению Зенона об иллюзорности всякого движения ведут два допущения. Во-первых, движение включает в себя бесконечное множество меньших движений. Во-вторых, ничто не может выполняться неопределенное множество раз. Выполнение неопределенного множества задач, то есть бесконечное число выполняемых задач, равнозначно выполнению такой сверхзадачи, что не под силу никому, даже Богу. Тем не менее многие

математики — как и те наши ученые, что предрекают обезьянам непрменный авторский успех, — вполне допускают, что бесконечная серия может иметь конец, а значит, мы в состоянии выполнить бесконечное число задач. Ну что, скажите, может быть проще?

Рассмотрим серии, которые могут представлять накопление дробных величин, отражающих приближение к противоположной стене.

$\frac{1}{2}, \frac{3}{4}, \frac{7}{8}, \frac{15}{16}$ — и так далее.

Члены этой числовой последовательности показывают, что мы постепенно приближаемся к числу один — к стене. Серии подобного рода сходятся к единице, и математики могут определять «итог» все сокращающихся серий чисел: одна вторая, четверть, восьмая и так далее — как предел, к которому стремится последовательность отдельных членов. Такой подход, однако, не объясняет, каким образом конечный результат может быть получен, если серии *бесконечны*. В этом случае итог, где все сходится, недостижим. Чтобы привести более живой пример, позвольте представить вам блоху — блоху, которая по какой-то причине жаждет прыгать все дальше и дальше в одном и том же направлении. Предположим, что серия, приведенная выше, представляет собой разметку: все числа как бы нанесены на возможную дистанцию. И допустим, что эти дробные числа все тянутся и тянутся, уходя в пространство Вселенной. Тянутся бесконечно. Однако никто всерьез не возьмется доказывать, что блоха, как бы быстро она ни прыгала, в конце концов доберется до первой отметки. Такой подвиг блохе не совершить по очень простой причине: конечная отметка не существует в бесконечной

Как побыть в роли обезьянки, без остановки печатающей...

серии чисел на «беговой дорожке». Значения дробей все уменьшаются и уменьшаются, но конечным числом этот ряд завершиться не может. Блоху ждет поражение в беге.

НЕМНОГО ДОЖДЯ И НЕМНОГО ШАХМАТ

Парадоксы, по крайней мере частично, рождаются потому, что мы слишком вольно применяем концепции и теоремы чистой математики к явлениям окружающего нас мира. Естественно, математические модели могут быть приложимы к нашим действиям: Ахиллес должен догнать черепаху, а мне предстоит дойти до стены напротив. Наконец, компьютерное моделирование успешно используется для прогнозирования погоды. Однако из этого еще не следует, что *любое* моделирование применимо к метеопрогнозам, равно как и не все в погоде можно имитировать компьютерным образом. Модели могут быть представлены в виде цветных диаграмм, однако погодные процессы «раскрашены» иначе. Компьютерные модели, как и сами компьютеры, моделируя дождь, обычно остаются сухими.

Нам необходимо снова обратиться к Людвигу Витгенштейну, мученику философии и гению XX века. Он размышлял, в частности, о том, как ходит в шахматах конь: на две клетки в одном направлении и затем на одну клетку в сторону под прямым углом. Это обычный ход конем. Примечательно, что частичное движение по указанной траектории шахматные правила запрещают. Даже при том что конем можно ходить по разным клеткам шахматной доски, частичное «прохождение дистанции» ему недоступно. Для сравнения: вы можете съесть целую круглую булочку, а можете — только половину. Было бы совершенно

неверно понимать правила шахматной игры, допуская, что если фигуры «ходят», то их ходы, или перемещения, могут быть неполными в своем движении.

Представьте себе кусочек дерева в виде всадника, то есть шахматную фигуру, коня, — да, его можно передвинуть на одну клетку, однако в шахматной игре конь на одну клетку не ходит. Что допустимо в отношении деревянных фигурок, совершенно недопустимо, если эти фигурки — участники шахматной игры. Аналогичным образом то, что допустимо и что недопустимо в отношении абстрактных математических последовательностей, не распространяется на то, что допустимо или недопустимо в отношении обычных деревянных изделий и чьих-то забегов, при оставлении кого-то в покое или при совершении арифметических подсчетов. Мы не должны забывать, что бесконечное множество — это не просто огромное конечное множество. Делать что-либо бесконечное число раз и с полным завершением задачи, то есть выполнение своего рода «сверхзадачи», — это вовсе не то, что составляет проблему, оборачиваясь чем-то изнурительным и опасным. Ниже — пример из размышлений Витгенштейна.

Для начала вообразите людей, дошедших до изнурения на какой-то «марафонской дистанции», — скажем, в процессе счета в унисон, когда нужно называть в порядке убывания числа от миллиона и далее. И вот они перед нами — герои, которые, задыхаясь, проговаривают вслух последние числа: 3, 2, 1. Несомненно, то был тяжкий труд для участников, однако эта грандиозная работа имела смысл — и выполнить ее тоже имело смысл. Далее, вообразите следующее стечение обстоятельств. Люди, стоящие перед вами, устало отсчитывают последние числа: 3, 2, 1.

Отличие первой ситуации от второй заключается в том, что участники должны были называть в порядке убывания *все* положительные целые числа, однако ни одно число, с какого бы ни начинался отсчет, не может в данном случае считаться первоначальным, стартовым, поскольку всегда может существовать большее число. Задача досчитать до конца, если ряд чисел бесконечен, невыполнима и в этом отношении бессмысленна.

КОГДА ПОЯВИТСЯ КАБЕЛЬЩИК?

Вот еще пример (придуманый Аланом Хайеком) — он показывает, с какими затруднениями мы встречаемся, прилагая бесконечность — в данном случае понятие безграничной делимости — к эмпирическому миру. Кабельщик — и мастер на все руки — непременно придет сегодня в любое время от 8:00 до 16:00, причем с равной вероятностью может зайти в первой или во второй половине дня. Быть совершенно уверенными в появлении мастера — дело сомнительное, но мы твердо уверены в его приходе, и это правильно. Он будет. С равной вероятностью он может появиться от 8:00 и позднее, включая полдень, или от полудня до 16:00 минута в минуту. Сюжет этой истории исключает приход мастера точно в 8:00. Если парень появится ровно в полдень, то его визит следует отнести на утренние часы; если же он возникнет на пороге точно в 16:00, то это время нужно считать послеобеденным. То есть период возможного прихода мастера разделен на равные части. Можно побиться об заклад вечером накануне ожидаемого визита кабельщика, что он с одинаковой вероятностью способен появиться как в утренние, так и в дневные часы. Хороший повод уверенно держать

пари. Однако есть и проблема следующего свойства. Насколько бы ни был короче утренний период после 8:00, мы должны полагать, что приход мастера более вероятен (поначалу — с минимальной разницей) в послеобеденное время, чем в утренние часы. В конечном счете утро у нас слегка «усечено». У нас нет «первого момента» в 8:00. Следовательно, в период между 8:00 и прибытием мастера есть вероятность, и можно уверенно побиться об заклад, что все же следует ожидать его появления в послеполуденное время. Просто вероятность выше. Получается, что, как ни парадоксально, ставить равным образом на возможность прибытия мастера утром, как и пополудни, нерационально. Допуская, конечно, в принципе, что применительно к определенному периоду времени мы *обязаны* считать, будто его прибытие после 12:00 более вероятно.

Как нам разобраться с этой головоломкой? Ну, что подходит как верный повод для пари в одном случае, может никуда не годиться в другом. Вполне можно допустить, что в определенное время после 8:00 было бы рациональнее изменить ставки в пользу послеполуденных часов. Логика головоломки подталкивает нас к мысли: следует изменить свое представление о том, что утренние и послеполуденные часы равноценны в вероятностном отношении. Так почему мы должны столь твердо придерживаться «равновероятностного» взгляда на возможное развитие событий? Нам лучше бы вспомнить Витгенштейна и пример из правил шахматной игры. Нельзя ли решить «проблему кабельных дел мастера», не прилагая к действительности с ее реальными событиями абстрактное деление времени на интервалы? Мастер может появиться настолько быстро после 8:00, что у нас просто

не будет времени для пересмотра наших «ставок» или предположений. И тогда уже не остается ничего иррационального в том, чтобы утренние и послеполуденные «шансы» считать примерно равными.

Георг Кантор* таинственно писал:

Страх перед бесконечным есть форма миопии, разрушающая возможность постижения действительной бесконечности, хотя именно бесконечность в своем наивысшем проявлении творит и поддерживает нас, а в своих вторичных, трансфинитных проявлениях порождает все вокруг нас.

Нам не стоит, впрочем, забывать, что наши ставки в пари, и лошадиные забеги, и блохи в своих прыжках «первого порядка», и печатающие обезьянки «в первом приближении» — все они обретают смысл только в эмпирической реальности. «Транспонируйте» их в царство математической абстракции — и многое в их отношении может измениться. Верните их затем — в измененном виде — в наш физический мир, и стоит ли тогда удивляться, если почувствуешь себя сбитым с толку.

---

* Выдающийся немецкий математик и создатель теории множеств, автор концепции трансфинитных чисел. Многие из его идей встречали резкое неприятие, но затем вошли в золотой фонд науки.— *Прим. пер.*

КАК СОБЛАЗНИТЬСЯ ЛОГИКОЙ, НО НЕ ПОДДАТЬСЯ ОБМАНУ И УЛОВКАМ?

Можно сказать, нимало не сомневаясь, что средства и методы соблазнения, испробованные Казановой, от логики не зависели. Тем не менее, как и положено человеческим существам, коими движет любовь или вождделение, у нас нет надежной защиты от всяких хитрых штук, до которых так охоча госпожа Логика. Конечно, будучи в глубине души особой достопочтенной, она готова раскрыть нам иные из своих секретов и показать, что именно порой идет не так, как надо, — если, конечно, мы желаем быть честными, справедливыми и последовательными. Впрочем, там, где в дело замешана любовь, нам хочется оставить логику в тени и положиться на хитрости и уловки, не упуская из виду, разумеется, кому они должны послужить на деле.

СЛАДКОРЕЧИВЫЙ ИСКУСИТЕЛЬ

Преуспевший в логике Сильвестр «охотится» за привлекательной молодой женщиной Эмили, ища ее общества и дальнейшего сближения. Как будто подстегиваемый госпожой Логикой, он находит подход к милому созданию, и вскоре они оживленно беседуют. Проходит немного времени, и Сильвестр рассказывает о своем увлечении логикой. Вместо того чтобы спастись бегством, очарованная Эмили просит преподать ей несколько уроков. Мало же она знает о ловушке, в которую ей предстоит попасть.

Естественно, Сильвестр готов показать все, чему его научила логика. С подобными мыслями он просит Эмили обдумать следующий вопрос.

V1. Вы можете ответить на этот мой вопрос так же, как и на следующий?

Эмили чувствует себя немного сбитой с толку и думает: «Как странно!» — а затем резонно отвечает: «Откуда же мне знать? Мне не известно, каким будет ваш второй вопрос». Подобная предосторожность не смущает Сильвестра. «Смотрите, — говорит он, — вопрос, который вы слышали от меня, требует ответа в виде да или нет, и если вы согласитесь в течение некоторого времени обходиться только такими ответами, используя их так или иначе, то я скажу вам, каким будет второй вопрос. Но сначала вы должны сказать, ответите вы да или нет на мой первый вопрос. И я не могу быть честнее, чем теперь». Затем Сильвестр добавляет, что если ее воодушевляют такие условия, то прежде всего он приглашает ее славно отобедать.

Эмили с готовностью соглашается, и они непринужденно болтают друг с другом, однако позднее, после обеда, Сильвестр возвращается к своему вопросу. Эмили, согласившись отвечать да или нет на первый вопрос, ждет второго. На этот раз Сильвестр как будто немного смущен, но, поощряемый озорной госпожой Логикой, выдает второй вопрос.

V2. Вы будете спать со мной?

Эмили шокирована. Она не из тех женщин, кто после первого же обеда... «Нет!» — выпаливает она. «Будем

верны нашему соглашению, — откликается Сильвестр. — Вы должны дать ответ на первый вопрос».

«Нет, конечно, мой ответ: нет!» — вскрикивает Эмили в полном возмущении.

«Ага, — говорит Сильвестр, — чудесно. Поскольку вы сказали: нет, — значит, вы не станете отвечать на второй вопрос точно так же, и, следовательно, вы говорите, что да, вы будете спать со мной. Просто замечательно — и очень мудро, если вы позволите мне взять на себя смелость так утверждать».

«Я просто сбита с толку, — пытается стоять на своем Эмили. — На первый вопрос я хотела ответить да.

«Просто чудесно, — просиял Сильвестр. — Это значит, что вы согласны с моим предложением. Хороший выбор, и вы дважды так энергично о нем заявили!»

Душа у Эмили ушла в пятки.

В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЛАСЬ ОШИБКА ЭМИЛИ?

Эмили угодила в ловушку. Каким бы образом она ни ответила на первый из вопросов, девушка неминуемо попадала в сети, расставленные искусителем Сильвестром. Если она соглашается ответить «да» на первый вопрос, то вынуждена ответить согласием и на второй вопрос с его сомнительным предложением. Если же она отвечает «нет» на первый вопрос, то не может ответить отрицательно на второй и снова вынуждена говорить «да». Уступка требованию отвечать только «да» или «нет» ведет к неминуемому согласию с «обольщением». «Да» в ответ на «да» генерирует общее «да». «Нет» в ответ на «нет» также генерирует итоговое «да».

В какую же путаницу попала наша Эмили! Однако госпожа Логика готова смилостивиться над бедняжкой и объяснить, на чем ту поймали. Вопросы были построены нечестно. Позвольте предположить, что Эмили не намерена спать с Сильвестром, а если так, то ответом на второй вопрос должно быть «нет». Совершенно очевидно, что на первый вопрос нельзя отвечать только «да» или «нет», однако в чем тут загвоздка? Госпожа Логика готова напомнить нам обо всех типичных случаях, когда отвечать в стиле «да» или «нет» — крайне неразумно. Скажем, в суде ответчика, ни в чем не повинного мужа, спрашивают: «Вы прекратили избивать свою жену — да или нет?» Если он ответит в точности, как у него требуют, то сам осудит себя. Если муж ответит «да», то признает, что прежде поступал скверно, но, по крайней мере, исправился. Если же он ответит «нет», то признает, что прежде поступал скверно и не исправился. Если же он откажется отвечать, то может оставить впечатление изворотливого хитреца.

Муж, о котором речь, несомненно, должен отвергнуть требование отвечать только «да» или «нет». Мы все и всегда должны отвергать подобные требования. Да, конечно, если мы откажемся отвечать только «да» или «нет», нас могут заподозрить в уклончивости, однако на деле отказ в подобных случаях — самое правильное, а еще лучше — сочетать ответы с объяснением, почему что-то произошло. Отказ со стороны мужа соглашаться отвечать в стиле «да» или «нет» вполне обоснован, поскольку сам вопрос исходит из ложного предположения, что этот человек бил свою жену. Требование ответить включает два элемента: заявление о том, что якобы происходило, и сам вопрос. Невинный муж, безусловно, должен

отмести это предположение, уверяя, что нет, не бил он жену, а затем ему следует добавить, что он не бьет жену и теперь. Только если бы исходное предположение было верным, а именно, что он действительно бил свою жену, существовали бы законные основания задавать вопрос, предполагающий однозначное «нет» или «да».

Вернемся к вопросу Сильвестра. Госпожа Логика напоминает нам, что Эмили нельзя отвечать в манере «да» или «нет» на первый из вопросов, учитывая, что на второй вопрос должен следовать отрицательный ответ. Почему дело обстоит именно так, а не иначе, можно понять, сосредоточив внимание на том факте, что в первом вопросе просматриваются два элемента. Ниже приведены оба эти элемента, Э1 и Э2.

Э1. Каков ваш ответ на данный вопрос?

Э2. Вы отвечаете на Э1 точно так же, как и на В2?

Конечно, Э1 — дело непростое, и ответ «да» или «нет» может быть только условным. Если видеть в Э1 своего рода команду, то она пустая: единственное, что в ней есть, это приказ: «Выполнить». Однако если Эмили пойдет на поводу и даст ответ на Э1 в манере «да» или «нет», то Э2 тоже должен получить свой ответ, но отвечать нужно по-другому. Допустим, Эмили ответит на Э1 утвердительно: «да». Ответ на Э2 должен быть «нет». Теперь предположим, что Эмили отвечает на Э1 как «нет». Ее ответ на Э2 должен быть «да». Нам важно распознать в первом вопросе (В1) Сильвестра два элемента, и мы поймем, что требовать от Эмили однозначного «да» или «нет» при ответе на первый вопрос Сильвестра — нечестная игра.

ОБОЛЬСТИТЕЛЬНЫЙ ПОДВОХ — КАК ЕГО РАСПОЗНАТЬ?

Эмили спасается бегством. Однако спустя несколько часов мы находим Сильвестра в баре, где он занят волнующей беседой еще с одной, и весьма привлекательной, дамой по имени Лоло. Все складывается так удачно, что Сильвестр ушам своим не верит. А Лоло нужно проверить, осчастливят ли его условия, которые она излагает в разговоре. «Неделя, полная пылких чувств, со мной в Ницце. Плата за все — один раз, 50 фунтов. Все остальное бесплатно. Никаких дополнительных пунктов договора: возвращаемся первым классом, билеты есть, отель пять звезд, и я, пылая страстью, с тобой по первому зову. Да, и еще. Вскоре я кое-что скажу тебе, это важно, и ты сам все оценишь. Назовем это ключом. Если то, что я скажу далее (это и будет ключом), истинно, то я беру 50 фунтов, а ты получаешь праздник без прочих расходов, как я уже объяснила. Если же то, что я скажу далее (как ключ), ложно, то ты можешь взять обратно свои 50 фунтов, но по-прежнему получишь недельный праздник и меня».

Если исходить из того, что сказанное Лоло истинно, то давайте ненадолго оставим ее и поразмыслим над тем, в какой ситуации оказался Сильвестр. Где его подстерегает потеря? На пути к недельному празднику жизни и любви никаких подводных камней как будто нет, а? Поездка в Ниццу всего за 50 фунтов в любом случае доставит удовольствие Сильвестру, да еще в компании такой пленительной особы, готовой как будто на все, — что может быть привлекательнее? Таит в себе ключ истину или ложь, но судьба как будто обещает Сильвестру восхитительное путешествие

и любовное приключение. А в худшем случае он потеряет свои 50 фунтов. Как человек рациональный, Сильвестр горячо соглашается. Лоло с застенчиво-загадочной улыбкой на лице берет у него 50 фунтов, а затем говорит то, что и является ключом, который нужно проверить — истина в нем или ложь.

«Либо я верну 50 фунтов, либо ты уплатишь мне 1 миллион».

Итак, истинно это или ложно, и в любом случае — какими будут последствия?

ПООСТОРОЖНЕЕ С ГОСПОЖОЙ ЛОГИКОЙ!

Когда дело касается предположения типа или/или, оно истинно постольку, поскольку истинно одно из его составляющих. Я сегодня отправляюсь в Кембридж или завтра в Оксфорд. До тех пор пока один из элементов предположения данного типа сохраняет истинность, все оно истинно в целом. Логиков радует также, когда оба элемента истинны, а предположение или/или (либо/либо) остается истинным. Таким образом, предположение типа или/или, только что приведенное выше, истинно, если я отправляюсь в Кембридж сегодня и в Оксфорд завтра. А теперь вернемся к предположению-ключу Лоло, имея в виду, что предположение типа или/или не истинно, а ложно, когда оба его элемента ложны.

Для начала предположим, что слова Лоло, или ключ, ложны. Прежде всего, примем во внимание смысл высказывания. Чтобы ключ был ложен, Лоло не должна возвращать 50 фунтов, однако, по условиям сделки, она обязана вернуть 50 фунтов, если ключ ложен. Вследствие этого возникает противоречие — относительно того, придется или нет платить 1 миллион

фунтов. Поэтому ее слова не могут быть ложными. Следовательно, то, что она говорит, истинно. Далее, предположим, что утверждение Лоло истинно. Чтобы оно было действительно истинным, либо Лоло должна вернуть 50 фунтов, либо Сильвестр платит ей 1 миллион. Однако такое невозможно, поскольку она возвращает 50 фунтов, но, по условиям сделки, она должна оставить у себя 50 фунтов, если ключ истинен. Следовательно, верным остается только одно: Сильвестр выплачивает 1 миллион. Именно в этом кроется — магическая и логическая — суть всего дела. «Магия» возникает потому, что в условиях сделки кроется противоречие, назначение которого — отсечь возможность того, что ключ может быть не истинным. Обычно мы предполагаем, что ключ бывает либо истинным, либо ложным, но, как выясняется, такая позиция ошибочна.

Сильвестр, разумеется, огорчен, угодив в ловушку. В конце концов он начинает думать, что Лоло — не кто иная, как госпожа Логика в маске, и цель этой особы — получить компенсацию за тот обманный трюк, который он ранее проделал с одной из ее «сестричек» по имени Эмили.

Ловушку, в которую Лоло заманила Сильвестра, можно уподобить и более явной — из тех, что всегда есть в арсенале у госпожи Логики. Вот она говорит вам: «Я не собираюсь давать вам 100 фунтов, а то, что я скажу далее, чистая правда». Далее госпожа Логика заявляет: «Либо я собираюсь дать вам 100 фунтов, либо вы дадите мне 1 миллион». Ну что же, если это утверждение типа либо/либо также истинно, а также если истинно первое высказывание, то утверждение либо/либо может быть истинным только в одном случае — когда вы платите 1 миллион фунтов.

Конечно, мы готовы немедленно возразить: госпожа Логика, вероятно, говорит неправду, утверждая, что ее следующее суждение будет истинным. Оно — ложно, однако в более сложном предложении Лоло условия сделки направлены к тому, чтобы исключить ложную часть рассуждений как ведущую к противоречию. А стоит только закрасться какому-либо противоречию в условия, как мы обнаруживаем, что угодили в одну из тех ловушек, которые попадают в множество вокруг нас.

БРАДОБРЕЙ

В завершение рассмотрим классическое противоречие, которое порой втягивает в свой водоворот иные умы. Это история о цирюльнике из Алкалы, и мы поведаем вам ее с разрешения Бертрана Рассела. Цирюльник брил всех, но только тех, кто не брился сам. Но сам-то он брился или нет? Если он один из тех, кто бреется самостоятельно, то в собственных услугах по части бритья он не нуждается. Если же он один из тех, кто самостоятельно не бреется, то он должен сам себя брить. Так что ему делать?

Помня о головоломке с обольщением, нам следует проявлять осторожность в суждении о том, что истинно или ложно в случае с бритьем. Нам стоит немного поразмыслить над предположением, может ли существовать подобный цирюльник? Вероятно, нет. Описанная ситуация таит в себе противоречие. Если цирюльник из Алкалы бреет каждого из тех, кто живет в соседнем местечке, назовем его, положим, Балкала, то проблем никаких. Проблема возникает только потому, что он включен в число тех, кто должен или не должен пройти процедуру бритья. Если наш брадобрей находится, так сказать,

«на самообеспечении» — и един в двух лицах, то это обстоятельство порождает противоречие, как мы уже видели на примере других предположений, приводимых выше и заикленных на самих себе.

Имея дело с госпожой Логикой, мы должны быть очень осмотрительны ввиду разного рода допущений и противоречий — равно как и в отношении возможных ошибок. Есть, правда, свой шарм в том, чтобы знать, как обращаться с госпожой Логикой, и «приручить», понимая ее нрав и повадки. Хотя найдется немало и тех, для кого более соблазнительными окажутся искушения, описанные в следующей главе.

КАК СДЕЛАТЬСЯ НЕ ТОЛЬКО ОБЪЕКТОМ СТРАСТИ, *НО И ЧЕМ-ТО БОЛЬШИМ?*

Любить или быть влюбленным — дело само по себе непростое. Вполне достаточно всяких сложностей сулит нам одно только сексуальное влечение как часть романтического чувства. Чего, в самом деле, мы хотим, когда владеет нами желание? Оно может проявляться как своего рода голод, напоминая чем-то пристрастие к шоколаду, кофе или даже футболу, но гораздо интенсивнее. Фраза «Приходи попить кофейку» — хорошо известное приглашение, часто окрашенное сексуальными мотивами. Так что же в данном случае является истинным объектом вожеления? Ясно, что не кофейный напиток.

ВИНО, ВОДА И ОКНО В СПАЛЬНЕ

Вообразите картину — впрочем, в данном случае, замечу сразу, она вполне соответствует реальности, — когда девушка, полусонная, но охваченная возбуждением, ждет своего парня, который вот-вот скользнет к ней в постель, и они займутся любовью. Однако того сморил сон где-то внизу, а тем временем квартирный грабитель пробрался в спальню через открытое окно. В лучах лунного света взломщик видит обнаженную фигурку в дремоте и не упускает благоприятный случай. Девушка уступает, думая, что рядом с ней ее парень, — уж такая она полусонная. Ну да, так все и происходит: у девушки есть секс,

и она получает удовлетворение, однако ее сексуальное влечение было направлено все же на ее парня, разве нет? И это влечение удовлетворено не было — оно было оборвано, отвергнуто, направлено в ложную сторону. Как мы вскоре увидим, объект сексуального влечения — объект неясный, смутный, однако требующий непременно наличия живого человека. Сексуальное желание заставляет нас говорить об обладании другим, о том, что мы овладеваем кем-то или жаждем овладеть — либо нами обладают, нами овладевают или жаждут овладеть. А теперь заметьте, вы можете обладать определенной собственностью или желать немного вина, однако подобные случаи радикальным образом отличаются от того, чего хотят любящие в своем желании владеть другим или в своем обладании друг другом.

Вы занимались бегом, и теперь вас мучает жажда. Перед вами — пять стаканов с водой. Вам важно, из какого пить? Да ничуть, вам просто нужно немного живительной влаги. Вы — ценитель вина, вы не приемлете дешевки в двухлитровых пластиковых бутылках, но как только вы находите хорошее вино, отвечающее вашему вкусу, скажем мерло, то вам уже все равно, налито оно в этот бокал или в тот. Мы, разумеется, исходим из того, что все бокалы, о которых речь, одного размера и никто из окружающих пока ни из одного не пригубил. Что касается примеров, последующих далее, то пусть читатели сами уместным образом соотнесут их с тем, как женщине нужен мужчина, или с тем, как строятся гомосексуальные отношения.

Иногда мужчине просто нужна женщина. Представьте, как моряк сходит на берег после нескольких недель в море и блуждает по «кварталу красных фонарей» в Амстердаме. Он ищет женщину, возможно,

определенного типа. Ему требуется сексуальная разрядка — причем такая, какую можно получить, только имея дело с женщиной. Но женщины его мечты, которую он мог бы страстно желать, здесь нет — пока, во всяком случае. Наш моряк находится в том же состоянии, что и вы, например, когда испытываете потребность выпить стакан воды или, если будет надлежащий выбор, бокал хорошего вина.

Но вот наш моряк задерживает взгляд на женщине — назовем ее Таня — и может вдруг ощутить, что его влечение на ком-то сфокусировалось. Его стремление к обладанию обрело направленность — морячка потянуло к Тане, и теперь он может получить сексуальное удовлетворение только с ней. В истории о том, что происходило в спальне при открытом окне, незваный гость не мог дать сексуальное удовлетворение девушке, потому что ее влекло не к нему, а к ее парню. Однако если вы испытываете жажду, то утолить ее можно, отпив из любого бокала. Не важно, из какого именно — любой подойдет. Но даже если вы возьмете в руки не какой-нибудь стакан с водой, а именно тот, который выбрали намеренно, то руководить вами будет только жажда воды — и ничто другое.

КТО В РОЛИ СЕКСУАЛЬНОГО ОБЪЕКТА?

Порой нам хочется выпить воды, а иногда — пригубить хорошего вина или съесть немного шоколада. Нам может быть нужна женщина или кто-то еще, но мы не можем — в сексуальном смысле — желать просто женщину или просто кого-то еще. Сексуальное влечение всегда имеет определенную направленность. Если оно устремлено, допустим, к Тане, то ее сестра-близнец удовлетворения не даст. Именно Таня важна в этом смысле, она — незаменима.

Объект сексуального влечения нельзя продублировать, однако данное обстоятельство объясняет далеко не все. Если нашему моряку не посчастливится с Таней, то у него может возникнуть еще одно желание, и оно окажется нацелено на другую женщину, которую он сможет высмотреть, — назовем ее Аня. Будь сексуальное влечение частью любовного чувства, манера действий в стиле «вольного стрелка» ощущалась бы как нечто противоестественное. Эротическая любовь обычно требует больше глубинного содержания, чем было бы достаточно, чтобы с легкостью переключаться с Тани на Аню. Оценка любви, данная, например, Бертраном Расселом, вызывает немало скептических замечаний, хотя он и утверждал, что его любовь к тогдашней жене сама собой исчезла во время велосипедной прогулки.

Если рассматривать этот вопрос в более общем виде, то существует важное различие между тем, что можно заменить, и тем, что остается незаменимым. Это различие обусловлено тем, есть ли у нас некий предмет интереса, любое воплощение которого нам подойдет, или же нас привлекает к себе только один, особенный, предмет интереса, *именно этот и никакой другой*: пусть даже у него есть сходные черты с другими объектами, но нас иные объекты совершенно не привлекают. Иногда различие, о котором мы говорим, сводится к идее о неравнозначности личности человека и физического объекта. Если вам нужен стакан воды, то любой подойдет, но если вы влюблены в Беллу, то ее никто не заменит, — никаких «совпадений» быть просто не может. Ну да, кто бы спорил, — легко заменимы пиво и телефонные аппараты, стаканы с водой и шоколадки, а также, как правило, машинисты электровозов и обслуживающий

персонал баров. Но не менее верно и то, что отношения с ребенком или любимым человеком всегда очень личные, и никакие замены, пусть даже при максимальным сходстве, тут не проходят. Незаменяемость подобного рода адресует нас к картине Пуссена, запомнившейся более других, к пачке писем от прежней возлюбленной, к серьгам, когда-то подаренным по особому случаю.

ТОМЯСЬ О БЕЛЛЕ, ЧЕГО ВЫ ЖАЖДЕТЕ?

Хэла влечет к Белле. Но чего именно он страстно жаждет? Заметьте, Хэл не пытается просто подавить свое желание, как это бывает, когда человек охвачен внезапно возникшим страхом или в случае, допустим, аварии или катастрофы. Но не хочет он также и того, чтобы он исчезло, будучи окончательно удовлетворенным. Более того, возможно, Хэл вовсе не жаждет и того, чтобы его влечение нашло соответствующее удовлетворение, — он может наслаждаться своим желанием как таковым, откладывая на потом все остальное. Тем не менее спросим себя, что может должным образом удовлетворить влечение Хэла?

Нам представляется несколько сомнительным полагать, что сексуальное влечение и потребность в сексе — явления одинаковые, даже если в конце истории нас ожидает половой акт и оргазм. «Девочка на работе» может хотеть секса с клиентом, но она же не стремится получить оргазм и не видит в том, кто ее снял, объект своего влечения. Актриса (возможно, по ошибке) убеждена, что ее участие в съемках фильма подразумевает непременно секс с исполнителем главной роли, но отсюда же не следует, что ее влечет к нему. Напротив, Хэл, даже страстно желая Беллу, может и не стремиться к сексу с ней: возможно,

пугает разница в возрасте между ними, или есть опасность для здоровья. Такого рода примеры должны напоминать нам, что в некоторых случаях мы можем психологически оказаться в состоянии внутреннего конфликта. То есть Хэл, возможно, испытывает сексуальную тягу к Белле, но также страшится удовлетворить свое желание.

Маркиз де Сад писал, что эротическая любовь может опускаться до сексуального желания. В романе «Жюльетта» он рассказывает, как влюбился в прекрасную женщину, однако был и другой, кем владело обычное животное влечение. «Мы оба, он и я, хотели лежать рядом с ней — он... ее тело — вот чего желал он, а я... я, во власти любовной метафизики, полной иллюзорности и опасной... убеждал себя, что только ее сердце — вот чем жажду обладать я... Стоит только мужчине поразмыслить немного о том, что служит для него источником наслаждения в любовной игре, и он предпочтет оставаться в пределах простых телесных удовольствий». Если верить, хотя бы отчасти, де Саду, то Хэлу недостает чувственных удовольствий, даримых плотью, и сердце женщины — явно не то, чего ищет Хэл. Будь это женское сердце, он радовался бы своим тонким переживаниям, что, не исключено, помогало бы ему действовать успешнее и во всем остальном. Приятные телесные ощущения можно получить и в отсутствие Беллы, да еще так, как будто Белла рядом и служит их причиной.

Вот еще одно объяснение, почему Хэл так жаждет тесного, плоть к плоти, контакта двух их тел *в соединении с Беллой* с надеждой насладиться этими мгновениями. Конечно, тяга к телесному контакту — дело совершенно обычное, однако можно ли считать подобное соединение людей ключом к пониманию

сексуального влечения? Борец стремится к телесному контакту с противником и радуется, кладя того на лопатки, однако сексуального влечения во всем этом нет. Вышеизложенные соображения подводят к мысли, что забавное толкование плотской любви в понимании Иммануила Канта далеко от истины, хотя он и пишет:

Плотское влечение превращает любимого человека в объект желаний, но как только желания эти находят удовлетворение, тот, кто прежде их вызывал, становится не нужен, как лимон, высосанный досуха...

ОПАСНАЯ МЕТАФИЗИКА ПЛОТИ

Время от времени многие любовники замечают, что их партнеры или партнерши как будто механически совершают ритуалы секса. И сами поступают так же. Но страсть, полная сексуальности, обычно исключает механические реакции. Мужчины могут предлагать женщинам наркотики, добиваясь телесной близости, однако это весьма убогий способ получения сексуального удовлетворения, к тому же отвратительный в моральном смысле. Возникает законный вопрос, действительно ли взаимное сексуальное влечение находит полноценный выход при совершении подобных «маневров». На ум приходит определение «ресипрокация»*.

Объект любви — человеческое существо, личность — это не просто биологически детерминированный

---

* Reciprocation (англ.) имеет не одно значение — а) взаимный обмен (услугами, товарами и т. д.), б) возвратно-поступательное движение. — Прим. пер.

комков плоти, в который можно проникнуть или который можно пронзить. Это существо, обладающее разумом, и плоть отвечает на то, что говорит ей сознание человека. Жан-Поль Сартр, французский философ-экзистенциалист и писатель, говорил об этом следующим образом (хотя его слова и несут на себе отпечаток его собственных представлений и рискованной метафизики):

Я использую свою плоть, чтобы очаровывать другого человека своей наготой и пробуждать влечение к моей плоти, – именно потому, что влечение это не является в другом не чем иным, как воплощением того же, что живет и во мне самом. Желание, таким образом, есть приглашение к желанию. И только плоть моя знает, как отыскать дорогу к плоти другого, и я располагаю тело свое рядом с телом ее, чтобы она могла уловить тот смысл, который несет в себе наша плоть.

...Каждое сознание, находя себе воплощение, помогает сознанию другого обрести воплощение; любое волнение, рожденное в одном человеке, служит причиной, порождающей волнение в другом, и в результате немало обогащается само*.

Сексуальное желание Хэла включает и жажду того, чтобы в Белле родилось возбуждение, когда она заметит потребность Хэла видеть ее возбужденной. Все прибывающее возбуждение при умножении впечатлений, порождаемых им, можно зримо представить. Достаточно припомнить, как нарастающий обмен взглядами красноречиво свидетельствует

---

* Сартр Ж. П. Бытие и ничто.

о крепнущем взаимном притяжении. Однако в словах Сартра есть и нечто парадоксальное и противоречивое. Хэл хочет, чтобы Белла была существом со своим самосознанием, желающим соприкосновения их тел, тем не менее Хэл также желает, чтобы плоть Беллы слилась с его плотью, с тем, что является ее телесным воплощением и объектом в пределах его мира, однако последнее вступает в противоречие с тем, что Белла — самостоятельное существо, способное к личным действиям. В стремлении овладеть другим сексуальное желание создает невозможность превращения сознания другого человека в «только объект», но по-прежнему нуждается в том, чтобы сознание партнера оставалось сознанием, желающим близости с другим человеком.

То, что пытается доказать Сартр, темно по смыслу, но, вероятно, не противоречит жизни, потому что сексуальное влечение *действительно* темно и смутно. По существу, любовная страсть требует проявления свободной воли в действиях, однако вовлекает в свою орбиту и многие изменения в состоянии тела, над которыми человек не властен. В этом отношении важны и чувства людей, и их телесные оболочки, плоть в чисто биологическом смысле, однако люди были и остаются существами, обладающими самосознанием и собственным пониманием того, что вершится в водовороте происходящего.

В ЗАЩИТУ СЕКСУАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ

Кожаные ботинки или сапоги не предназначены для обмена — они не объект ресипрокации. Отсюда следует, что Хэл, хотя и может проделать много всего с кожаными сапогами Беллы на высоком каблуке, сексуально желать их не способен, как бы они ни

помогали усилить сексуальное удовлетворение или как бы они ни были привлекательны в качестве сексуального объекта. Разумеется, Хэлу дано испытывать сексуальное влечение к той, кто эти сапоги носит, а именно к Белле.

Даже если некоторые из нас и знают, как любовное влечение может быть направлено на человека, обладающего не только телом, но и сознанием, иные люди все же видят в женщине просто сексуальный объект, который можно заменить другим. И действительно, в точном соответствии с тем, как относился к любовной страсти Кант (мы упоминали об этом выше), видя в ней своего рода голод, нередко мужчина использует женщину как объект, о котором не стоит и вспоминать, когда «лимон уже высосан досуха». Однако, как было показано выше, сексуальная страсть — нечто заметно отличающееся от аппетита на шоколад, пирожные или даже лимон, который можно высосать.

Протест со стороны «сексуального объекта» имеет иные корни: у «объекта» могут быть собственные интересы, которые игнорируются или остаются недоступными для реализации. Женщина порой используется просто как средство для получения мужчиной удовлетворения. Однако любовная страсть не может оставаться только средством удовлетворения «голода», и у нас нет причин думать, что ее природа ограничена исключительно этим. Действительно, сексуальное влечение насквозь проникнуто биологией, отвечая глубинным подсознательным импульсам и голосу плоти, однако мы все же остаемся биологическими существами, наделенными сознанием, и потому ищем возможности испытывать общее с другими людьми возбуждение и глубоко чувствовать то, что нас единит.

Понимая характер проблемы «объект — сознательная личность» и соответствующее напряжение, возникающее между этими полюсами, должны ли мы удивляться тому, что секс так часто смешивается с игрой в доминирование и подчинение — игрой, в которой ее участники выступают в роли объектов. Однако играть роль сексуального объекта и быть им — это очень разные вещи. Ролевая игра важна, потому что помогает людям понять, насколько ошибочно рассматривать партнера или партнершу только как «средство», вместо того чтобы искать и находить «свою половину». Впрочем, ролевая сексуальная игра добавляет немало смутного к нашим представлениям о том, что именно считать объектом влечения, однако, сколько бы смутного и неясного ни таилось в сексе, многие ли из нас захотят обходиться без любовных страстей?

КАК НЕ ЖИТЬ ЖИЗНЬЮ МЕРЗКОЙ, ЗВЕРСКОЙ И КРАТКОЙ ИЛИ КАК ВОЗЛЮБИТЬ ЗАКОНЫ?

Оглянешься и видишь: законы, копы и суды повсюду — и все угрожают штрафами и тюрьмой. Но ведь мы не давали своего согласия жить под таким законодательным гнетом или в государстве, где надо прятаться, чтобы потянуть косячок, или платить налоги куда больше тех, что мы бы одобрили. Да, во многих странах людям позволяют время от времени голосовать, но мы отлично знаем, что со своим мнением можем остаться и в меньшинстве. Демонтировать аппарат контроля со стороны государства никто не собирается, но ведь аппарат этот ограничивает нас в свободе действий. Так почему же наш долг — соблюдать закон, если таков, конечно, наш долг?

ЖИЗНЬ СКВЕРНАЯ, ЗВЕРСКАЯ И НЕДОЛГАЯ

Не будь у нас жизни при правительстве с его властью и принуждением с этой властью считаться, мы страдали бы куда больше, чем теперь, если и в самом деле так страдаем, как нам порой кажется, разве нет? На этот вопрос напрашивается ответ: существование государства дает нам определенные выгоды, и в обмен на них мы, со своей стороны, должны соблюдать законы, признавая некоторые ограничения.

Ниже мы рассмотрим, насколько точен или нет ответ, напрашивающийся как будто сам собой. Но прежде давайте сделаем то, что испробовали многие

политические философы, начиная с древнего грека Платона, по отношению к которому вся последующая философия — не более чем совокупность примечаний (как было однажды сказано, и, пожалуй, без особого преувеличения). Представители политической философии много толковали о жизни в ту эпоху, когда не было еще правительства, государства и сочиненных людьми законов. Иные мыслители верили, что говорят об исторических фактах, но другие, и более мудрые, предлагали рассматривать сказания и легенды как основу для реконструкции того, что представляла собой жизнь в догосударственную эру. Мысленные эксперименты такого рода призваны были показать, насколько обоснованно наше законопослушание.

Естественное состояние предшествует периоду, когда возникает государственность, и подразумевает, что в сообществе человеческих существ есть свои регулирующие механизмы, но нет ни законов с их запретами, ни власти. Спросим себя, а было ли столь уж дурным подобное состояние в историческом или гипотетическом смысле? Ответ зависит, разумеется, от доступных нам источников и наших представлений о том, за кого принимать представителей рода человеческого, существующих без всяких законов. Оценить, конечно, непросто, однако трудности подобного свойства не должны помешать нам добраться до истины. В описаниях иных философов все просто светится: по меньшей мере, естественное состояние обеспечивало людям свободу, и им оставалось только в некоторой степени сотрудничать друг с другом. Противоположной точки зрения придерживался Томас Гоббс, один из самых значительных политических мыслителей XVII столетия. Познакомимся с его взглядами поближе.

Гоббс был невысокого мнения о человеческой природе. В «Левиафане» он отмечает, как люди, даже в сложившемся обществе, путешествуют вооруженными и запирают двери домов на замок. Живи он в наши дни, Гоббс, вероятно, обратил бы внимание на кражи мобильных телефонов, страсть многих американцев к обладанию личным оружием и атмосферу безжалостности в бизнесе. Гоббс полагал, что люди соперничают друг с другом, а для некоторых из них главная цель — превосходство над всеми прочими.

Побуждения людей, предостерегающе утверждал Гоббс, сводятся к преследованию эгоцентричных интересов. Поистине, как подметил епископ Джозеф Батлер, Гоббс, видимо, смотрел на дело сквозь призму собственных мотивов и ошибочно возвел личный опыт в ранг универсального закона. Ввиду дальнейших рассуждений может возникнуть вопрос из серии, что было раньше — яйцо или курица. То есть что создает недоверие между людьми — наше общество в людях или, напротив, члены этого общества — в нем самом? *Естественное состояние*, по Гоббсу, есть состояние войны, а человеческая жизнь есть воплощение «одиночества, бедности, скверны и зверства, и еще она кратковременна». На это есть чудесное выражение: жизнь человека могла бы быть и хуже, Томас. В том смысле, что она могла бы быть одинокой, бедной, скверной, зверской — и к тому же долгой.

КУДА ВЕДЕТ ЕСТЕСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ?

Если Гоббс прав, то вполне объяснимо, почему люди хотели бы избежать такой жизни и укрыться под сенью мягких и добрых законов, хотя и не вполне понятно, как до спасительной сени добраться. Тем не менее очевидно, что было бы рациональным решением

начать сотрудничать и договориться об образовании какого-нибудь независимого органа управления, однако с какой стати человеческие существа, исполненные столь глубокого недоверия друг к другу, вдруг рискнут довериться себе и окружающим и не побоятся отдать власти в руки суверена? Позиция Гоббса кажется очень сомнительной, и в данной связи важна критика со стороны Джона Локка. *Естественное состояние* Локк понимает как такое положение дел, когда люди склонны сотрудничать друг с другом, что и формирует общую ситуацию. И таинственным образом многие люди начинают ощущать присутствие в своей жизни божественного морального закона. Вот чему учит этот закон человечество.

...поскольку все люди равны и независимы, постольку ни один из них не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе или собственности другого... Каждый из нас... обязан... когда его жизни не угрожает опасность, насколько может, сохранять остальную часть человечества и не должен, кроме как творя правосудие по отношению к преступнику, ни лишать жизни, ни посягать на нее, равно как и на все, что способствует сохранению жизни, свободы, здоровья, членов тела или собственности другого*.

В том понимании *естественного состояния*, которое свойственно Локку, заметно больше живительной атмосферы, чем у Гоббса. Однако выйти за пределы даже этого естественного состояния по-прежнему желательно: отдельные люди конфликтуют, и независимая власть представляет особую ценность,

---

* Локк Д. Второй трактат о правлении.

ибо способна выносить непредвзятые судебные решения, действуя во имя общего блага. У Локка мы унаследовали идею принимаемого всеми сторонами общественного договора, предполагающего необходимость иметь избираемое правительство, — впоследствии этот принцип лег в основу Декларации независимости Соединенных Штатов Америки. Как говорил Джон Мильтон, поэт и политический деятель, бывший одним из предшественников Джона Локка, люди должны были бы *вверить* свою власть и свободу правительству, действующему от их имени.

В ПУЧИНЕ ВОЛН

Общественный договор — штука проблематичная. Насколько он адекватен в смысле наших нынешних обязательств по отношению к государству, даже если допустить (хотя и верится с трудом), что исторически он был оправдан? С позиций Локка, мы и сегодня должны этот договор всячески поддерживать. Само наше поведение соответствует общественному договору — мы с молчаливого согласия верны ему. И молчаливое согласие с государством и формой правления возникает, если верить Локку, на удивление легко. Дать дорогу королю (или королеве) — уже согласие подобного свойства. Исчерпывающую отповедь подобным взглядам дает Дэвид Юм.

Можно ли всерьез говорить о том, что небогатый крестьянин или ремесленник, не владея иностранным языком и не зная соответствующего обращения, обладает свободой выбора, необходимой дабы покинуть страну, и далее существовать день за днем на жалкую заработную плату, на которую ему только и дано рассчитывать? С тем же успехом мы можем

утверждать, что некто, оказавшись на корабле, по собственной воле соглашается признать над собой власть хозяина судна, хотя доставили того человека на борт, когда бедняга спал, и теперь ему остается только прыгнуть за борт и утонуть в океанской пучине, едва покинув палубу*.

Насколько люди готовы соглашаться с властью, зависит от альтернативных возможностей, находящихся в их распоряжении. Граждане свободны в своем праве покинуть свою страну, но только если у них есть паспорта и билеты на выезд — и, конечно, если найдется подходящая страна, готовая их принять. При этом выезжающие могут утратить контакты с семьей, натолкнуться на языковой барьер и испытывать трудности в получении работы. На практике доступные варианты порой оказываются не лучше океанских волн за бортом. И, вероятно, попытки добровольного согласия, даже молчаливого, могут вести на ложный путь. Гипотетически возможен и иной путь. Совершенно очевидно, что мы не были вовлечены ни в какой «первоначальный договор», а наше существование в определенном государстве не основано на согласии с нашей стороны. Но если допустить, что мы бы действительно пошли на нечто подобное, выбирая характер государственных установлений и законов, то с чем мы могли бы согласиться?

ЧТО ЗА ВУАЛЬЮ?

Прежде чем двинуться дальше, разбираясь с «гипотетическим согласием», позволю себе сострить, заметив, что это гипотетическое согласие не стоит

---

* Юм Д. Первоначальный договор.

и бумаги, на которой оно *не было* записано. Тем не менее острота моя небезупречна. Да, гипотетическое согласие не является согласием на деле, но, если к нему присмотреться, в иных обстоятельствах оно может быть уместным и явно выраженным. Например, вы попали в автокатастрофу, и, как человек разумный, вы совершенно согласны с тем, что вас вытащат с места аварии и предоставят медицинскую помощь. Еще пример: вы явно склонны попадать в аварии — и вот вы снова в автокатастрофе, вы потеряли сознание, но вас вытаскивают с места аварии и оказывают медицинскую помощь. Гипотетическая истина заключается в том, что вас в бессознательном состоянии извлекают из-под обломков и вами занимаются медики, — а ведь будь вы в полном сознании, такие действия предполагали бы согласие с ними с вашей стороны.

Что же касается того, как должно быть устроено государство, то возникает вопрос: с чем и в какой мере мы могли бы согласиться? Единого ответа на этот вопрос нет, поскольку в данной связи возникает множество дополнительных условий. В конце концов, желаемый ответ отчасти обусловлен и нашим положением в обществе, и нашими социальными ожиданиями. Если мы люди небогатые, то можем полагать, что власть должна воплощаться в государстве всеобщего благосостояния, видя высший приоритет в обеспечении граждан всяческими благами. Если же мы богаты и заняты бизнесом, то для нас предпочтительнее низкие налоги. Если у нас есть религиозные убеждения определенного характера, то, вероятно, нам ближе по духу жизнь в теократическом государстве, олицетворяющем собой (как заявляется) волю Бога. Если мы родители, то первостепенная ценность для

нас — возможность предоставить детям все необходимое. Ну и так далее.

Чтобы преодолеть ограничения, связанные с подобной субъективностью, американский философ Джон Ролз сформулировал идею о «вуали неведения»*. Нам следует взвесить и оценить наше согласие так, как если бы нас от всего отделяла вуаль неведения и мы не знали бы ни нашей расы, ни пола, ни религии, ни возможностей делать что-либо или не делать... В подобном — гипотетически допустимом — положении мы в известном смысле все равны. Но даже в такой ситуации все мы — индивидуальности, и у каждого есть право совершать тот или иной выбор в жизни, при том что избираемые нами действия не должны искажаться под влиянием узких эгоцентрических интересов каждого в ущерб интересам всех остальных. «Вуаль» Ролза — средство, благодаря которому можно прийти к беспристрастному и объективному пониманию того, что считать справедливым обществом. Отбросив в сторону мысли о нашем собственном социальном положении, мы рациональнее мыслим о предоставлении больших материальных возможностей другим людям. Осознавая внешние угрозы, мы яснее видим те ценности, которые защищает государственное устройство. А если мы принадлежим к одному из меньшинств, то нам следует бороться за определенные права и свободы личности. Только в той мере, в какой наш социум обладает

---

* Мы сами на время отделяем с помощью «вуали неведения» себя от некоторой части действительности, а не действительность — нас от самой себя. Фактически это термин, присутствующий в научных и научно-популярных текстах в точно определенном значении. — *Прим. пер.*

такими правами и свободами, наше гипотетическое согласие соответствует готовности подчиняться государству.

Мысленный эксперимент, проделанный нами, весьма далек от простого и легкого воплощения в жизнь. Если мы будем рассуждать слишком уж отвлеченным образом, не принимая во внимание свое положение в обществе, то можем утратить источник собственной мотивации. Кроме того, мы решили, что должны проявлять заботу о всеобщем благосостоянии, свободе, справедливости — но как выстроить в данном случае систему приоритетов, а затем обосновать свой выбор? Порой было бы неплохо, чтобы «вуаль» приподнималась — и мы могли бы на достаточных моральных основаниях находить смысл в том, что совершаем. Если «вуаль» опущена и мы можем не чувствовать себя ни женщинами, ни мужчинами, то, с одной стороны, рискуем упустить из виду некоторые нравственные ценности, служащие основой для выбора правильных действий, когда дело касается детей, ухода за близкими и брака, а с другой стороны, мы не привязаны к наследству.

ВЫГОДЫ, ОБЯЗАТЕЛЬСТВА, БУНТ

Если мы отбросим мысль о неперменном согласии как залоге нашей законопослушности, то можем вернуться к нашему исходному предположению, что законы в целом должны служить нашей общей выгоде. Мы живем лучше с законами, чем без них, и наша жизнь зажиточнее, когда мы платим налоги, — потому что мы получаем немало услуг себе на пользу, пусть и с оговоркой, что наши деньги идут и на то, что не имеет к нам отношения или даже раздражает нас. Наша приверженность законопорядку зиждется

на получаемых нами выгодах. Однако вот вам немедленное возражение. Справедливость распространяется не на всех. Немало есть и тех, кто живет плохо, и даже не по собственной вине. Вспомните хотя бы о тех, кто спит на траве, или о тех, кого бессовестно эксплуатируют работодатели. Почему эти люди должны чувствовать себя обязанными соблюдать порядок и починяться законам? На другом полюсе — зажиточные члены общества, твердящие, что отдают на общее благо больше, чем получают взамен. На деле же они имеют возможность делать деньги, в частности потому, что общество находится в спокойном состоянии и законы предусматривают передачу по наследству больших состояний, — и еще потому, что когда-то им улыбнулась удача.

Позвольте нам исходить из того, что мы и впрямь извлекаем пользу из существования государства и законов в нем. Однако само по себе данное обстоятельство еще не означает, что мы бесконечно обязаны благодетелю. Если незнакомец покупает вам выпивку, хотя вы не просили об этом, то вы не обязаны отвечать тем же со своей стороны. Мы выигрываем от наличия уличного освещения, но если мы не требовали такой услуги, то и не брали на себя обязательство платить за нее (посредством налогов). Да, такая аргументация имеет право на существование, однако, пожалуй, в ней слишком акцентировано понятие «обязательства». Возможно, нам следует просто признать, что люди могут получать определенные преимущества различными путями, поэтому было бы только правильно вносить свой вклад в обеспечение подобных возможностей, пусть к нам имеют отношение лишь некоторые из услуг, а прочие остаются невостребованными.

Но даже если у нас есть основания повиноваться государству, бывают ситуации, в которых наш долг — действовать противоположным образом. Гражданское неповиновение порой имеет право на существование. Вспомните хотя бы о злодеяниях, которые государства могут творить, и нередко — от имени своих народов. Быть в оппозиции могучему государству — нелегкое дело, но когда власть ведет себя ужасающим образом, противостоять ей, разумеется, необходимо, хотя это тот самый случай, когда сказать проще, чем сделать. Как уже отмечалось, один из возможных способов построить отношения между гражданами и государством заключается в том, что народ вверяет высшим органам управления власть и свои свободы. Если доверие оказывается обманутым, то народ вправе восстать. В завершение вернемся к Джону Мильтону с его тонким политическим чутьем.

Настоящим мы утверждаем, что власть королей и правительств есть не что иное, как сила, переданная им людьми и вверенная им в управление ради всеобщего блага, ибо только народу принадлежит она изначально и не может быть отнята насильственным образом в нарушение прав, коими обладаем мы все от рождения*.

Что ж, в полном согласии с Мильтоном и Локком мы будем думать, что вправе противостоять правительствам, несущим угрозу нашей свободе и не способным обеспечить защиту нашего благосостояния. Коррупция, проникающая в органы власти, бесчестит и отменяет то доверие, которые мы, разумные и свободные люди, им оказали.

---

* Мильтон Дж. Обязанности государей и правительств.

КАК ВЫТЕРПЕТЬ ТО, ЧТО КАЖЕТСЯ НЕСНОСНЫМ, ИЛИ СТАТЬ ВПОЛНЕ ТОЛЕРАНТНЫМ?

В порядке информации к размышлению — несколько броских фраз: мужчины примитивнее женщин, гомосексуальные отношения порочны, абортмахиры — убийцы, фактор X предупреждает старение. Если мы любим свободу, то должны сохранять толерантность по отношению к подобным взглядам, с какой бы настойчивостью их ни навязывали. Однако и у терпимости есть свои пределы, особенно когда возникает прямое подстрекательство к причинению вреда. Однако как нам обосновать терпимое отношение к некоторым суждениям, если они откровенно ложны, скверны или понуждают людей к нетерпимости?

ПРИНЦИП СВОБОДЫ

Терпимое отношение к чему-либо или к кому-нибудь включает в себя и мотив определенного несогласия. Мы не готовы полностью принимать то, что допускаем только отчасти. Толерантность не означает ни почитания воззрений, требующих терпимости по отношению к себе, ни почтения по отношению к тем, кто побуждает окружающих перенимать некие взгляды. Иные из этих взглядов чудовищны — например, требование ислама убивать вероотступников. Подобные взгляды не заслуживают ни малейшего уважения. Те, кто проповедует и распространяет их,

лишаются уважительного отношения, уважительно-го в том смысле, что мы могли бы с чем-то согласиться. Мы можем, однако уважать индивидуумов с подобными взглядами в том смысле, что мы признаём их существование как тех, кто живет и продвигает свои представления о чем-то, и эти представления требуют толерантного отношения.

Толерантность необходима, когда люди выражают взгляды, глубоко противоположные нашим, и мы не можем оставаться равнодушными. Парадоксально, но терпимость особенно требуется тогда, когда мы сталкиваемся с чем-то нетерпимым. Когда противные нам воззрения не столь нетерпимы для нас, мы, как правило, в меньшей мере озабочены их распространением и тем, насколько неблагоприятными могут оказаться последствия. Нам бывает довольно с удовлетворением отмечать для себя несовпадение мнений. В своей книге «О свободе», оказавшей столь заметное влияние на нашу культуру, Джон Стюарт Милль, знаменитый представитель утилитаризма, обосновал принцип свободы (Liberty Principle), известный также как принцип непричинения вреда (Harm Principle) и служащий фундаментом для представления о толерантности. Вместе с тем Милль указал и на те области, в которых терпимость не может быть бесконечной. «Простой принцип», как формулирует его Милль, означает следующее.

...единственное оправдание вмешательства в свободу действий любого человека – самозащита, предотвращение вреда, который может быть нанесен другим. Собственное благо человека, физическое или моральное, не может стать поводом для вмешательства,

коллективного или индивидуального*. ...Чтобы оправдать вмешательство, нужно выяснить, причинит ли его поведение кому-нибудь вред. Человек ответственен только за ту часть своего поведения, которая касается других. В остальном – абсолютно независим. Над собой, своим телом и душой личность суверенна**.

Принцип свободы применим только по отношению к взрослым людям в достаточно развитом и информированном обществе. Утилитаризм Милля, как мы видели в главе 15, воплощает в себе представление о том, что наш долг – способствовать достижению наивысшего процветания для всех. И краеугольный камень этой теории – принцип свободы. Если же в силу вынужденных причин мы согласны жить по-другому – под гнетом государства или утвердившейся тирании, – то каждый из нас из личности превращается в автомат с заданной программой. Главный смысл принципа свободы – быть тем, кому доступно процветание в жизни, и данное понимание свободы опровергает любые возражения, основанные на представлении о том, что люди могут быть счастливее, когда им говорят, как именно следует поступать.

«ЭКСПЕРИМЕНТЫ ЖИЗНИ»

Милль говорит о праве человека на «эксперименты в жизни». Люди должны быть независимы в своем стремлении к самореализации, и потому им нужна свобода выражать себя – и выражать себя не только

---

* Цит. по: Милль Дж. О свободе / Пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. – 1993. – № 11. – С. 10–15; № 12. С. 21–26.

** Милль Дж. О свободе.

в словах, но и в образе жизни. Окружающие же смогут сами судить, в какой мере эксперименты подобного рода помогают человеку развиваться, а выигрыш может получить общество в целом. Вот как пишет об этом Милль:

...государство, принижающее своих граждан с целью превратить их в покорные инструменты в его руках, даже если делается это как будто ради благих целей, вынуждено будет признать, что люди, низведенные до роли жалких карликов, не способны на великие свершения*.

Но, может быть, проводя «эксперименты жизни», мы однажды обнаружим, что открыли идеальный способ существования? Вряд ли. Милль отдает себе отчет в том, что люди по природе своей не похожи друг на друга, и, более того, он понимает всю ценность многообразия, свойственного человеческому обществу. Нет никаких оснований верить, что есть только один — подходящий всем и каждому — образ жизни. Защита Миллем права человека на различные «эксперименты жизни» не означает, разумеется, ни того, что все они будут успешными, ни того, что английский мыслитель поддерживает их все без разбора. Позиция Милля заключается в том, что общество должно проявлять терпимость к различиям в образе жизни и во многих отношениях поддерживать толерантность.

Необходимо заметить, что принцип свободы не дает нам права пренебрегать тем долгом, который мы ранее добровольно признали. Например, утверждает

---

* Там же.

Милль, люди не должны заводить детей, если не обладают материальными возможностями, чтобы вырастить их и дать им образование. Всеми средствами мы обязаны проявлять толерантность по отношению к тем, кто живет в дурмане алкогольной или наркотической зависимости, однако мы не должны идти на поводу у подобных индивидуумов, если те в конце концов начинают вредить другим, в частности собственным детям.

СВОБОДА СЛОВА: МЫ И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Свобода слова есть воплощение свободы мысли. И потому свобода слова заслуживает особой защиты. И еще свобода слова заслуживает особой защиты, потому что существует на благо обществу в целом. С одной стороны, если то, о чем говорится, несет правду, то сказанное идет на пользу слушателям. По Миллю, добраться до правды — всегда хорошо, потому что в стремлении обрести процветающую жизнь мы должны в своих действиях опираться на то, что истинно. С другой стороны, если то, о чем говорится, несет обман, то нам необходимо подвергнуть серьезным сомнениям сказанное. Критическое отношение выводит нас из руин мертвых догм, побуждая отстаивать свои взгляды и действовать соответственно.

Широкое понимание толерантности порой встречает возражение в том смысле, что можно чувствовать себя куда счастливее, отмежевавшись от беспокойства, неизбежно сопряженного со свободой слова и необходимостью глядеть правде в лицо. В неведении столько блаженной сладости, что многие люди предпочитают побережь сложившиеся у них представления от всяческих вызовов. Еще раз — понимание

счастья, отстаиваемое Миллем и означающее жизнь в процветании, необходимо нам во спасение. Чтобы добиться благополучной и счастливой жизни, людям нужно знать правду. Чтобы личный расцвет стал возможен для всякого человека, людям не следует покорно внимать тем, кто берется внушать, что для всех хорошо, а что плохо, а также — что всем положено делать. Люди должны быть вправе солидарно протестовать, вырабатывая понимание того, как устроить лучшую жизнь, но не должны принуждать друг друга к тому, чтобы все жили по единому уставу.

Воззрения Милля относительно свободы слова можно критиковать как идеалистические и далекие от реальной жизни, особенной в части защиты свободы печати. Идеал заключается в искренности дискуссий и поисках правды, нацеленных на понимание того, как все устроено в действительности и каким должно быть, — нечто подобное происходит, когда пытливые умы объединяют усилия на университетском симпозиуме. На практике же публикации в средствах массовой информации несут на себе печать коммерческих и политических интересов, а сами споры в печати примитивизированы до абсурда, до визгливых заголовков, за которым следует набор дезориентирующих «доказательств» или полное отсутствие аргументации как таковой.

Подобный скептицизм в отношении свободной прессы заявляет о себе, когда даешь себе труд подумать немного о содержании и смысле пугающих историй, в которых на первых полосах газет и журналов рассказывается об опасностях вакцинации или о разгулявшихся педофилах либо приводится криминальная статистика с неизменным ростом цифр, а что касается уточнений и исправлений, то в лучшем

случае они остаются скрытыми подальше от нас, появляясь спустя несколько дней где-то на срединных страницах и оставаясь незамеченными. Не стоит ли нам задаться вопросом, насколько нужна нам вся эта свободная пресса, если, по существу, она все более и более сводится к пропаганде консьюмеризма, будь то идея, что каждое дитя должно иметь по игровой приставке, или насаждение «доказательств» в поддержку эффективности сомнительных диет. Добро было Миллю рассуждать о том, что либо мы представим свою жизнь в свете истины, либо нам придется ломать копья в спорах с ложью, но в действительности многие люди попросту бездумно принимают на веру последние по времени сообщения СМИ. Подумайте немного, под каким прессингом находимся все мы благодаря «свободной» рекламе, принуждающей нас соответствовать новомодным веяниям, причудам и планам питания.

ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА, НАНЕСЕНИЕ ОСКОРБЛЕНИЙ И СЕКС

Конечно, в определенных сферах жизни свобода слова и, в более широком смысле, свобода самовыражения должны быть сужены в силу очевидных причин, — и принцип свободы подобные ограничения учитывает. Высказывания, побуждающие людей наносить вред другим людям, не заслуживают оправдания. Критики, со своей стороны, отмечают, что существуют и практические вопросы: с чего начинается то, что следует считать подстрекательством, и, что не менее важно, какой смысл вкладывается в понятие «вреда». Можно возразить, что принцип свободы ценен как фундамент, опираясь на который мы можем искать и находить ответы на подобные вопросы.

Конечно, как было показано в главе 14, в нашей жизни и в наших законах есть «серые» области. Однако опасность для нас представляют не критики наших взглядов, пытающиеся порой весьма энергично, но без явной угрозы для нас опровергнуть наши убеждения. Напротив, те, кто терзает наши барабанные перепонки громкой рок-музыкой или сверлящими звуками автомобильных клаксонов, вредят очень многим, а когда доходит до прямых столкновений, страдают все.

Есть еще один вопрос практического характера: следует ли считать оскорбление разновидностью вреда, требующего наказания? Люди могут чувствовать себя оскорбленными всеми доступными средствами, как словесно, так и действием, — начиная с обычного поцелуя на людях, свидетелем которого кто-то невольно стал, до необходимости знать о «девиантном» сексуальном поведении, не говоря уже о разговорах по этому поводу, какие преспокойно ведут при вас ваши ближайшие соседи. Однако чувствовать себя оскорбленным — это все же очень далеко от физического или психологического вреда, который может быть вам причинен. В сущности, мы отделяем нечто оскорбительное для нас от того, что способно явно вредить нам.

Люди нередко чувствуют себя оскорбленными, воспринимая определенные представления как морально ущербные, неверные или непристойные. Оскорблением в таком случае служит косвенный вызов человеческим предрассудкам, а не прямой вред самим людям, и порой подобные вызовы неотделимы от свободы высказываний. Но убеждения людей должны подвергаться критике — и в идеальной ситуации проба убеждений и верований на прочность вносит

в них коррективы или ведет к их соответствующему обоснованию. Сказанное, однако, не означает, что мы вправе отбрасывать, как не заслуживающие внимания, причины возможных обид по отношению к другим людям. Мы не должны быть толстокожими и твердолобыми. Прилюдный секс в общественных местах чреват оскорбительным действием по отношению к окружающим и даже несет в себе нечто противоречащее общественному порядку, однако если проявления сексуальности не происходят публично — вот вам и простое решение проблемы. Да, это простое решение, — но не тогда, когда имеет место секс эксгибиционистского толка. Конечно, есть власти, желающие контролировать все, что творится в тиши частных спален, однако то, что там происходит, — личное дело взрослых граждан, действующих по обоюдному согласию и не вредящих всем прочим. По словам Милля, «налагать ограничения на то, чем люди занимаются частным образом, есть предрасудок и варварство, сохранившиеся с тех времен, когда род человеческий находился в младенческом состоянии».

Особенно чувствительную сферу составляют религиозные убеждения. Даже если признавать, что религиозные верования не могут быть закрыты для общественного осмысления и критического анализа, то нередко звучат и заявления о том, что обращаться с подобными явлениями следует крайне уважительно и серьезно. Если уважительности и глубокого понимания недостаточно, верующие заявляют, что оскорблены, и порой утверждают, что в подобных случаях слышат глас Божий, ибо знают, что Он может чувствовать вместе с ними. Данная позиция несколько асимметрична, поскольку многие верующие

считают себя вправе делать вселяющие ужас пророчества о том, что ждет неверующих, однако сами приверженцы той или иной религии всегда готовы ощутить обиду, слыша провокативные суждения или видя карикатуры на их Бога или богов. Опасение породить причины для оскорбления чувств верующих, а также вызвать ответные враждебные действия способно обернуться необъявленной, но действенной самоцензурой, как было в случае, когда некоторые мусульмане сочли себя оскорбленными датскими карикатурами на пророка Мухаммеда.

НЕВЫНОСИМАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ, ИЛИ ГДЕ ПРОЛОЖИТЬ ГРАНИЦЫ ТЕРПИМОСТИ?

Толерантность требует наличия государства, которое занимало бы нейтральную позицию, оставаясь в роли своего рода модератора различных «экспериментов жизни». Нейтральное государство должно действовать скорее как инспектор манежа в цирке, находя место для выступления самых разных людей, реализующих себя перед всеми, но не как дирижер оркестра, требующий от всех участников играть по одним нотам. Правда, нейтральность основной позиции не подразумевает неспособности различать базовые ценности. Одной из этих ценностей является толерантность, среди других — требование следовать закону, запрещающему вредить друг другу. Обе эти ценности в некотором смысле противоположны. Есть и другие ценности, включая необходимость использования определенных ресурсов в целях социальной защиты и обеспечения возможности получения образования. Благодаря существованию подобных ценностей граждане обретают основу для реализации

своих способностей — и шанс для осуществления своих «экспериментов жизни».

Высокой ценностью обладает также и право на самоуправление, и многие из нас действительно с уважением относятся к праву других свободно выражать свои взгляды — даже если взгляды эти не отличаются терпимостью, но связаны с тем, как люди представляют себе важнейшие вопросы жизни, понимаемые как моральный долг. Однако нам вновь приходится обращаться к весьма противоречивому вопросу о том, как далеко нам следует заходить, проявляя терпимость к идеям, побуждающим людей соглашаться на существование, весьма далекое от процветания. Мы как будто спотыкаемся на ровном месте, когда спрашиваем себя, обязаны ли мы быть терпимы к требованиям, согласно которым женщин принуждают носить чадру, а от мужчин ожидают всего, кроме толерантности. Возможно, нам следует распространять нашу терпимость на людей, выражающих собственные нетолерантные взгляды, только тогда, когда у нас появятся веские причины полагать, что проявляемая нами терпимость ведет к отказу от подобных взглядов, а не способствует распространению таковых. Иначе говоря, не исключено, что нам необходимо определить границы нашей беззаботной толерантности или, по крайней мере, добиться того, чтобы недопустимые воззрения встречали в нашем обществе весомые и хорошо обоснованные возражения.

Опасности слишком мягкого отношения к выражению нетолерантных взглядов лежат на одной чаше весов, а на другой — последствия, которые могут быть вызваны запретительными мерами. Кроме того, нам следует принимать во внимание и учитывать такие ценности, как самоопределение, социальное

обеспечение, общественное согласие, справедливость и так далее. Умение взвесить все составляющие и получить ясный результат — это вам не точная наука и не изящные искусства. Это, позволю себе заметить, нечто бесконечно запутанное. Как ни парадоксально, но высшее проявление толерантности по отношению к большинству воззрений, далеких от всякой толерантности, находит наиболее полное воплощение в нашей уверенности, что, в сущности, нетерпимость — бессильна. А иначе как можно брать на себя риск проявлять терпимость в отношении того, что исполнено нетерпимости?

И наконец, мы снова обратимся к благоразумному и рационально мыслящему, вдумчивому и глубоко озабоченному тем, что открылось его пониманию, Джону Стюарту Миллю:

Единственная свобода, заслуживающая своего имени, заключается в том, что мы вольны стремиться к обретению собственного благосостояния, следуя своим путем, сколько нам требуется, при условии, что мы не пытаемся отбирать добро у других и не мешаем им в их попытках приобрести его*.

---

* Милль Дж. О свободе.

КАК НЕ СТАТЬ ТРЕХНОГОЙ ЛЯГУШКОЙ В МИРЕ МОРАЛИ, ГДЕ НУЖНО ТВЕРДО СТОЯТЬ НА ВСЕХ ЧЕТЫРЕХ?

«Все в мире относительно» — так нередко мямлят в ответ в порядке извинения. Мы что-то слышали о каких-то жутких законах, применяемых где-то там, вдали от нас, и готовы как будто поддаться мысли о том, что законы эти, дурные во всем для нас, в чем-то хороши для местного населения. «Все в мире относительно» — убаюкивающая мантра, да и мы, в конце концов, так часто не можем прийти к согласию насчет того, что правильно, а что нет. Иные мыслители готовы доказывать, что всякая истина относительна. И мысль, увлекающая нас следовать в данном направлении, проста: все теории, используемые нами в объяснение чего-либо, суть обычные мирские представления, созданные самими людьми. Ну да, а чем еще могут быть наши теории? Однако если положиться на подобную аргументацию, то окажется, что все утверждения допускают интерпретацию, а всякое истолкование можно обосновать, как и любое другое.

ЧТО ИСТИННО ДЛЯ ВАС, ТО ЛОЖНО ДЛЯ МЕНЯ

Когда Билл спорит с Беном, они могут попытаться прийти к решению, согласившись: «То, что ты говоришь, истинно для тебя, но ложно для меня». И между спорщиками как будто воцаряется мир, потому

что суждение, бывшее в процессе дискуссии одним и тем же, теперь разбивается на два: одно выражает представления Билла, а второе — Бена. На том они и поладят. Однако языковые формы могут вводить в заблуждение. Для большей ясности суждения Билла и Бена можно рассмотреть снова, и окажется, что они относительны для говорящих. Таков был подход Протагора из Абдера, греческого философа и софиста, жившего в V веке до н. э. Истину он рассматривал как нечто относящееся только к человеческим существам:

Человек есть мерило всех вещей существующих в той мере, в какой они существуют, и не существующих в той мере, в какой они не существуют.

Тем не менее как нам применить на деле релятивистский подход в целом?

Билл говорит, что

виски приятная вещь

война — это зло

трава и небо отличаются

в цвете

никто не спит

Бен говорит, что...

виски противная вещь

война — это может быть правильно

трава и небо — одно и то же

цветной (окрашенный)

по крайней мере один спит

Насколько приемлемо рассматривать вышеприведенное обсуждение как релятивистский материал? В конце концов, некоторые релятивисты распространяют свою теорию на все, без исключения, суждения.

Что касается дегустации виски, то примирить Билла с Беном будет легко. То, что кажется замечательным

на вкус для Билла, вполне может быть отвратительным на вкус для Бена. Большую дискуссию на предмет того, приятен вкус виски или противен, не развернешь. Мы просто проверим, какой смысл можно вложить в высказывание «Билл любит виски, а Бен нет». В случае с примерами со «спящими» релятивизм тоже едва ли очень к месту. Нет ничего относительного в том, что в комнате кто-то спит или не спит никто. То есть либо суждения подобного рода истинны, либо ложны. Разумеется, некоторое затруднение способен вызвать вопрос, действительно ли кто-то находится в спящем состоянии или нет, но это уже другая проблема. Когда люди в гневе говорят «Ну, это верно для тебя, но не для меня», мы должны понимать, что обычно подразумевается «Ты в это веришь, а я нет». Билл верит, что нечто является истинным, а Бен верит, что все обстоит как раз наоборот, однако в любом случае истина суждения не несет в себе ничего релятивистского.

А теперь обратимся к примеру с цветом. Окружающее может в большей или меньшей мере распознаваться по-разному. Тот, кто не различает цвета, воспринимает их более грубо и приблизительно, чем все остальные. Если цвета различаются, то различие между ними существует в реальности, пусть даже кто-то и не улавливает его. Разумеется, в данной связи возникают и другие вопросы, касающиеся, в частности, того, должны ли мы, существа, обладающие сознанием, видеть в цветах нечто отделенное друг от друга. В связи с приятным на вкус напитком или противным подобные вопросы не нужны. Некие объекты не могут быть приятными или противными в отрыве от вкусовых ощущений тех, кто напитки пробует.

ЧЕЛОВЕК ЕСТЬ МЕРА ВСЕХ ВЕЩЕЙ?

Протагор яростно спорил с Сократом, все ли истинное относительно. Как мы уже отмечали, Протагор заявлял, что да, все относительно, — и это тоже по своему относительно, не так ли. Но не можем ли мы тем не менее обратить внимание того, кто настаивает, что всякая истина относительна, на простую вещь: когда бы люди ни говорили, что p истинно, они в действительности утверждают, что p истинно для них самих? В данной связи мы можем сразу же усомниться в непротиворечивости этого суждения, если исходить из того, что истинность его смысла должна быть приложима и к самому суждению. Положим, Протагор утверждает: то, что все относительно, — есть объективная (не релятивистская) истина. Однако в таком случае получается, что он противоречит себе, если только он не подразумевает все истины сразу за исключением одной-единственной — что все относительно. Но если мы можем ухватиться за нерелятивистскую истину в одном случае, почему мы не можем двинуться в этом же направлении далее? Конечно, Протагор может иметь в виду, что его суждение верно *только для него самого*, но коли так, то почему мы обязаны принимать это суждение без дальнейших вопросов, если оно истинно лишь для того, кто его высказал?

Если вернуться к виски, то все было относительно, пока мы решали, приятен этот напиток на вкус или противен, однако объективная истина заключается в том, что Биллу вкус виски нравится, а Бену нет. Если следовать логике Протагора, то любое его суждение истинно для него, но, кажется, здесь кроется еще один смысл (как в случае с Биллом, которому нравится виски) — еще один объективный факт: есть нечто

такое, что является истинным для Протагора. Далее. Чтобы Протагор мог облечь в слова свою мысль и донести до нас, он должен исходить также и из того, что существует общий для обеих сторон язык — и сие есть истина, и на этом ставим точку. Мы можем также спросить себя, каким образом кто-то может добиться успеха в жизни, допуская для себя истинность того, что он способен летать, ходить по воде аки посуху и превращаться во что угодно. Если все это — не более чем различие мнений, то, возможно, релятивистам стоило бы попробовать устроить жизнь с опорой на подобного рода мнения.

САМ ЖИВИ И ДРУГИМ НЕ МЕШАЙ?

Релятивизм по-своему привлекателен, когда мы оказываемся во власти ценностных суждений — например, в области морали или красоты. Давайте рассмотрим, что в данной связи относится к морали, а к красоте обратимся к главе 33.

Некоторые люди — как правило, социологи и антропологи, сторонники «культурного релятивизма» — доказывают, что основы морали не являются абсолютными, но обретают смысл в отношении к культуре, праву (законам) и религии. Например, побивание камнями прелюбодейки и требование к женщинам скрывать на людях лицо — это правильно в исламской культуре Ирана, однако неправильно в нашей. Высшая мера наказания в виде смертной казни — это правильно в культуре Соединенных Штатов, но неправильно в странах современной Европы. И так далее и тому подобное. Но замечу еще раз — мы сталкиваемся с дилеммой рекурсивной ссылки: если мы признаем, что все суждения на предмет морали относительны, то нам не обойти тот факт, что само

данное высказывание — суждение о морали. А теперь — следствие. С одной стороны, если релятивист в области морали стоит на том, что все суждения о морали относительны, то, следовательно, и само его суждение также должно иметь релятивистский характер, так почему мы должны придавать этому суждению значение? С другой стороны, если утверждение «все рассуждения о морали относительны» выступает в роли объективной истины, то мы получаем противоречие.

Может быть, нам стоило бы воспринимать релятивистов от морали как тех, кто с воодушевлением представляет определенный подход к морали, когда уместно лишь пожать плечами и молвить: «Это только ваше мнение». Такая манера заразительна, и релятивисты могут быть довольны. Разве они — не серьезные люди, верные сторонники толерантности, выраженной словами «живи и другим не мешай»? Тем не менее толерантность и моральный релятивизм принципиально различаются. Толерантность вовсе не требует приверженности сумасшедшей идее, что все моральные рассуждения относительны — «для тебя это верно, а для другого нет». Тем более сюда не вписывается и еще более дикая идея о том, любая истина относительна. Будь все именно так, то не нашлось бы основательной аргументации в доказательство того, что наш моральный долг — быть терпимыми. Если моральные истины относительны, то и вопрос о толерантности человека приводит к весьма относительному ответу. И конечно, отсюда не следует, что мы не должны вмешиваться в дела Ирана или Соединенных Штатов под предлогом сохранения объективности. Нам следует иметь в виду, что релятивизм может с той же легкостью

допускать нетолерантность, как и утверждать толерантность.

Мораль часто рассматривается как нечто относительное и «вкусное», поскольку различия в суждениях морального толка порой высказываются без исследования, на чьей стороне в действительности правда. Важно понимать, как в разные времена и в различных обществах торжествуют определенные ценности и как изменяются представления о целомудрии, самопожертвовании и чести. Как следствие, некоторые философы, эмотивисты, видят в моральных требованиях субъективные проявления одобрения или неодобрения — как своего рода «ура!» или «фу-у!» Однако в действительности ни «ура!», ни «фу-у!» не являются сами по себе ни истинными, ни ложными.

Однако мы не должны с легкостью внимать голосам сладкоречивых сирен, навевающих мысли о великих различиях, характерных для моральных взглядов. Да, существует немало моральных дилемм, но они часто возникают на почве уже сложившихся принципов и всеобщих человеческих потребностей. Большая часть людей в большинстве обществ безоговорочно признают, что обещания следует выполнять и невиновных нельзя убивать, а честность нужна всем. Проблемы появляются в других случаях. Например, если сдержать обещание, то чья-то жизнь может оказаться в опасности, — так какой принцип выбрать в первую очередь?

Какой принцип заслуживает приоритетного значения — это зависит от обстоятельств, и в данной связи возможны варианты. В порядке аналогии, допустим, нам нужно возвести в квадрат некое число. Если применить эту операцию к числу 3, то мы получим 9,

а если к 4, то в результате будет 16. Одно дело, когда стремление к всеобщему благосостоянию требует в бедной стране снижения уровня свободы слова, и совсем другое, когда все происходит в богатой стране, — согласитесь, приоритеты меняются местами.

«ВСЕ РАЗРЕШЕНО»?

Когда вопросы морали критикуют за их «относительность», звучат заявления, что фактически мы действуем импульсивно в интересах нашей личной выгоды. Конечно, если все в области морали считать относительным, то в отношении нашего поведения не останется ничего, что мы сами должны были бы считать объективным с позиций нашего долга. В главе 31 мы оценим, насколько и всегда ли наши поступки мотивированы своекорыстием, но пока мы сосредоточим внимание на вопросе, можем ли мы выбирать свои нравственные ценности.

Если провозглашается, что «все разрешено», то обусловлены ли наши побуждения личной выгодой или чем-то еще? Подобное направление мыслей часто обнаруживает себя, если отрицается существование Бога. Таковы размышления Жан-Поля Сартра, переплетающиеся с идеями французского экзистенциализма. И в этих же словах — «все разрешено» — смысл позиции Ивана Карамазова в романе Достоевского. Однако верна ли эта линия мыслей? В основе рассуждений — предположение, что Бог, и только Он, может быть источником моральных ценностей. И предположение это есть краеугольный камень теории морали как Божественного Повеления. Хотя такое понимание имеет своих сторонников, оно наталкивается на трудноразрешимую дилемму. В мир философии эта дилемма попала благодаря диалогу Платона

«Евтифон», хотя это произведение и посвящено скорее благочестию и тому, что боги любят, чем морали и тому, что они приказывают.

Дилемма, о которой мы говорим, находит выражение в вопросе: велит ли нам Бог творить добро потому, что оно есть добро, или же благо есть благо потому, что вершится по Воле Его? Попробуем сформулировать конкретнее: вероятно, все мы согласимся с тем, что мучить невинных детей — аморальное зло. А теперь вопрос: пытка подобного рода есть зло, потому что Бог воспрещает ее, или Бог воспрещает ее, потому что она есть зло? Если верно второе предположение, то порочность того или иного деяния не зависит от запрета со стороны Бога. Таким образом, можно утверждать, что Бог не является чем-то незаменимым при определении моральности или аморальности. Но если пытки детей есть зло лишь потому, что Бог воспрещает такие действия, то, вероятно, нам следует признать, что все запрещаемое Богом дурно, а все разрешаемое им — только во благо. Но вот пример из жизни: многие религиозные люди убеждены, что гомосексуальные отношения запрещает сам Бог. Если эти люди правы, то нам остается лишь заключить, что подобные отношения порочны. Однако же многие люди, не связанные чтением особого рода книг, относимых к разряду *священных писаний*, находят отгалкивающим тот факт, что определенная разновидность сексуальных отношений объявляется чем-то заведомо дурным. Можно возразить, что Бог по природе своей благ и поэтому Он не может отдавать ужасающие веления, такие как требование сжигать ведьм, или убивать вероотступников-мусульман, или объявлять морально предосудительной контрацепцию. Следовательно, нам открывается путь к тому, что можно считать

морально правильным независимо от благочестивых убеждений. Многие атеисты на деле — люди гуманистического характера, и они отнюдь не склонны доказывать, что «все разрешено». Мы сами должны быть открыты переживаниям наших собратьев, сохраняя верность чувству справедливости и постоянству, — вот что гарантирует истинность понимания того, что в моральном смысле правильно, а что нет.

ТРЕХНОГИЕ ЛЯГУШКИ

Если вернуться к релятивизму в его общем виде, то следует заметить, что существуют разные степени и иерархии относительности — и, соответственно, различные возможности реагировать. При рассмотрении универсальных утверждений типа «все это...» самое правильное заключается в том, чтобы установить, относятся ли эти суждения к самим себе, а также определить возможные последствия. Исследуя рекурсивные ссылки, мы ранее интересовались, не будет ли релятивистское заявление таковым и относительно самого себя. Что касается возможных последствий утверждения о том, что все заявления суть не более чем различные мнения, то теряется импульс к их изучению и нелегкой работе по поиску чего-то нового. Правда, не стоит забывать, что исследовательская деятельность помогает делать успешные прогнозы, касающиеся того, что происходит в реальном мире, и, естественно, научные предсказания никак нельзя считать лишь материалом для высказывания тех или иных утверждений.

Но вернемся опять собственно к морали. Если настоящая релятивистская позиция заключает в том, что в объективном отношении «все возможно», значит, ничто не мешает сказать, что любой, кто убивает,

насильничает и мародерствует, ничего особенно дурного не делает, — и на этом месте стоп, больше говорить не о чем. Однако же любой из нас заподозрит, что большинство людей, включая и релятивистов, будут совершенно согласны с тем, что с моральной точки зрения подобные чудовищные деяния — неправильные. И пусть нам только скажут: «Ага, но диктатор Д. творил геноцид» или «Бандит Б. мучил и насиловал невинных школьников». На подобные фразы есть два ответа. Первый: иногда такие диктаторы и бандиты знают, что поступают неправильно. Второй: даже если они глумятся над моралью, смеются над муками своих жертв и издеваются над судьями, то все это еще не служит исчерпывающим доказательством тому, что человеческой природе чужда осознанная нравственность. Даже если и встречаются трехногие лягушки, существование их не в состоянии подорвать истинность того, что лягушечья натура требует наличия именно четырех лапок.

В завершение — последний пример. Студенты частенько бывают склонны к релятивизму в отношении ценностей — дескать, спорное это дело, просто одно мнение против другого, и так далее. Но как же ребята взвиваются, если их великолепные письменные работы удостоиваются низких оценок, а единственным объяснением наставника остается: «Ну да, как вы и говорили — просто расхождение во мнениях».

КАК НЕ ПОПАСТЬ В СЕТИ ВРЕМЕНИ И СОХРАНИТЬ БУДУЩЕЕ, НЕ ТЕРЯЯ ПРОШЛОГО?

Прошлое — это прошлое, а будущее — да, это будущее. И потому существует только настоящее. Но как в таком случае можем мы обладать воспоминаниями и надеждами, если у нас нет прошлого, чтобы его помнить, и будущего, чтобы его предчувствовать? Как справиться нам с мыслью об иллюзорности времени? И как согласиться с тем, что вне времени перемены невозможны? Ведь идея изменений предполагает, что время — это не просто еще одно измерение, подобное пространственному. Конечно, на дискуссии уходит немало времени, но, как острил Сэмюэл Беккет, время все равно не удержат.

ГРАНИЦА

Есть у людей обыкновение говорить, и как будто вполне здраво, что будущее не существует, ну, по крайней мере, пока оно не наступило. И, естественно, прошлое есть прошлое, и потому оно тоже не существует. Иными словами, все, что мы имеем, это настоящее. Только оно реально. Такой вот «презентизм»*. Допустим. Но у нас сразу появляется проблема — что говорить о настоящем? Если настоящее обладает протяженностью, пусть самой малой, то протяженность эта должна включать в себя немного прошлого, или

---

* От *англ.* present — настоящее (время). — *Прим. пер.*

немного будущего, или же немного и того и другого. Однако такие элементы настоящего не являются в действительности частью настоящего: они относятся либо к прошлому, либо к будущему — и в этом смысле не обладают существованием. Рассуждая подобным образом, мы рискуем прийти к выводу, что настоящее тоже не имеет протяженности.

Мы можем заключить, что настоящее — это просто граница между прошлым и будущим. Однако данное умозаключение тоже удовлетворительным никак не признаешь: если прошлое и будущее не существуют, то наша «граница» — это граница между двумя несуществующими временами. Как может существовать граница между двумя элементами, если нет самих элементов, которые поддавались бы разграничению? Более того, а нам-то как существовать, если мы — со всем нашим жизненным опытом и ощущениями — находимся на границе, лишенной всякой ширины?

В подобных рассуждениях что-то явно не так, поэтому давайте рассмотрим одно из типичных возражений, опровергающих вышеизложенное. Смысл опровержения заключается в том, что в равной мере существуют три времени: прошлое, настоящее и будущее. Такую точку зрения иногда обозначают термином «блок-вселенная», а философский подход к проблеме — как этернализм. Настоящее при таком понимании до некоторой степени заходит в прошлое и в будущее, и никаких проблем. И в самом деле, в нашем представлении о мире есть место прошлому. Свет не распространяется мгновенно, следовательно, то, что мы видим, — это отчасти прошлое или, точнее, то, как все обстояло и обстоит в вечности, во вневременном измерении, в прошлом, в настоящем, в будущем.

Но если настоящее и будущее в равной мере обладают существованием, то мы натываемся на новую головоломку или, по крайней мере, на такие следствия наших рассуждений, которые противоречат нашему интуитивному восприятию. Например, привычно представляя себе те или иные события, мы как бы перемещаем их во времени: из будущего в настоящее, а из настоящего в прошлое. Но, как бы мы ни воспринимали события, они не могут корректно отражать реальность, если прошлое, настоящее и будущее равно обладают существованием. Похоже, в этернализме теряется масштаб мысленного охвата изменений. Кроме того, этернализм как будто лишает нас оснований беспокоиться о том, что ждет нас в будущем. Нас страшит, что мы можем не существовать после нашей смерти, но ничуть не пугает, что мы не существовали до своего рождения, — мы говорили об этом в главе 17 в связи с воззрениями Лукреция. Нас тревожат мысли о боли, которую, возможно, предстоит пережить у дантиста завтра, но не заботит боль, пережитая нами вчера.

Когда предполагается, что есть прошлое, настоящее и будущее, это не вовсе не должно означать, что три времени существуют *теперь* — то есть на данном отрезке, не в прошлом и не в будущем. А если бы они существовали подобным образом, то нам бы понадобилось особое время — «супервремя», в котором наши обычные прошлое, настоящее и будущее времена находятся в *особом настоящем*, в настоящем «супервремени». Или, на взгляд этерналиста, все три наших «обычных» времени существуют за пределами времени. Нечто подобное у нас может получиться при работе с числами: $2 + 2 = 4$ — вневременная истина, и почему бы нам не думать, что числа эти существуют,

причем если и существуют, то не обязательно в этом или ином строго определенном времени. Существовать вне времени — вечно* — вовсе не значит обладать существованием сразу во всех временных пластах одного и того же времени. Мы можем обратиться также и к модифицированной версии этернализма — взглянув на «растущую Вселенную». Смысл в том, что, возможно, существуют только прошлое и будущее: поскольку большинство событий следуют в направлении из будущего в прошлое, объем существующего прошлого постоянно растет. Наше «настоящее», следовательно, может несколько «втягиваться» в прошлое. Тут любопытно, в частности, то, что прошлое должно существовать для нас в том же представлении, что и настоящее. Впрочем, чтобы лучше разобраться в природе настоящего, нам необходимо понять, какой смысл мы вкладываем в понятие времени.

ХОД ВРЕМЕНИ

Время течет — по крайней мере, так говорят. Однако трудно представить себе, что время само по себе обладает способностью течь или изменяться. В конце концов, разве не требуется нам «высшее» измерение времени, чтобы уточнить, насколько быстро или медленно течет «основное» время? Говоря о течении времени, мы имеем в виду нечто иное: события приходят и уходят, следуют они в направлении от будущего к прошлому, и притом в определенной последовательности. В нашей беседе о времени мы рассмотрим две серии событий, каждая из которых имеет свои временные характеристики и может быть

---

* Этернализм: от *англ.* eternity — вечность. — *Прим. пер.*

ассоциирована с выражением «ход времени». Появлению двух этих серий мы обязаны Д. Э. Мак-Таггарту, утверждавшему, что время иллюзорно. Не теряя из виду это спорное утверждение, попробуем заняться двумя сериями.

В А-серии события меняют свои временные характеристики — от будущего к настоящему, а затем к прошлому. Вспомните смену сезонов в году. Вишневое деревце просыпается весной — и зацветает. В свое время отцветает, а осенью опадает листва. Еще пример — изменения, происходящие с бабочкой: от яйца к личинке, а от личинки к куколке, а от куколки к бабочке с трепещущими крыльями, — а затем наступит гибель. Мы прибегаем к формату А-серии, когда утверждаем что-либо, прибегая к понятию времени и описывая, что будет происходить или что происходило, как, например, в случае с вишневым деревом или бабочкой. В отличие от пространства, время — измерение изменений, и А-серия позволяет найти выражение этим изменениям. Участок побережья может состоять из нескольких слоев различного цвета, однако цветовые различия сами по себе не являются манифестацией изменений, происшедших с каменной породой. Но вот противоположный пример. Суньте металлическую кочергу темного цвета в сильное пламя, и жар огня заставит раскаленный стержень постепенно краснеть по всей длине.

А-серия приводит нас к другому формату — Б-серии, образуемой последовательностью событий, соотносящихся как «до», «одновременно с...» и «после». В Б-серии рождение и смерть Пёрселла происходят до рождения и смерти Малера, которые случаются до рождения и смерти Бенджамина Бриттена. События, соответствующие формату Б-серии, никогда

не меняют своего порядка. Кажется, что Б-серии не манифестируют изменений: эти серии статичны и принципиально отличаются от А-серий. Таким образом, если изменения реальны, то нам следует рассматривать время в виде А-серий, не полагаясь только на Б-серии. Разберем все подробнее.

РЕАЛЬНОСТЬ НАСТОЯЩЕГО

Презентисты убеждены, что существует только настоящее время. Мы не можем точно сказать, какой смысл они в это вкладывают, поскольку помним, что настоящее время обладает некоторой протяженностью. Но только ли настоящее обладает существованием или же существуют в совокупности прошлое, настоящее и будущее, — какова та реальность, которую следует относить к настоящему? Мы приблизимся к ответу, если выясним, какие качества времени могли бы быть ему свойственны, не будь в нашем мире мыслящих существ.

Будем исходить из того, что когда-то давным-давно во Вселенной не было созданий, способных чувствовать и ощущать. Предположим также, что мы согласимся и с тем, что возможно будущее, в котором не найдется места мыслящим существам, обладающим сознанием. Теперь, если мы как бы открутим пленку обратно, то должны будем признать, что Земля вращалась по своей орбите вокруг Солнца, что деревья рушились, что волны моря подымались и опадали. То есть мы можем применить в данном случае принцип Б-серии, взглядываясь в прошлое: одни события происходили прежде, а другие — после. Однако же — случалось ли что-то в настоящем? Имело ли место «настоящее» в формате А-серий, где одни события принадлежат будущему, но еще не стали настоящим, а другие

события относятся к области прошлого и уже не могут происходить в настоящем?

Те, кто отвечает утвердительно на поставленный выше вопрос, склонны использовать формат А-серий, даже не интересуясь судьбой существ, наделенных сознанием. Акцент при этом на том, что время в сущности своей требует наличия изменений, а перемены заставляют рассматривать события в формате А-серий с соответствующими характеристиками. Применительно к пространству, если отсутствуют в мире мыслящие существа, то нет в нем и такого места, которое обозначалось бы словом «здесь». Зато применительно к времени «сейчас» существует даже в том, кажется, случае, когда нет существ, воспринимающих его как настоящее время.

Что возразят на это те, кто отрицает А-серии? Пожалуй, они смогут толковать об А-сериях — с их временным качеством и представлением о прошлом, настоящем и будущем — как о чем-то относительном: относя события в мире к мыслям или высказываниям воспринимающего. Когда, например, вы скажете, что сейчас светит солнце, весь смысл того, что было произнесено вами, заключается в том, что солнце светит именно тогда, когда вы высказываете суждение, что солнце светит. И ничего иного, что относилось бы к «настоящести», попросту нет. Когда вы принимаетесь, не без оснований, доказывать, что в следующем году нас ждет больше экономического хаоса, то «экономический хаос» в системе ваших доказательств относится к будущему — к «после того». И более ничего из области будущего здесь нет. Этерналисты отрицают, что А-серии способны что-то отражать в реальности независимо от позиции наблюдателей. Время превращается еще в одно

измерение и в определенном смысле — аналогично пространству. Вы, например, говорите, что взрыв произошел *здесь*, но ведь это значит, что вы говорите и о том, что взрыв имел место именно там, где возникло и ваше высказывание. Иными словами, там, где нет наблюдателей, не может быть и никакого «здесь».

ГЛОБАЛЬНЫЕ ЗАМОРОЗКИ

Несмотря на все вышесказанное, мы можем тем не менее утверждать, что изменения действительно существуют, а события во времени поддаются рассмотрению как А-серии. Однако возникает вопрос, требует ли время изменений? Есть ли смысл представлять некие элементы как существующие во времени — так, что время течет, — если не совершается никаких изменений? Может ли время просто уходить, если ничего не случается? Напрашивается ответ: «Нет», — но американский философ Сидней Шумейкер предлагает в данной связи остроумный мысленный эксперимент.

Предположим, что Вселенная состоит из трех зон: А, Б и В. Каждая из зон регулярно на час замерзает, и ничего в этот период времени не меняется, а затем все продолжает идти своим чередом, как и прежде. Хотя периоды замерзания происходят регулярно, они случаются в разное время — в зависимости от зоны. Локальное замерзание легко наблюдать из тех зон, где в это же время замораживания нет. Что, если свет не может вырваться из замороженной зоны и все там погружено в черную тьму?

В зонах Б и В можно заметить, что зона А замерзает в отведенный ей час каждые три года. В зонах А

и В можно заметить, что зона Б замерзает каждые четыре года. А если наблюдать из зон А и Б, то зона В замерзает каждые пять лет. Наблюдая за всеми зонами, ученые могут получить свидетельства в пользу теории, что все три зоны — А, Б и В — регулярно замерзают вместе каждые 60 лет. Каждые 60 лет наступает глобальное похолодание, но время, однако, все равно исчисляется одним часом. Конечно, ученые не могут прямо заявить, что такое глобальное похолодание действительно случается. Они могут противиться теории глобального похолодания, они могут доказывать, что случаются только регулярные локальные похолодания, за исключением только одного 60-го года, но ведь этот год есть случай особый. Приведенный пример демонстрирует, по крайней мере, что возможны свидетельства в пользу периодов глобального похолодания, и было бы вполне разумно признать, что такие периоды существуют. Ну разумеется, полагать, что они происходят в нашем мире, оснований нет никаких.

ОБРАТНО В СОВРЕМЕННОСТЬ

Если только настоящее обладает существованием, то, согласно некоторым мыслителям, остается загадкой, почему мы вообще можем говорить о людях, явлениях и предметах, не находящихся в области настоящего, например о Сократе, Шекспире или Спинозе, а также о том, что относится к сфере будущего, включая такие события, как кометы, катастрофы и коронации. Если этерналисты все же правы, то наше понимание изменений, основанное на здравом смысле, и наше восприятие прошлого будущего как чего-то, в сущности своей отличного от настоящего, — все это в корне ошибочно.

Трудности, с которыми мы столкнулись, намекают на то, что нам требуется свежий взгляд. Согласно общепринятому мнению, если предпосылка верна, то напрашивается и неложный вывод. Ведь это верно, что Платон восхищался Сократом. Что делает истинным это суждение? Презентисты стремятся обрести истину в настоящем. Этерналисты, напротив, убеждены, что сам факт того, что в прошлом Платон восхищался Сократом, обладает таким же существованием, как и ваше, читатель, существование в настоящем, когда в данный момент вы заняты чтением этой книги. Испытывая потребность отвергнуть как первый из описанных подходов, так и второй, мы хотели бы указать на простой момент: предположение, что Платон восхищался Сократом, делает истинным то фактическое положение дел, которое когда-то уже принадлежало настоящему времени, — а именно восхищение, питаемое Платоном по отношению к Сократу. Что делает истинным предположение, что в 2020 году в США состоятся выборы президента? Тот факт, что в течение многих и многих лет президентские выборы в США имели место быть в настоящем.

Но вернемся к вопросу, как не допустить, чтобы нас выжало без остатка настоящее, теряющее свою протяженность и сжимающееся в мгновенное «сейчас». Возможно, мы раскроем загадку, прибегнув к колдовству посредством деления мира на все более и более мелкие абстрактные части. В главе 20 мы уже знакомимся с магией бесконечной делимости. Обсуждая «сейчас» и «настоящее», мы, в зависимости от контекста, держали на уме время различной протяженности. Наше настоящее время — XXI век, но это не значит, что он превратился в единый миг. Слушая, как разворачивается музыкальная тема, мы же не

воспринимаем ее «одномоментно». Прямо сейчас вы читаете данную книгу. Но отсюда не следует, что вы прочитываете книгу, или главу, или фразу, или хотя бы слово так, что время чтения сжимается до одного мгновения. Конечно, мы живем, любим и пылаем страстью в настоящем времени, однако наше настоящее не съезживается в бесконечно малую величину — оно длится, и не без помощи той правды воспоминаний, что когда-то была частью настоящего, и той истины предвосхищения, которая станет частью будущего. И, да, разговоры о времени требуют времени.

КАК ПЕРЕБОРОТЬ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И НАЙТИ СВОЕ МЕСТО В МИРЕ?

Человеческие существа способны демонстрировать разумное поведение — ну, по крайней мере, иногда. Могут думать, разворачивать концепции и судить по опыту о том, что происходит в мире. И, в простоте своей, пристают к шимпанзе и гориллам, свиньям и дельфинам, чтобы исследовать природу их интеллекта и глубину восприятия окружающего. Впрочем, людей влечет и в другом направлении, не менее притягательном для философов. И, следуя в этом направлении, мы приходим к машинам и компьютерам, роботам и автоматам.

ТЕРМОСТАТЫ И КОМПЬЮТЕРЫ, ИГРАЮЩИЕ В ШАХМАТЫ

Люди реагируют на внешний мир — и реакции эти отражают их понимание того, что происходит или может происходить, а также показывают, что хотелось бы видеть происходящим. Понимание, впрочем, может оборачиваться непониманием, а желания бывают глупыми. Однако ошибочны наши мысли или нет, но психологические состояния имеют свою направленность и свойственный им смысл. Скажем, ваши мысли может приковать к себе человек, сидящий на подоконнике, а смысловое содержание их: либо — «Не прыгай!», либо, даже наоборот, — «Прыгай!»

Некая особа выглядывает из окна и всматривается в темную тучу. Через несколько минут дама выходит

из дому, прихватив с собой зонтик. Мы, наблюдатели, делаем вывод: она предположила, что пойдет дождь, и не желает вымокнуть. У нее есть чувство реальности, и она знает, что делать ввиду возможных последствий. И мы в самом деле понимаем, что именно понимает она, хотя можем и ошибаться на этот счет. Возможно, она предполагает, что вскоре покажется солнце, и зонтик ей нужен для защиты от его лучей. Иными словами, мы наблюдали некие телесные движения, обусловленные тем, что происходило в окружающей среде, и мы интерпретировали эти действия как сознательные — как проявления разумного поведения. Иное дело термостаты. Они тоже реагируют на происходящее в окружающей среде, но мы ничуть не склонны наделять эти устройства разумностью. Термостаты не судят о температуре в том или ином месте и не размышляют на эту тему. У термостатов не возникает желания поддерживать определенную температуру, включая или выключая отопление. Когда что-то в работе термостата нарушается и в помещении становится слишком тепло, это нас сердит, но никто, конечно, не думает, что оборудование чего-то недопонимает.

Ну ладно, термостаты — устройства проще некуда. Но вот вам компьютер, играющий в шахматы: он способен реагировать на самые разные ситуации и добиваться победы даже в борьбе с настоящими гроссмейстерами. Тем не менее мы не без оснований сомневаемся, действительно ли компьютер понимает шахматную игру, способен строить предположения относительно положения на доске и стремиться к выигрышу. Возможно, компьютер, играющий в шахматы, — тоже не слишком сложное устройство. Возникает вопрос: как должна вести себя машина, чтобы мы

поверили — она понимает, что происходит, обладая целеполаганием и собственными устремлениями? По каким признакам можно судить, что машина — «разумна», что у нее есть искусственный интеллект?

Решение предложил Алан Тьюринг — британский математик, взломавший код «Энигмы», и милый человек, доведенный впоследствии до самоубийства репрессивным законодательством, направленным против гомосексуализма. Допустим, компьютер или, если угодно, термостат оказался способен вести беседы с людьми и в конце концов смог выступать в роли человеческого существа. Это значит, что умная машина должна обладать таким же интеллектом, как и ее собеседники. Если пойти дальше Тьюринга, то, возможно, обнаружится, что компьютеру дано делать предположения и обладать собственными желаниями, а если шагнуть дальше в наших рассуждениях, то именно так все и должно быть в подобных случаях. Разумеется, мы исходим из того, что компьютер остается для нас невидимым — в противном случае игра не может состояться. Нам необходимо также наложить запрет на наши разговоры с машиной, чтобы мы не вывели ее прочие ее секреты, когда компьютер, скажем, требует смазки (или что там еще ему может понадобиться), — однако мы должны оставить за собой право сообщать, какая шахматная фигура делает очередной ход.

Вышеописанное в примерном виде передает идею теста Тьюринга: одни и те же вопросы получают партнеры А и Б, оба невидимые, но один — разумное человеческое существо, а другой — компьютер. Если по ответам обоих мы не сможем определить, кто есть кто, то нам остается только признать, что машина обладает интеллектом, как и человек. Если же к такому выводу мы не придем, то нам останется только

испытывать чувство вины за превосходство биологии над кремниевыми чипами, быть своего рода биошовинистами. Вот что писал сам Тьюринг:

Компьютеры постоянно меня изумляют... Машина заслуживает того, чтобы называться умной, если способна ввести в заблуждение человека, заставив поверить тому, что она разумна.

Итак, согласно защитникам искусственного интеллекта, если машина, манипулируя символами, проходит тест Тьюринга, вероятно, этого факта достаточно, чтобы показать: компьютеры думают и строят предположения. И слоган получится соответствующий: сознание соотносится с мозгом, как программа — с машиной, с компьютером, с компьютерным «железом».

КИТАЙСКАЯ КОМНАТА

Основываясь на тесте Тьюринга, американец Джон Сёрль предложил мысленный эксперимент, вызвавший множество дискуссий. Происходящее в Китайской комнате Сёрля должно быть, по мысли автора эксперимента, аналогично тому, что происходит, когда мы используем компьютер. Подразумевается, что процессы — аналогичны, независимо от того, насколько «интеллектуальны» наши компьютеры, если только последние манипулируют символами. Для компьютеров и Китайской комнаты предусмотрены три структурные составляющие (а к слову, и для термостата тоже): вход, внутренний процесс и выход. Ниже — аргументация.

Носители китайского языка находятся вне комнаты и время от времени проталкивают под дверь листки бумаги с китайскими иероглифами. Давайте назовем эти записки «приглашениями» (к диалогу). В комнате

находится англичанин, не знающий китайского языка. Назовем его «затворник». Наш затворник собирает в корзины записки на китайском, просунутые к нему под дверь, или систематизирует их, распределяя по папочкам-файлам. В его распоряжении книга правил — составленная на английском и очень всесторонняя в том смысле, что описывает, как отвечать на «приглашения»: какие символы и в каком порядке сочетать в зависимости от того, какие и каким образом размещены на записках иероглифы. Эти «ответы» формируют то, что на выходе. По мере того как «приглашения» поступают внутрь комнаты, «затворник» обращается к книге правил, роется в корзинах и просматривает папочки, а затем находит иероглифы, необходимые для ответа.

Люди по ту сторону двери, владеющие китайским, получают «реплики» изнутри, имеющие определенный смысл как ответы на «приглашения», и находятся под сильным впечатлением от происходящего. «Приглашения» могут быть обычными простыми вопросами о том, что и как устроено в мире, или касаться какой-нибудь истории (рассказанной на китайском, разумеется), а иногда они представляют собой некие размышления на политические темы. Что принципиально — по крайней мере для Сёрля, — так это то, что «затворник» не понимает китайского, как не понимает также ни смысла «приглашений», по содержания собственных «ответов». «Затворник» просто оперирует символами в соответствии с определенными правилами — работает с синтаксисом, но не владеет пониманием, что означают словесные конструкции, то есть остается вне поля семантики.

Любой «затворник» в Китайской комнате может пройти тест Тьюринга на понимание китайского языка, однако ясно, что понимания этого у тестируемого

нет. Если мы согласимся с таким умозаключением, то должны будем также признать, что компьютерные программы, производящие действия посредством только манипулирования символами, — какими бы ни были особенности машинной архитектуры, и даже при том что адресат получает ответы, имеющие для него смысл, — компьютерные программы тем не менее сами по себе ничего не смыслят в том, что делают: они не имеют доступа к смыслу передаваемых сообщений и не понимают, о чем при их непосредственном участии идет речь. Манипулирование символами — еще не все, что требуется для смыслового процесса, для интеллекта в действии.

А ЧТО, ЕСЛИ «ДУМАЕТ» КОМНАТА?

Сюжет Китайской комнаты построен так, что основное внимание приходится на того, кто в ней находится, на «затворника». Он не знает китайского, однако из этого еще не следует, что китайского не знает и комбинация, включающая «затворника», книгу правил, возможные «приглашения» и корзины «ответов». Эта мысль наводит на дерзкое предположение, что китайским могут владеть комната и ее содержимое в целом. Однако и на это есть что возразить. Допустим, у «затворника» потрясающая память: он держит в голове книгу правил со всеми деталями и подробностями, а также все иероглифы в корзинах и папках-файлах. Иными словами, вся информация, заключенная в символических знаках, находится в полном распоряжении «затворника» — и как только поступает «приглашение», он пишет «ответ», руководствуясь книгой правил. Однако еще раз: мы со всей уверенностью должны заметить, что «затворник» не понимает ничего из того, что поступает к нему как

очередной информационный запрос, и ничего из того, что содержит его «ответ».

Но вот очередная смелая идея: «затворник» выступает в роли комнаты. Не побоимся утверждать, что он знает китайский язык, но не может реализовать свое знание. Смелое предположение, конечно, да вот правды в нем нет. Почему мы должны поверить, что он обладает пониманием китайского языка, но о том не ведает? Если, не гнушаясь здравого смысла, предположить, что чье-то понимание воплощается в действительности, то нам требуется нечто большее, чем просто распространение символов, не так ли? Однако в основном Китайскую комнату Сёрля критикуют за то, что она предлагает нам упрощенное представление о происходящем. В этом смысле модель Сёрля не более интересна, чем компьютер, обученный шахматной игре. Стоит нам нарастить сложность системы, и мы интуитивно начнем испытывать сомнения в том, а так ли «очевидно, что “затворник” не знает».

По мере существенного усложнения системы у нее могут появляться новые качества. Хороший пример в этом смысле дает куча песка. До тех пор пока она не достигает определенного размера, куча эта остается статичной. Однако в определенный момент равновесие сил нарушается: стоит только добавить немного песчинок — и нам предстоит обнаружить себя под лавиной сыплющегося песка. Усложнение системы привело к тому, что у нее вдруг появилось такое качество, как динамизм. Продолжая рассуждать в том же направлении и сохраняя ту же аналогию с песком, можно будет предположить, что если заметно нарастить объем корзины с иероглифами и усложнить содержание книги правил, то не исключено, что система начнет понимать происходящие в ней процессы.

ПРИГЛАСИМ «ЗАТВОРНИКА» НА ТАНЕЦ?

Есть ли у нас относительно веские причины полагать, что понимание в том смысле, в котором мы рассматривали его выше, действительно возможно и является не более чем манипуляцией символами? Ответить положительно все же решительно невозможно, даже если мы говорим исключительно о манипуляции символами, сколь бы сложной она ни была. Давайте выясним, почему в данном случае нельзя сказать «да». Вернемся к «затворнику». Знакомство с Китайской комнатой сначала побуждало нас искать ответы на интересующие нас вопросы, не принимая во внимание поведенческие последствия, которые могли бы повлиять на выдачу иероглифов изнутри наружу. Когда система находится в таком изолированном состоянии, что и наш «затворник», мы имеем дело со стилем поведения, как у компьютера, «не думающего» ни о чем, кроме игры в шахматы, или нечто еще более минималистское вроде термостата. То есть нет никаких резонов допускать даже мысль о каком-то понимании.

Предположим, однако, что «приглашения», попадающие в Китайскую комнату, — это приглашения пойти потанцевать, отобедать на следующей неделе, наслаждаясь хорошим вином и едой, или даже оказаться вечером с кем-то в одной постели. И предположим, что книга правил — та же самая, но теперь она становится исключительно занимательной книгой правил — по-прежнему инструктирует нас, как отвечать, иногда говоря «да», а иногда «нет», да еще с различными уточнениями насчет места и времени. «Затворник» отвечает на приглашения, но понятия не имеет, что они значат. Если он сумеет сделать правильный выбор, не лишив себя танцев или обеда, аэропорта

или постели на двоих, то такое везение можно будет объяснить только интуитивной способностью неожиданно совершать счастливые открытия. Если же «затворник» окажется способен понимать, что именно он говорит, то он должен и поступать затем соответственной — или, по крайней мере, отдавать себе отчет в том, что не собирается делать чего-то из того, на что ранее согласился. Однако же он не имеет ни малейшего представления о том, что сообщает, и не осознаёт, что вводит в заблуждение свою аудиторию. Прежде чем допустить возможность любого правдоподобия в отношении предположения, что «затворник» владеет китайским языком, необходимо связать манипулирование символами посредством искусственного «разума» с соответствующим поведением. Данная идея, разумеется, подводит нас к вопросу о природе подобной связи, хотя мы и обязаны отсечь предположения спекулятивного свойства о том, что все возрастающая сложность манипулирования символами способна породить соответствующие действия. Эта спекулятивность становится совершенно очевидной, если мы сопоставим «интеллект» настольного офисного компьютера или лязгающего робота с мышлением человека, разумно решающего, стоит ли ему отправляться поплавать в открытое море.

ЗНАТЬ КАК...

Разумение, свойственное человеку, или его интеллект, требует знать, как обращаться с окружающим, и это «ноу-хау» есть неотъемлемая часть наших концептуальных представлений. Знание, как кататься на велосипеде, или как плавать, или как ласкать любимого или любимую, — все это не только, и не просто дело нескольких инструктивных предложений,

в которых утверждается, что вы должны сделать то-то и то-то, а затем еще то-то и то-то. Получить ин-структивные сведения для приложения во внешнем мире, скажем, для того чтобы научиться кататься на велосипеде или плавать брассом, — это еще не гаран-тия, что вы действительно будете знать, как кататься на велосипеде или плавать брассом, или даже научи-тесь ласкать грудь любимой*. Более того, множество представлений, используемых нами ежедневно, тре-буют понимания и того, что значит жить жизнью че-ловеческого существа, находя одни вещи прекрасны-ми, а другие возмутительными.

Подумайте, в чем заключается смысл «кровати». Наше представление о ней требует понимания того, что значит чувствовать себя уставшим, или каким об-разом использовать для спанья диван или даже пол, или служит ли нам кровать в качестве предмета об-становки. Ну и так далее. Похоже, понимание — всей определенностью — подразумевает и знание нашей биологической природы и осознание того факта, что в общении с окружающим миром мы о чем-то мечтаем и чего-то боимся. Только так мы можем быть чем-то большим, чем термостаты, и только так мы способ-ны выйти за пределы «искусственного интеллекта». Возможно, концептуальное представление о пони-мании как о самовозникающем свойстве неотделимо от того, о чем мы вели речь в этой главе. Понимание появляется в процессе бесконечно усложняющего-ся взаимодействия между нами и миром. Каждый из нас — часть его «обстановки», захваченная общим движением, но и движущаяся самостоятельно.

---

* В оригинале игра слов. *Do the breast stroke* — плавать брассом, *caress the lover's breasts* — ласкать грудь любимой. — Прим. пер.

КАК ВВЕСТИ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ САМОГО СЕБЯ, ЗАБЫВ О СОБСТВЕННОЙ РУКЕ?

Когда я ввожу вас в заблуждение, то я — знаю, а вы — нет. Но когда я заблуждаюсь сам, то — знаю и — не знаю одновременно, что явно противоречиво. Тем не менее самообман — вещь реальная или таковой кажется. Любящий человек может замечать тревожные сигналы, свидетельствующие о том, что партнер или партнерша завели роман на стороне, но ему приходится закрывать на это глаза, не зная, как по-другому справиться с ситуацией. И напротив, можно знать, что партнер хранит верность, но, с ревностью в сердце, «видеть» признаки измены. Так как же философия рассматривает подобные психологические состояния?

ДАМА ИГРАЕТ РОЛЬ...

Молодая женщина настроена романтически и желает, чтобы ее спутник вспылал к ней нежными чувствами. Дело происходит в кафе, и мужчина впервые берет ее за руку. Юная дама — интеллектуалка, рассуждает о высоких материях, о философии, о жизни, оставляя свою руку в его руке, как будто ничего не замечая. Ее рука в его руке — для мужчины это знак поощрения, хотя дама уверенно «не замечает», где задержалась ее ладонь. Женщина как будто ни к чему не побуждает мужчину — или побуждает? Жан-Поль Сартр видит в этой сцене попытку обмануть себя. В определенном смысле женщина отлично понимает,

что делает, но как бы скрывает фактическую сторону от самой себя. Мы еще вернемся к этой сцене, но прежде рассмотрим, как в большинстве случаев анализировать самообман философским образом. Для простоты остановимся на том, что считать верностью.

Когда дело касается другого человека, обман никакой загадки не составляет. Если Дэниел обманывает Эдварда, это значит, что первый намеренно дурачит второго. Дэн знает, к примеру, что некто (но не он сам) завел романчик с подружкой Эда. Об этом же известно и самому Эду. Однако Дэн красноречиво, напористо и с напускной убежденностью заставляет Эда взглянуть на происходящее иначе. И Эд начинает думать, что все в порядке с ним, с его подружкой и с их отношениями. Эд введен в заблуждение Дэном. Ему суждено однажды прозреть или оставаться одураченным. Жена, постоянно изменяющая мужу, может всю жизнь поддерживать в нем убеждение, что она верна ему в любви.

ЗАГАДКИ САМООБМАНА

Обращаясь снова к вышеописанному примеру, заметим, что самообман как будто превращает Дэна и Эда в одного человека. Эд знает, что его девушка неверна ему, но убеждает себя в обратном. То, о чем он знает, глубоко волнует и расстраивает его, побуждая погружаться в комфортное самоубеждение, противоположное известным ему неприятным фактам.

В этой истории знания не существенны. Самообман может возникать, когда первоначальное психологическое состояние выражает лишь то, что человек готов принять на веру. Эд твердо знает, что подружка ему изменяет, но вследствие переживаемого

им стресса убеждает себя, что на любовном фронте с верностью все в порядке. Конечно, если бы на деле все было хорошо и метания Эда не завершились бы разочарованием в правде происходящего, то заблуждение миновало бы парня, тем не менее он, оставаясь в замешательстве, все же может пытаться уйти от огорчительного предположения к чему-то противоположному и успокоительному в эмоциональном отношении. Фактически сама мысль о возможном обмане способна лишить того, кто ей поддается, душевного покоя и вызвать состояние глубокого горестного переживания. Ревнивец может до некоторой степени отдавать себе отчет в том, что поведение его подруги исполнено искреннего чувства и преданности ему, однако же по неизвестным причинам он настроен видеть все превратно, а затем становится жертвой заблуждения, которому невольно подчинился, и начинает думать, что ему изменяют.

Допустим, есть знание или предположение, и мы обозначим его p . И есть предположение, несущее противоположный смысл, то есть $\text{не-}p$. Так как же p превращается в $\text{не-}p$, а результат всем остальным представляется именно самообманом, завладевшим человеком, а не желаемым, принимаем за действительное, или изменением сознания? При взгляде со стороны можно было сказать, что Эд пытался изгнать из памяти саму мысль о том, что его девушка изменяет. Мы могли видеть, как у Эда застыло лицо, когда он обнаружил странные счета за гостиничный номер или новые серьги своей подруги, или же открыл, что у нее возник интерес к поэзии, однако Эд пытался все это истолковать как вполне невинные проявления — или же просто никогда более о них не упоминал. Так действительно ли Эд вполне осознанно стремился

изгнать из памяти правду о своей подруге? Мог ли он — хотя бы иногда — допустить существование взаимоисключающих предположений на этот счет? Ясно, что Эд понимает — его девушка изменяет, однако же верит тому, что противоположно по смыслу. Или — нам так кажется.

КАК МЫ ВОСПРИНИМАЕМ СВИДЕТЕЛЬСТВА?

Нельзя по собственной воле трактовать, что и как происходит в мире. Нам могут говорить, что только от нас самих зависит, какие нам строить предположения, но в действительности это зависит не от нас, а от того, что и как преподносит нам окружающее. К примеру, вы на сафари в Африке и чувствуете себя беззаботно, но вдруг, оглядывая окрестности, замечаете слона, несущегося в вашу сторону. Вы не можете по собственному выбору отбросить предположение, что по направлению к вам стремительно движется слон. Ваше предположение обусловлено восприятием — в данном случае вы видите атакующего вас слона. Наши предположения — со всей необходимостью — являются предположениями, коренящимися в том, как мы принимаем мир и возможные события в нем. Было бы чистым волшебством, если бы мы были в состоянии умышленно создавать любые предположения, когда бы они нам ни понадобились. Все равно, как если бы мы могли по собственной воле творить картину окружающего, подгоняя его под наши желания. Может быть, такое под силу богам, но — не простым смертным. Наш девиз: предположения да послужат истине. Впрочем, даже эта цель — не без изъяна. Воплощенная в девизе, она подразумевает: если мы верим, что есть p , значит, мы *предрасположены* думать, что p истинно. Но ведь ниоткуда не следует, что p действительно истинно.

Несмотря на все вышесказанное, мы чувствуем, что есть зерно истины и в словах Цезаря: обычно люди охотно верят тому, во что хотят верить. Но нам нет нужды ссылаться на Цезаря. Мы можем поразмыслить над тем, как часто люди покупают газеты, представляющие на суд аудитории именно ту позицию, которую предпочитают поддерживать сами читатели. Сложившиеся у нас представления и подходы отчасти предопределяют, какие свидетельства мы ищем. Если мы выбираем «правильные» факты, подаваемые газетами как свидетельства в пользу неких изменений, то можем обнаружить затем, что и наши предположения изменились. Однако простого изменения того, что мы принимаем на веру, недостаточно, чтобы попасть во власть самообмана. Способность обманывать себя требует большего, а может быть, и меньшего. Почему большего? Потому что люди, готовые обманывать себя, особым образом отбирают для себя те или иные факты, и еще потому, что склонны формировать новые верования. Почему меньшего? Потому что изначально взятое на веру предположение продолжает существовать — как и новое, но уже, как правило, более соответствующее истине.

И еще, когда один человек дурачит другого, у того часто, хотя и не всегда существует подспудное желание быть обманутым. Мы можем беззаботно относиться к некоторым фактам или предпочитать задерживать внимание на одних, пренебрегая другими, и в результате мы неумышленно оказываемся дезинформированными. Модель самообмана чаще формируется в силу неумышленных заблуждений, в которые мы себя вводим, чем чем-то преднамеренным. Модель неумышленного самообмана освобождает нас от необходимости разбираться в том, как человек склонен

дурачить самого себя. Эта модель включает в себя желания, надежды и страхи человека, питающие некоторые мотивы его действий, — и все это побуждает к тому, чтобы факты понимались определенным образом, и приводит в конечном счете к ложным предположениям относительно реальности.

МОТИВЫ ИЛИ НАМЕРЕНИЯ

Эд, как было описано выше, огорчен и подавлен счетами за гостиницу и тому подобным. Они свидетельствуют, что его подруга неверна, и принять это как факт он не в силах. Отчасти непреднамеренно он пытается взглянуть на эти свидетельства по-другому. Возможно, счета принадлежат подруге его девушки — в конце концов, на них нет имени его приятельницы, а «Лесли» может быть и женской фамилией. А серьги — не были ли они куплены давным-давно? Избирательно отбирая и толкуя факты, Эд начинает искренне верить, что все не так плохо. Подобная мотивирующая тяга к самообману не требует связи с осознанными намерениями. В психологическом состоянии, характерном для тех, кого влечет самообман, люди с неподдельной решимостью «переосмысливают» факты и приводят себя к «счастливым» выводам, чтобы отбросить все тревожащие их догадки.

Выше были описано, как люди обычно поддаются под власть самообмана, однако мы можем почувствовать, что бывают и другие случаи, когда некоторые из нас осознанно и намеренно пытаются обманывать самих себя. Интенции, правда, воплощаются в действительность не слишком успешно, если благодаря им человек «переключается» на нечто новое, что можно было бы принять на веру. Напротив, эти же интенции могут оказаться реализованы посредством

медленно и опосредованно работающего механизма, связанного с плохой памятью, гипнозом или даже состоянием наркотического опьянения. Эд может попросить своих друзей помочь ему увериться в любви своей девушки, что бы они об этом ни думали: он внутренне настроен забыть впоследствии, каким образом пришла к нему уверенность в подруге. Классический пример интенции, генерирующей веру, мы найдем в «пари Паскаля».

Паскаль доказывает, что было бы благоразумно для атеиста верить в Бога «на всякий случай». Болезненные переживания от посещения церкви и признания в грехах — ничто в сравнении с бесконечными благами, которые можно получить в награду, или в сравнении с угрозой удостоиться вечного проклятия. Однако рассуждения Паскаля, основанные на рассмотрении вероятностей, несут в себе некоторые изъяны. В конечном счете, в какой религии Бог ищет поддержки у атеиста? Атеиста в «пари Паскаля» приводимая аргументация полностью убеждает, но неверующий ведь не может вот так сразу взять да и переключиться на глубочайшую веру, которой теперь должна быть проникнута его жизнь.

Наш атеист, если ему действительно свойственно подобное благоразумие, может попытаться поставить себя в такие обстоятельства, где желаемая вера, очевидно, будет ему дарована. Возможно, наш атеист даже начнет регулярно ходить в церковь, смешиваясь с верующими, которых уважает, а также читать Священное писание и так далее. Вера заразительна. Можно не сомневаться, он закончит тем, что станет верующим. В этом случае не составляет проблемы и то обстоятельство, что он прежде цинично высчитывал, каким должен быть путь к благочестивой вере.

Каков бы ни был этот путь, искренность новообращенной веры такова, что ее уже ничто не поколеблет. Пути к Богу так многочисленны.

ВРЕМЕННЫЕ РАЗДЕЛЕНИЯ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И «ОСОБО ТРУДНАЯ ПРОБЛЕМА»

В случаях самообмана, описанных выше, дело для заблуждающихся не оканчивается тем, что они остаются наедине с противоречивыми предположениями, в которые они поверили в одно и то же время. Опасность противоречий преодолевается посредством «временного разделения» — проще говоря, то, во что мы поверили, со временем претерпевает изменения. Наступает момент, когда расходятся наши верования и наши действия. Область самообмана сжимается: каким бы образом ни попал в эту ловушку человек, новое предположение заменяет прежнее. Головоломка противоречий поддается под напором желаний, заставляющих искать новые свидетельства или пересматривать старые, к тому же возникает намерение оказаться в иных обстоятельствах, позволяющих искать иные факты. Однако человек готов вновь попадать в тиски самообмана в следующих случаях, заслуживающих нашего рассмотрения. Во-первых, сам человек может стремиться к самообману. Во-вторых, изначальное заблуждение никуда не исчезает, в то время как уже возникло новое. Такое состояние иногда называют «особо трудной проблемой самообмана». В ее основе — интенция, нацеленная на то, чтобы примирить противоречащие друг другу предположения, принятые на веру.

Что ж, мы частенько оказываемся способны цепляться за противоречивые предположения. Нас приводят к противоположным полюсам разные дороги, или,

проще говоря, мы не видим противоречивости того, что приняли на веру. Такое возможно, когда мы утратили возможность ясно и осознанно видеть вещи, противоположные друг другу, а если даже и видим, то не отдаем себе отчета в их противоречивости. Мы можем знать, что такое простое число, однако совершенно сознательно (и тем не менее ошибочно) способны считать таковым число 511. Если суммировать вышесказанное, то Эд может верить, что нечто есть p , и в то же время верить, что нечто есть не- p , хотя, вероятно, оба предположения не могут быть верными в равной мере в одно и то же время. Противоречивость того, что Эд может принимать на веру, не следует путать с тем, что является невозможным: Эд верит, что нечто есть p , и в то же время это не тот случай, когда Эд верит, что нечто не есть p .

«Трудная проблема самообмана» никуда не исчезает. Она берет в плен человека, пасующего перед лицом правды, и заставляет его сознательно оставаться в таком состоянии и жить, охваченным фальшивой, но блаженной верой. Философы, признающие существование «трудной проблемы», ищут возможности смягчить ее влияние на человека, пытаясь разделить на части его психологию. Трехчастное деление предлагал в свое время Платон, а ближе к современности — Фрейд. Однако, даже разделив человеческую психологию на составные части, мы не добьемся того, чтобы «трудная проблема» растворилась. Разделение психологии проявляется, в частности, когда мы спрашиваем себя: какая часть «души», или личности, делает нечто такое, что отделяет ее, эту часть, от другой части? И с какой из частей должен индивидуум идентифицировать себя? Ответить на эти вопросы трудно, и, возможно, в этом кроется причина,

почему многие философы возвращаются к антиинтенциональной психологической модели, видя только в ней мостик к пониманию природы самообмана.

ЛУКАВАЯ ЮНАЯ ЛЕДИ И САРТР

Рассматривая самообман, Сартр сосредоточивает внимание на моральной стороне дела. По его мнению, такой обман — это *mauvaise foi*, дело сомнительное. Возвращаясь к молодой женщине Сартра, о которой мы говорили в начале главы, заметим: что бы там ни было у нее на уме, она не может в своих собственных глазах выглядеть обманщицей. Как замечает Сартр, «проект» *mauvaise foi* должен сам по себе быть *mauvaise foi*. Разумеется, то толкование сцены, которое дает Сартр, не гарантировано от критики с нашей стороны. Что, если юная леди сознательно демонстрирует свой выбор? Ведь если отнять свою руку, это может быть воспринято ее спутником как прямой отказ. Но каким образом нам нужно рассматривать эту сцену, если она подается как воплощение искреннего самообмана? В качестве примера Сартр указывает на подсчет сигарет — вызывающе непolitкорректное поведение в наши дни. Как ни удивительно, но фотографий Сартра, курящего сигарету за сигаретой и изображенного на снимках с сигаретой в руке или во рту, публикуют всё меньше — сигареты эти «стирают». Но все же, считая свои сигареты, Сартр вовсе не нуждался в том, чтобы рефлексировать по этому поводу, даже при том что, спроси его кто-нибудь, и французский писатель немедленно был бы готов дать верный ответ о количестве выкуренного. А теперь вернемся к даме. Она тоже не рефлекситует насчет собственной руки, оставленной в мужской руке, но, спроси мы ее, что она делает, каким

был бы ответ? «Я и не заметила», — отрицала бы она то, что явно замечала.

Отправляясь ко сну, мы, вероятно, делаем это с определенной целью, однако же, если нам хватает мудрости, мы вовсе не склонны рефлексировать по поводу своих намерений. Молодая женщина, несомненно, оставила свою ручку в руке у мужчины не без умысла, однако беседа на возвышенные темы, которую она вела, позволила ей «не заметить» собственных намерений. «Мы заводим себя в состояние *mauvaise foi*, как будто отправляемся ко сну». И в заключение замечу: если эта глава и не смогла объяснить, каким образом мы попадаем во власть преднамеренного самообмана, то, по крайней мере, головоломные вопросы, затронутые в ней, скорее могут пробудить сознание читателей, чем склонить ко сну. То, как мы вводим себя в заблуждение, все еще остается глубокой загадкой.

КАК ПОЛЮБИТЬ ТО, ЧТО НЕ СУЩЕСТВУЕТ, ПРИЧЕМ НЕ СУЩЕСТВУЕТ НИКОГДА?

Могут существовать миры, где свиньи летают, а ваша соседка признаётся в безумной любви к вам, своему соседу. И, возможно, есть миры, где живых существ нет. Говоря о таких мирах, мы заняты исключительно возможностями. Но насколько все это нам нужно для понимания нашего — не возможного в своем существовании, а реального — мира? В конце концов, с какой стати считать релевантными «может быть» и «могло бы быть», если подобные предположения отношения к реальности не имеют и в нее никогда не входили? Забавно и примечательно, впрочем, что само понимание нашего мира зиждется на допущении многих возможностей, хотя иные из них никогда не найдут воплощения в действительности.

УСЛОВНЫЕ СУЖДЕНИЯ, ПОХОД В ОПЕРУ И ВОЗМОЖНОСТЬ НЕ УПУСТИТЬ АВТОБУС

Людмила любит ходить в оперу. Возможно, вы тоже были бы не прочь составить ей компанию, попав в конце недели на ее любимую постановку. Конечно, вам нужно знать, пойдет ли сама Людмила. Или в таком вопросе есть что-то сомнительное? Скажем, Людмила пойдет в оперу, но только в том случае, если вы — нет. Кто знает, как Людмила к вам относится? А то, что вам нужно знать, заключается в следующем: если спросить, можно ли сопровождать ее, отправится ли

она в оперу? Это условное суждение, относящееся к возможному будущему, и вам необходимо понимать, истинно это предположение или нет.

Вы видите, как автобус приближается к остановке. Вы можете подбежать к нему. Ясно, что вам нужно знать, остановится ли автобус. Насколько верно такое предположение? Автобус может притормаживать, чтобы остановиться, но не остановится, если водитель увидит, как вы норовите подбежать к остановке. Он может нажать на педаль акселератора, есть водители подобного сорта. Чтобы сказать, была ли ваша пробежка напрасной, вам нужно знать, остановится ли автобус, если вы устремитесь к остановке, — вот вам другой пример условного суждения, связанного с будущим временем.

Каждый день у нас в ходу бесчисленное множество таких условных суждений. Тем не менее они касаются не просто неких возможностей, но и того, что порой никогда реализуется, не становится частью действительности. Если вернуться к нашим примерам, то не исключено, что вы так и не наберетесь храбрости, чтобы спросить Людмилу, или не станете утруждать себя тем, чтобы подбежать к автобусу. В подобных случаях условия связаны с нереализованными возможностями, и эти условия противоположны тому, чем все оборачивается, — можно сказать, что такие условия *контрдействительны*. Спроси вы Людмилу, могла бы она согласиться? Подбеги вы к автобусу, остановился бы он? Несомненно, на эти вопросы можно дать правильные ответы — те или иные. Допустим, предположение о том, что, спроси вы Людмилу, она бы согласилась, — ложно. Возможно, подбеги вы к автобусу, он бы остановился. А может быть, автобус следовал по маршруту, но остановился бы в случае, если бы вы к нему стремились. Возможно, Людмила

ходит в оперу, но стоило бы вам спросить ее, пойдет ли, и она бы не пошла.

Все эти примеры иллюстрируют ту мысль, что мы, решая, как нам действовать, конечно, пытаемся осмыслить возможное развитие событий, включая и те, что расходятся с фактической стороной происходящего. Похоже, что мы нуждаемся в осмыслении многих контрфактуальных предположений*, определяя для себя, истинны они или ложны, как если бы они имели ценность истины. И мы вправе поинтересоваться, что делает их истинными или ложными, полагая, что эти предположения заслуживают именно такого подхода. И еще нам важно понимать, можем ли утверждать, если действительно можем, ценность каких истин несут они в себе.

ЛУКИ, СТРЕЛЫ И МНОГОЕ ДРУГОЕ

Пока мы не начали крутить туда-сюда мир возможного, углубимся еще на шагок в область контрфактуальных суждений. Гитлер был антисемитом. Сравните: будь Гитлер евреем, он был бы антисемитом. Очевидно, нам положено думать, что контрфактуальные суждения должны оказываться ложными с высокой долей вероятности. Гитлер думал завоевать Европу. Сравните: будь у Гитлера ядерное оружие, он угрожал бы применить его. Мы закономерно подозреваем, что некоторые предположения, не равнозначные суждениям, основанным на фактах, истинны. По контрасту с вышеприведенными примерами мы можем рассмотреть и множество других контрфактуальных суждений, в отношении которых мы не чувствуем

---

* Контрфактуальные — условные предположения или суждения, противоречащие фактам. — *Прим. пер.*

смысловой нити. Будь Гитлер рожденным в Израиле австрийцем нееврейского происхождения, он не был бы антисемитом — или был бы? Будь Юлий Цезарь американским президентом, отдавшим приказ о вторжении в Ирак, Юлий Цезарь прибегнул бы ядерному оружию. Что ж, может быть. А может, и нет: будь Юлий Цезарь американским президентом, он мог ядерному оружию предпочесть луки и стрелы.

Стремясь оценить, насколько условные суждения, расходящиеся с фактами, обладают качеством истинности, мы должны постоянно учитывать их первооснову. В наших предположениях, связанных с Юлием Цезарем, мы опираемся на представление о его жестком характере. Формулируя одно из предположений, мы взглянули на Юлия Цезаря как на американского президента, располагающего ядерным оружием. Применительно к другому предположению мы можем думать, что в распоряжении римлянина имелась только примитивная, по нашим меркам, технология, или же нам просто удобнее думать, что он был настолько верен привычным для него военным средствам, что сам отвергнул бы новомодные ядерные штучки.

Вот еще один пример, совершенно практического свойства. Сильвану поташнивает. Возможно, причиной была клубника. Не съешь она клубники, и не тошнило бы. А может, причина тошноты — бокал шампанского. Не пробуй Сильвана клубники, она все равно чувствовала бы тошноту, — но, не прикоснись девушка к шампанскому, все бы с ней было в порядке.

КЛУБНИКА СИЛЬВАНЫ И МИРЫ, ВОЗМОЖНЫЕ В СВОЕМ СУЩЕСТВОВАНИИ

«Миры возможностей» могут сослужить нам добрую службу в нашем стремлении понять контрфактуаль-

ные суждения. Однако нам необходимо избежать той путаницы, которая случается, когда к делу примешивается обыденность. Знаменитый немецкий философ XVII века Готфрид Лейбниц все возможное соотносил с миром логики и метафизики и предлагал рассматривать возможности соответственно. Мы уже имели дело с Лейбницем, говоря о его принципе тождества неразличимых и касаясь его представления о том, что составляет высший уровень рациональности.

Рассуждая о Вселенной, философы обычно принимают в рассмотрение все, что фактически существует (за исключением только Бога, если речь заходит о творце мироздания). Физики высказывают догадки о существовании других вселенных, недостижимых для нас, но фактически существующих точно так же, как и наша. Вселенная в философском смысле, или мир, в смысловом отношении объемлет все. «Миры возможного» вовсе не совпадают с другими вселенными, которые существуют в реальности и о которых обычно говорят физики. Мы осторожно отмечаем: «обычно» говорят, потому что влиятельный философ Дэвид Льюис убежденно полагал, что возможные миры существуют так же, как и наш собственный. Льюис был реалистом, на многое смотревшим через призму модальности и допускавшим возможность существования миров, населенных нашими двойниками. Получается, что мы должны относиться ко всем возможным в своем существовании мирам именно как к мирам возможным — за исключением одного: того самого, в котором живем, потому что этот мир является не возможным, а действительным.

Во вступлении к книге мы касались вопроса, насколько случайным было избрание президентом США Барака Обамы. Он ведь мог проиграть выборы. И мог

продолжить карьеру не как политик, а как фермер, разводящий свиней. То есть существуют возможные миры, где находится место и для Обамы, но где он не президент, а фермер-свиновод. И есть миры возможного, в которых Обама становится республиканцем, а не демократом. Ну и так далее. Безусловные истины, в противоположность условным, верны во всех возможных мирах. Существуют возможные миры, в которых слово «девятнадцать», не исключено, может указывать на четное число. Тем не менее во всем возможных мирах число 19 есть число нечетное.

А теперь — что придает истинности (допустим, что дело обстоит именно так) предположению, что если бы Сильвана не переела клубники, то и не подташнивало бы ее в настоящее время? Давайте поразмыслим об этих возможных мирах, где Сильвана не поддалась бы искушению съесть слишком много клубники. Очевидно, что должен существовать по крайней мере один такой мир — хотя нет сомнения и в том, что таких миров множество, — и в нем Сильвана устояла бы перед искушением переест клубники и не чувствовала бы затем тошноты. Истинной можно считать мысль о том, что, не злоупотреби Сильвана клубникой, и девушку не тошнило бы: по крайней мере один из возможных миров намного более сходен с миром действительным, чем миры возможные, в которых она не переела клубники, но ее могло поташнивать по иной причине.

РАЗОЧАРОВАНИЕ, КАУЗАЛЬНОСТЬ И ПОРОЧНЫЙ КРУГ

Жизненный опыт подсказывает, что тошноту вызывает скорее избыточное количество клубники, чем бокал шампанского. Конечно, могут существовать

и возможные миры, где природа человеческих существ и клубники настолько отличается от нашей, что никакого вреда уже не будет, однако эти мыслимые миры находятся далеко-далеко от мира реального. Может существовать также и возможный мир, где Сильвана ест не клубнику, а грязь на морском побережье и затем чувствует себя неважно, однако этот мир — еще дальше от того реального, в котором действует Сильвана. Ничто из этих суждений не говорит нам со всей определенностью, по какой причине возникает недомогание девушки. Разговор о «возможных мирах» обладает волнующей силой, но стоит нам задуматься — и мы заметим, что такие миры — красивый образ и нам не проверить на истинность контрфактуальные суждения. Мысль о возможных мирах побуждает нас исследовать, что именно — в принципе — может служить надежным обоснованием наших суждений. Например, законы природы. Да, можно вообразить и мир, в котором Сильвана превращается в клубнику, но как это далеко от нашей действительности с ее законами природы!

Некоторые рассуждения из тех, что представлены выше, могут обернуться порочным кругом. Подумайте над тем, что такое каузальное отношение и как оно отличается, если можно подобным образом формулировать, от каузального отношения. Сильвана чихает, собака рядом лает. Это может быть простым совпадением событий по времени — или же чихание стало причиной того, что в собаке пробудился охотничий пыл. Чтобы причина оказалась связанной с девушкой, истинным, по-видимому, должно быть следующее условие: если бы Сильвана не чихнула, а все прочее, связанное с этим, осталось бы точно таким же, то собаке не было бы причины лаять. Чтобы

определить, какие из возможных миров ближе всего к нашему, нам нужно установить, какие события являются причинно-связанными, а какие — случайными. Тем не менее данное разграничение применительно к контрфактуальным суждениям по-прежнему остается тем, что было навеяно нам образами возможных миров.

ГДЕ ТАИТСЯ КОНТРАФАКТУАЛЬНОСТЬ?

Чтобы уловить смысл А, служащего причиной Б, необходимо понять соответствующую контрфактуальность. Рассмотрим данный случай на общем примере. Во-первых, предположим, что следующее суждение истинно: если происходит А, то происходит и Б. Далее, А происходит, и Б происходит тоже. Это может быть каузальным совпадением. *Post hoc ergo propter hoc* — после этого, значит, по причине этого. Данное утверждение — ложное понимание каузальной последовательности как достаточного основания для вывода о *причинной* последовательности. Во-вторых, нам следует проанализировать контрфактуальное суждение: если А не происходит, то Б тоже не происходит. Предположения, относительно которых не известно, соответствуют они фактам или нет, важны как средство для разграничения чего-то регулярно повторяющегося, но при этом случайного, и того, что соответствует законам природы, ибо явно вплетается в ткань, из которой соткан мир. Поразмыслите над следующим примером: все медные изделия расширяются при нагревании. Звучит как закон природы, не так ли? И как будто отвечает контрфактуальному утверждению: будь это кольцо сделано из меди, оно бы расширялось при нагревании. А теперь, для сравнения, обдумайте следующее. Все монеты

в нашей комнате – медные. Можно ли сделать вывод, что стоит нам поместить в эту комнату данную монету (серебряную), и она должна будет считаться медной? Ясно, что подобное умозаключение ложно, если только комната не обладает волшебной силой превращать все монеты в медные.

Контрфактуальные идеи таятся также в наших представлениях о характерах людей, их настроениях и состоянии знаний. Если Сильване свойственна верность, значит, оказавшись в обстоятельствах, подвергающих ее характер определенным испытаниям, она вела бы себя так, а не иначе. В главе 6 мы видели, что анализ знаний приводит нас к необходимости иметь в них некоторую уверенность. Например, если чьи-то знания обозначить как p – например, София знает, что Стамбул – столица Турции, – то p должно быть стабильно в отношении истинности передаваемого смысла. Как минимум нам нужно знать, насколько p истинно: не будь Стамбул столицей, не могла бы и София поверить, что такое возможно.

Мы рассмотрели, как относиться к тому, что не существует, но обладает лишь возможностью существования, и мы обсудили, могут ли предположения, относительно которых не известно, соответствуют они фактам или нет, обладать ценностью истины. Однако многие философы требуют, чтобы критерии истинности были бы самой истиной. Затем те же философы указывают, что нет ничего, связанного с реальным миром, что могло бы прояснить, истинны ли иные контрфактуальные суждения или нет. Точно так же эти философы указывали на трудности определения критериев истинности применительно к прошлому или будущему временам, как было показано в главе 26. Иными словами, контрфактуальные

суждения должны приниматься или отвергаться не так, чтобы было необходимо непременно определять их как истинные или ложные. Но давайте попробуем совершить неожиданный поворот и вновь вернемся к тому, стоит ли вам беспокоиться насчет того, должны ли вы подбегать к автобусу.

Предположим, вы действительно подбежали к автобусу — и он остановился. А теперь скользните мысленно в ближайший возможный мир, в котором вы ни к какому автобусу не подбегаете. Глядя из того, второго, мира, вы раздумываете, как быть с контрфактуальным суждением: «Если бы я подбежал, то автобус остановился бы». Все выглядит так, как если бы вы рассматривали нечто истинное. Обыгрывая слова Шекспира, «есть в небесах и на земле — как и в мирах возможного — поболее истин, чем явилось бы во снах о философии философу»*.

---

* П. Кейв обыгрывает слова Гамлета: «*There are more things in Heaven and Earth, Horatio, than are dreamt of in your philosophy*». В переводе Н. Полевого: «Есть многое на свете, друг Горацио, / Что и не снилось нашим мудрецам». Или в менее известном теперь, но более точном переводе М. Лозинского: «И в небе и в земле сокрыто больше, / Чем снится вашей мудрости, Горацио». — *Прим. пер.*

КАК НЕ ОСТАТЬСЯ ПРИСМАТРИВАТЬ ЗА ОДЕЖДОЙ, ПРИЗВАВ НА ПОМОЩЬ ЛОГИКУ И РЕГЛАМЕНТ?

Узнать, что Памелу оставили мариноваться, — в этом есть нечто сомнительное, если, конечно, вам неизвестен переносный смысл выражения «мариноваться». На ум может прийти картина, как Памела плавает в ванне с уксусом. И это будет правильно в обоих смыслах*. Помолвка, разумеется, совсем не то, что маринованные овощи**. Наша речь порой может вводить в заблуждение — как и попытки логиков жестко регламентировать язык, сводя его к фиксированным логическим структурам.

НУ И «МАРИНАД»!

Итак, Памела «маринуется» в трудном положении. Но если, узнав об этом, мы решим что-то сделать «ради нее», нам вовсе не следует искать это «ради» как некую сущность вспомогательного значения по отношению к самой Памеле. Гилберт Райл, с которым мы уже встречались в главе 8, рассказывает историю почти столь же тривиальную, как и наш «маринад»

---

* Игра слов. В оригинале — *pickle*, что значит: а) маринад и мариновать(ся), б) попасть в трудные обстоятельства или тяжелое положение. — *Прим. пер.*

** Аналогичный случай: в оригинале — *plights*, что может значить: а) бедственное положение, б) помолвка или, в более широком смысле, обещание или обязательство, требующее выполнения. — *Прим. пер.*

и «ради», однако могущую повлиять на наше понимание происходящего. Посетительница просит показать ей университет, и мы демонстрируем ей главное здание, библиотеку, колледжи, исследовательские лаборатории и многое другое. Увиденное производит на нее сильное впечатление, но все же она спрашивает: «А могу ли я теперь увидеть университет?» По неведению она думает, что университет — это здание в добавление к колледжам, библиотеке и так далее. И таким образом совершает «категориальную ошибку». «Университет» для нее — понятие из того же ряда, что и другие университетские части. Остается только отправиться домой в слезах и на такси — заметьте, еще один пример смешения категорий, как происходило выше с двумя «замаринованными» значениями.

Райл критикует Декарта за отношение к сознанию как в «вещи» — такой же «вещи», как и тело, за исключением того, что первое из двух нематериально. Ранее Витгенштейн уделял особое внимание тем свойствам речи, которые способны вводить в нас заблуждение, — имея в виду, например, ложное восприятие смысла, заключенного в слове «Я» и применяемого в качестве имени. Еще раньше Бертран Рассел анализировал фразы, содержащие такие выражения, как «Золотая гора», «Автор Вселенной» и «Король Франции», отмечая, что они как будто требуют относить их к странной сфере «бытования» — области меньшей, чем существование.

Витгенштейн писал, что философия представляет собой битву с колдовством нашего интеллекта, оружием в которой служит язык. Витгенштейн не имел в виду, что философские вопросы несут тривиальный смысл. Напротив, наш язык выражает наши глубочайшие концептуальные представления и служит отражением нашего отношения к действительности

и нашего образа жизни. Впрочем, языковые несуразности находят свое воплощение и в банальных, хотя по-своему забавных шутках. Барменша спрашивает, чего желает посетитель: «Горькой настойки?» И тот отвечает: «Устал я»*. Иногда имеет значение и последовательность слов, создавая юмористический эффект. Вот характерный пример. «Человек добрел до того, что похоже на бар». Но дружный смех может вызвать простецкое продолжение: «Малый ткнулся в лифчик. У парня дислексия»**. Головоломки философского характера, однако, выходят на первый план, когда мы стремимся точно понять, что именно говорится и какая информация вкладывается в текст с учетом контекста и общепринятых допущений.

БЫВАЕТ, ДАЖЕ ИСТИНА ЛЖЕТ

Зеки услужливо сообщил вам, что кто-то копался в вашем нижнем белье, любовных письмах и запасах шоколада. Ясно, что ваше имущество сохранило следы «набега». Вы поблагодарили Зеки за предупреждение, но позднее поняли, что рылся в вашем имуществе он. Врал ли вам Зеки? Вовсе нет. Подвергнув полученную

* Английское слово *bitter* означает, в частности: а) что-то горькое, б) что-то очень жестокое, непримиримое или горькое в другом смысле — например, жестокую ссору, непримиримую вражду, горькие проклятия. Поэтому обмен репликами между барменшей и клиентом можно прочесть, например, и так: «Это что, наезд?» — «В другой раз, когда отдохну». — *Прим. пер.*

** Исходная фраза: «*Man walks into a bar' ilk*», где *bar' ilk* — «что-то вроде бара». Вторая фраза: «*Man walks into a bra. He was dyslexic*», где *bra* — лифчик, бюстгальтер, а дислексия — расстройство речи, при котором человек не может связно и членораздельно говорить, так как ему трудно складывать из слогов слова и составлять предложения. Вот и превращается *bar* в *bra*, а фраза приобретает иной смысл. — *Прим. пер.*

информацию критическому рассмотрению, вы должны были бы согласиться с тем, что Зеки сказал вам правду: кто-то действительно влезал в ваши вещи. Посредством лжи говорящие порой выдают за правду то, что считают ложным, и норовят обмануть слушателей, навязывая свои суждения. Зеки нельзя прямо назвать «лжецом», поскольку сказанное им являлось правдой и было также воспринято как нечто правдивое, однако ему удалось ввести в заблуждение того, кто его слушал, и, в определенном смысле, обмануть. Различие между ложью и введением в заблуждение основано в данном случае на несовпадении того, что суждение логически несет в себе, и того, что слушатели в конечном счете будут готовы принять на веру. Зеки сказал, что кто-то рылся в ваших вещах. В логическом отношении данное высказывание не подразумевает, что «кто-то» — не Зеки. Если же добавить контекст — Зеки как будто услужливо информировал вас, — то у вас есть основания думать, что самого Зеки винить не в чем. В терминологии, предлагаемой Полом Грайсом, здесь используется разговорная импликатура, намекая, что «кто-то» — не Зеки. Как только мы начинаем принимать во внимание имплицатуры наряду с логическим смыслом суждений, возникает немало сложностей, ибо в «разговорном котле» находится место многому — включая контекст и бэкграунд, а также буквальные и метафорические высказывания, которые нельзя смешивать воедино. «Каждый из нас — не остров» — это верно как в буквальном, так и в метафорическом смысле. Несомненно, в ваших словах может заключаться истинная правда, если вы скажете, что близки к пределу своих возможностей, однако вряд ли это будет столь же правдиво и в буквальном смысле. Фразу «быть на грани краха» нельзя воспринимать буквально, смысл тут — образный.

Философы-логики, стремящиеся внести порядок в язык, предлагают строгую регламентацию структурных основ. Вот простой пример. Комбинация двух посылок — p и q — имеет ту же логическую импликацию, что и обратная комбинация — q и p . Однако при использовании такой регламентации необходимо учитывать и различия, обусловленные природой обыденного языка. Скажем, «Она поплавала и сняла одежду» и «Она сняла одежду и поплавала». Порядок следования компонентов, не имеющий значения для общей регламентации, может предполагать временной порядок, или, иными словами, может иметь место разговорная, а не чисто логическая импликатура, связанная с порядком следования компонентов высказывания. Однако теперь наступает срок (если вспомнить название главы) заняться сложными вопросами, касающимися условных предположений.

«ВЫ НЕ СЛИШКОМ-ТО СИЛЬНЫ В ЛОГИКЕ»

Когда Дим Дейв отправляется на пляж с подружкой Силли Салли и своим приятелем Клогсом Умницей*, то ему, Диму, всегда приходится оставаться на песочке и сторожить одежду, хотя он не меньше других жаждет поплавать. Как такое может быть? Ясное дело, кому-то нередко достается вторая роль. Но этот малый Клогс, он же вокруг пальца обводит беднягу Дима. И все так славно выходит. В сложившихся обстоятельствах есть определенное ограничение: по крайней мере один из троицы должен караулить одежду и сумки, оставаясь

---

* *Silly Sally* можно перевести как Глупышка Салли, но явных указаний автора на то, что женское имя нужно понимать именно таким образом, нет: просто намек. Дим и Клогс — тоже говорящие имена. Дим от *dim* — темный, тупой, недоумок, а Клогс от *clog* — закупоривать, засорять, препятствовать. — *Прим. пер.*

на берегу, пока другие резвятся в воде. Другая особенность, ограничивающая возможные действия всех троих, заключается в том, что Силли Салли всегда уходит купаться только с Клогсом.

При обоих условиях Дим иногда может вырваться в воды морские — в одиночку или в компании с Клогсом. Когда скажешь об этом Диму, он тяжело вздохнет в ответ. И добавит: «Вы не слишком-то сильны в логике. Клогс все мне объяснил, пробормотав при этом, что им гордился бы сам Льюис Кэрролл». И верно, история наша восходит к «Парикмахерской» Льюиса Кэрролла*. Ниже — рассуждения Клогса.

Если принять без возражений упомянутые выше ограничения, то следующее условное суждение не может быть истинным: если Силли Салли в море, то Клогс — нет. Давайте предположим, что в море — Дим. Поначалу такое тоже представляется возможным. В этом случае, если — *если* — Силли Салли также находится в воде, Клогсу остается только сидеть на бережке, присматривая за одеждой. Однако истинным предположение, что девушка в море, когда Клогс на берегу, быть не может.

Предположение, что Дим в море, приводит нас к следующему ложному заключению: если Силли Салли в море, то Клогс — на берегу. Однако все логики дружно соглашаются с тем, что в правильно построенном рассуждении истинные посылки не могут вести к ложному выводу. Так что предположению, будто Дим может оказаться в море, истинным не бывать.

---

* Автор имеет в виду небольшое эссе Л. Кэрролла «Логический парадокс» (1894), где описывается ситуация, в которой фигурируют парикмахерская, три мастера и двое посетителей. — *Прим. пер.*

Почему? Потому что, предположи мы, что он в море, возникает ложный вывод, а именно — если Силли Салли в море, то Клогс застрял на берегу. Следовательно, данное предположение далеко от истины. Дим обречен пребывать на берегу, сторожа одежду. Такова сила логики. Сила логики? Ну да — если не видеть того, что Клогс одурачил Дима. А Клогс, конечно, одурачил простофилю.

«РАСШИФРУЕМ» ПРОИСКИ КЛОГСА

Если вы правильно строите рассуждение и начинаете с истинных утверждений, вы не можете прийти к чему-то ложному. Этот базовый принцип является минимально необходимым условием. Значит, нам нужно рассмотреть последующие шаги в сомнительных рассуждениях Клогса, навечно пригвоздивших беднягу Дима к берегу. Одно из этих условий заключается в том, что по крайней мере один из троих остается на берегу, и с этим условием все в порядке. Что остается теперь? Мы встречаемся с одним из тех условных суждений, с которыми имели дело в предыдущей главе.

И1. Если Силли в море,
следовательно, и Клогс в море.

Истинно.

С этим нет проблем. Всякий имеет право заходить в море только в компании с кем-то другим. То есть ничего странного в И1 нет. Однако рассуждения Клогса допускают, что следующее условное суждение должно быть ложным.

Л1. Если Силли в море, то Клогс нет. *Ложно.*

Так как же все-таки складывается аргументация? Предполагается, что Дим в море, и утверждение это будто

бы приводит к ложному Л1. Следуя простому принципу правильных рассуждений, приходим к тому, что предположение, приведшее нас к Л1 и заключающее в себе, что Дим в море, само тоже должно быть ложным. И что теперь? Ключ к головоломке — отношение к условным суждениям, таким как Л1. Мы истолковывали его как неистинное. Но действительно ли оно ложно? Точнее, является ли оно ложным, *что бы ни предполагалось?* Прежде чем мы подыщем ответ на этот вопрос, давайте разберемся в том, как следует понимать прямые условные суждения типа «Если... то...», поскольку к ним относятся и Л1 и И1.

«Если солнечно, то на пляжах многолюдно». Согласно основам логики, к этому суждению, если оценивать его по критерию истинности или ложности, можно относиться так же, как и к суждению «Либо не солнечно, либо на пляжах многолюдно». «Либо» в данном случае указывает на то, что оба суждения истинны. Иными словами, суждение «Если Силли в море, то Клогс нет» равнозначно суждению «Либо Силли не в море, либо Клогс не в море». А теперь — поближе к предположению, что Дим в море. В таком случае Силли, разумеется, не в море, потому что если она в море, то в море и Клогс, а из этого следует, что одежду на берегу охранять некому. Другими словами: при сделанном нами допущении, что Дим в море и поэтому Силли на берегу, суждение «Либо Силли не в море, либо Клогс не в море» должно быть истинным — просто потому, что Силли не в море. Отсюда следует: при предположении, что Дим в море, Л1 «Если Силли в море, то Клогс нет» является истинным, а не ложным, как настаивает Клогс. То есть суждение, что Дим в море, во все не приводит в конечном счете к ложному заключению. Дима поймали в ловушку, побуждая думать,

будто Л1 «Если Силли в море, то Клогс нет» всегда ложно, однако с учетом предположения, приведенного в аргументации Клогса, данное условное суждение истинно. Таким образом, все в порядке — настолько, насколько дело касается решения головоломных поисков обоснованных причин.

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ

Итак, головоломку мы решили, но не было ли побочных эффектов у нашего «регламентирующего лечения»? Мы обращались с условными суждениями, такими как «Если солнечно, на пляжах многолюдно», как с предположениями типа «либо/либо». Например, «Либо не солнечно, либо на пляжах многолюдно». Отсюда следует, что, когда не солнечно, суждение либо/либо — истинно, а значит, и условное суждение «Если... то...» также истинно. В общем виде, применительно к суждениям типа «Если то-то и то-то, значит, то-то и то-то», что бы ни выступало в качестве первой части — «то-то и то-то» как antecedent, — если эта часть ложна, то суждение в целом можно считать истинным.

Обращаться с условными суждениями как с истинными всякий раз, когда antecedent является ложным, — в определенном смысле дело несчастливое. Допустим, идет сильный дождь, но вы не замечаете. Вы твердите свое: «Если солнечно, то на пляжах многолюдно». Да, само суждение — и правдоподобно, и истинно, но подумайте обо всех прочих условных суждениях, которые считаются истинными только потому, что antecedent ложен. Если солнечно, то пляжи пусты. Если солнечно, то луна сделана из сыра. Регламентирование условных суждений как предположений типа «либо/либо» таит некоторые риски. Сказанное не означает, что мы не должны пускать в море Дима.

Смысл в том, что условные суждения требуют внимательного обращения.

В предыдущей главе мы уже имели дело с контрфактуальными условными суждениями, то есть с такими предположениями, в которых часть, следовавшая сразу за «Если...», была ложной. Таким образом, при анализе суждений «либо/либо» мы должны считать, что они истинны. Отсюда следует настоятельная рекомендация не «выдавливать» контрфактуальные суждения в категорию суждений типа «либо/либо». Подобная классификация была бы категориальной ошибкой. Возвращаясь к Диму, Силли Салли и Клогу, мы можем первым делом предположить, что кто-то должен оставаться на берегу и сторожить одежду, а затем — что Дим может быть в море, а уже потом, на вершине всего, допустить, что Силли, несмотря ни на что, тоже должна быть в море. Возможно, нам следовало бы разворачивать цепочку суждений подобно тому, как в прошлой главе мы говорили о близости иных высказываний возможным мирам, однако в самой сердцевине предположений, похоже, кроется нечто противоречивое. Нет ничего удивительного в том, что в конце концов мы были изрядно озадачены всеми этими предположениями — озадачены как тем, что подразумевается логически, так и тем, что могло быть разговорными импликатурами. Но, по крайней мере, мы теперь точно знаем, что благодаря определенной регламентированности суждений можно избежать той логической ловушки, попав в которую придется вечно сторожить одежду.

Остается добавить мораль, облакая ее в слова, произнесенные в начале XX века Фрэнком Пламптоном Рамсеем. Рамсей, научный сотрудник Королевского колледжа Кембриджского университета умер в возрасте

26 лет, однако, как теперь видно, в своей короткой жизни успел внести значительный вклад в математику, экономику и философию. Его влияние заметно и в том, с каким отрицанием Витгенштейн пересматривал некоторые положения своих ранних работ, направленных на определение точных логических форм, составляющих основу языка*. Итак, мораль:

Главную опасность для нашей философии, за исключением лениности ее представителей и путанности суждений, составляет дух схоластики, сущность которой заключается в том, чтобы нечто смутное выдавать за ясность, подгоняя под точные логические категории**.

---

* Имеется в виду знаменитый «Логико-философский трактат» (1921). — Прим. пер.

** Ramsey F.P. Philosophical Papers.

КАК СЛУШАТЬ ПЕНИЕ СИРЕН БЕЗ ОПАСКИ И НЕ ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ СКОВАННЫМ РАЗУМОМ?

Вам хочется выпить еще немного, но разум возражает — тем не менее вы все-таки пьете. Придя на вечеринку, вы мудро просите хозяйку спрятать ваши ключи от машины. Однако же, пропустив стаканчик-другой, а то и третий-четвертый, вы требуете вернуть вам ключи. И что делать хозяйке — выполнить вашу первую просьбу или уступить вашему второму требованию? Нам нужно определить, что именно позволяет действовать рационально и как рассудок связывает нам руки перед лицом будущего. И нам поистине необходимо знать, есть ли своя рациональность в том, что нас увлекают иррациональные поступки в виду будущего, каким бы отдаленным оно ни казалось.

В ЧЕМ ТАИТСЯ ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ?

Мы часто действуем, обдумывая свои поступки, однако это само по себе еще не значит, что наши действия рациональны, — мы можем руководствоваться неверными мотивами. Если вы хотите, взяв с собой немного хорошего вина и еды, провести выходные на солнечном пляже и попрактиковаться во французском, то было бы верхом иррациональности отправиться зимой в Берлин. Но даже если мы осознаём иррациональность подобного рода, это еще не все, чего следует остерегаться. Конечно, знать, что представляет

собой и где расположен Берлин, и отправляться туда в описанной ситуации — иррациональность чистой воды. Сторонний наблюдатель именно так и воспримет ваши действия, да и с вашей собственной точки зрения они не могут не представляться иррациональными. Хотя... если вы искренне полагаете, что Берлин находится на Французской Ривьере, то с учетом вашего, в корне неверного, представления вы действуете рационально. С нашей позиции стороннего наблюдателя, ваше поведение тоже выглядит иррациональным, но стоит нам представить себя на вашем месте и принять во внимание ваше ложное предположение, и мы можем понять, каким образом выбор Берлина выглядит решением рациональным. Разумеется, тот факт, что, по вашему мнению, Берлин располагается во Франции, может быть проявлением вашей иррациональности, возникшей еще раньше.

Сложностей уже довольно, но отмеченные выше — еще не все. Помимо ваших географических представлений о Берлине и желания отдохнуть на берегу моря во Франции, возможно, есть и другие причины, увлекающие вас в столицу Германии. Скажем, вам предложили 100 000 фунтов стерлингов при условии, что вы поведете себя иррационально по отношению к вашему отпуску, — и в этом смысле вояж в Берлин, хотя и остается данью иррациональности, вовсе не является чем-то нерациональным ввиду возможности разбогатеть. Как ни странно, но, будь ваши поступки крайне странными, вам не получить заветный приз, оставаясь рациональным человеком, ведь именно странные действия, ведущие вас к получению приза, и придают вашему поведению в целом нужную рациональность.

Иметь резоны — этого еще недостаточно, чтобы действия человека были рациональными. Однако,

рассматривая дело противоположным образом, мы должны избежать ошибочного приравнивания рациональных действий к категории только тех, к которым люди приходят в результате рассуждений. Иногда рациональнее всего действовать без рассуждений и не ища причин. Мы жаждем быть счастливыми, и на то не нужны особые причины, однако желать счастья — вполне благоразумно. Если у нас возникает зуд, то есть и причина почесаться, — и мы ведем себя соответственно и хотим получить облегчение, однако у нас нет какой-то особой причины хотеть облегчения — мы просто хотим облегчения.

В прессе сообщалась трагическая, но правдивая история о человеке с умственным расстройством, думавшим, что у него две головы и одна из них мучает его. Он все хотел понять, что делать, и, учитывая свои предположения, выбрал в конце концов — со своей точки зрения — вполне рациональный способ действий. Он спустил курок своего револьвера, выстрелив в «чужеродную» голову — в свою голову. Если взглянуть со стороны, бедняга поступил бессмысленно, однако стоит нам посмотреть на дело его глазами, и в его отчаянной выходке мы увидим и определенную рациональность.

Этот пример наводит на парадоксальную мысль. Стремясь понять отклоняющееся от привычных норм поведение — странное, причудливое, иррациональное, — мы как бы пытаемся подогнать его под рациональность, проявляемую сторонним наблюдателем, или «агентом». Получается психоаналитическое объяснение, включающее подсознательные элементы «агентской» мотивации, — и поведение человека «становится» в итоге рациональным, если рассматривать его с позиций «агента». Любое успешное объяснение

поступков человека как будто предопределяется требованием истолковывать их как рациональные, а все иррациональное изгоняется за пределы рассмотрения.

РАССУДОК В РОЛИ РАБА

Рациональность — и рассудочное мышление в более широком смысле — часто противопоставляют желаниям, страстям и эмоциям. Представление о работе ума нередко подразумевает, что страсти наши остаются под контролем. Если бы все действительно обстояло именно так, то мы всегда были бы в состоянии отдавать себе отчет в причинах наших внутренних порывов. Мириам жаждет сбежать с молочником, но ее рассудок, ее рациональное мышление удерживают ее от этого поступка. Разум твердит ей, что у них не будет денег, придется терпеть разлуку с детьми — и все закончится слезами. Но действительно ли ее рассудок останавливает ее на этом пути? Дэвид Юм отвечает: «Нет». Вот что он пишет в данной связи:

... принцип, противодействующий нашему аффекту, не может быть разумом, и его лишь неправильно называют так. Мы выражаемся неточно и не философски, когда говорим о борьбе между аффектами и разумом; разум есть и должен быть лишь рабом аффектов и не может претендовать на какую-либо другую должность, кроме служения и послушания им*.

Почти вызывающим образом Юм утверждает: «Я ни в коей мере не вступлю в противоречие с разумом, если предпочту, чтобы весь мир был разрушен, тому,

---

* Юм Д. Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам. Пер. С. И. Церетели.

чтобы я поцарапал палец»*. У нас есть желания и страсти, но их можно считать противоположными разуму, иррациональными, только связывая их с ложным пониманием. Собственного говоря, не желания и страсти наши безрассудны, но неразумны их истолкования. Не рассудочность удерживает Мириам от бегства с молочником. Ее любовь к собственным детям и нежелание влачить свои дни в нищете и слезах — вот что ее останавливает. Ее мысли только отражают возможные последствия опрометчивой прогулки с молочником.

Венец наших действий — все то, к чему мы стремимся и можем в конце концов получить, — все это зависит в первую очередь от наших чувств, наших переживаний, наших желаний: они, и только они одни, обладают той силой, что порождает наши поступки или удерживает нас от их совершения. Рассудок они побуждают служить достижению желаемых целей. Но что есть в данном случае рассудок? Средство исследовать окружающий мир, чтобы добыть ту правду о нем, необходимую для получения вожаделенной награды по минимальной цене. Как уже было упомянуто выше, если вы хотите провести время на солнечном пляже, чтобы попрактиковаться во французском и побаловать себя хорошим вином, то вы исследуете соответствующие возможности — и в конце концов окажетесь где-нибудь на пляже во Франции. И разум поможет вам не упустить своего.

МЯТЕЖЕН НАШ РАЗУМ ИЛИ СПОКОЕН?

Что касается человека, готового согласиться с разрушением мира по пустячному поводу, то наше разумение может открыть ему глаза на то, каким образом

---

* Там же.

предполагаемое разрушение приведет к смерти и его самого, или каким образом, если он один выживет, жизнь в одиночестве покажется ему пустой, — или каким образом, наконец, ему предпочесть не разрушение окружающего, а мир, полный распускающихся цветов, и цветущей красоты, и философов, размышляющих о страстях человеческих. Разум может побудить его обдумать последствия и спросить себя, чего хотеть в действительности, а затем и понять, что желания его питает не рассудок, но страсть. Вот об этом и писал Дэвид Юм.

Впрочем, позиция Юма заслуживает критики в том отношении, что иной выбор из тех, что мы делаем, является именно иррациональным. Разумеется, проводить жизнь, бегая по центральной улице в дурацком облачении с ног до головы, хлопая себя по макушке и распевая *I'm a mango*, — все это не приведет к процветанию. Очевидно, все это — не то, что проложит путь к процветанию для большинства из нас. Конечно, наш парень-манго* может стоять и на том, что его стиль поведения — это именно то, что нужно ему для процветания, — или же он может просто не понимать, что такое истинное процветание, а в голове у него будет постоянно звучать, что лучше петь, и распевать, и хлопать себя по макушке, и ходить повсюду в идиотских, но клевых бананах.

Тем не менее есть люди, и один из них Иммануил Кант, уверяющие, что разум способен вести нас к высокоморальным поступкам. Благодаря разуму мы

---

* *Mango* — широко известная торговая марка модной одежды, предназначенной для молодежи, а также имя героя телешоу, стриптизера, стремящегося привлечь к себе всеобщее внимание. — Прим. пер.

знаем, что существуют универсальные математические истины, и точно так же разум может увлекать нас к тому, чтобы хранить верность обещаниям, быть честными и справедливыми людьми. Если формулировать кратко, то разум раскрывает нам смысл нашего морального долга, и осознание моральной стороны наших дел побуждает нас поступать порой вопреки нашим желаниям. Одно возражение: тот же разум служит и своекорыстию и той мотивации, которая своекорыстие поддерживает. В следующей главе мы рассмотрим интересы, нацеленные на личную выгоду. Пока же спросим себя, каковы бы ни были мотивы нашего поведения — эгоистическими или высокоморальными, — каким образом они проникают в наше будущее?

ГОЛОСА СИРЕН...

Гомер повествует, как Одиссей возжелал услышать голоса сирен — их пение, мелодичное и, несомненно, чувственное. Одиссей знал о влекущей силе этих песен. Мореходы не могли устоять перед ней, но сладкое пение сирен, перед которым они были бессильны, влекло их в морскую могилу. Одиссей принял обдуманное решение, приказав привязать себя к мачте и ни за что не отвязывать, как бы он ни умолял освободить его от пут. Моряки залепили уши воском, чтобы не соблазниться пением сирен. Нам и теперь, как и в главе 2, трудно до конца понять, что дает возможность человеку оставаться самим собой в течение определенного времени, но мы вполне можем оценить, насколько рациональными были действия Одиссея. Он привел свой план в действие, осознавая, чего желает добиться в ближайшем будущем — услышать пение сирен, но не поддаться ему. Однако во

всем этом есть своя парадоксальность: Одиссей связывает себя не только в прямом, но и в переносном смысле, решая для себя на ближайшее будущее, что не станет делать именно того, чего он вскоре самым искренним способом захочет.

Сэмюэл Кольридж, возможно, был готов по обоюдной договоренности платить носильщикам и наемным кучерам за то, чтобы они силой не давали ему заходить в аптеки, где можно было купить наркотические вещества. Но поскольку воля исходила от самого Кольриджа, злополучные стражи столкнулись с проблемой метафизического свойства. Когда они пытались помешать ему войти в аптеку, Кольридж, пребывавший в отчаянии, указывал им на то, *в данный момент* он требует дать ему проход, а если нет, то возникает повод для обвинения в оскорблении действием. И что, позвольте спросить, следует считать «истинной» позицией Кольриджа с учетом перемены им собственного решения? В поисках ответа нам поможет принцип асимметрии.

Кольридж, когда не был под действием наркотиков, искал способ ограничить себя в своих же поступках, чтобы обезопаситься от импульсивной потребности немедленно найти очередную порцию. Однако тот же Кольридж, когда его внезапно тянуло к наркотику, уже не обращал внимания на другого Кольриджа — того, кто благоразумно решал связать себе руки на будущее, когда не метался в отчаянии в поисках зелья или не находился под его влиянием. Уместно говорить об асимметрии в подобных случаях или нет, но, когда мы пытаемся связать себя в собственных действиях, мы верим, что того требуют наши долгосрочные интересы, или наш моральный долг, или образ жизни, который кажется нам привлекательным, — и мы

стремимся заранее отказать себе в некоторых желаниях, как бы искренне и сильно они ни проявились в скором будущем.

Мы связываем себя различными способами, имея в виду наше будущее, — или позволяем себе оказываться связанными по той же причине. Мы можем прятать ключи от машины или бутылки виски, зная, что не вспомним, куда именно их убрали, когда окажемся в подпитии. Мы можем все откладывать и откладывать посещение в конце недели вечеринки с вином, женщинами и песенками, стараясь подобным образом избежать усталости в ближайший понедельник. Мы порой клянемся в верности, надеясь, что слова наши будут весомы, ибо в них — *обещание на будущее*, когда может возникнуть в нашей жизни очередной флирт. Все планы подобного рода могут быть рациональными — более того, нежелание садиться за руль под хмельком или отказ от плотских соблазнов сами по себе суть вещи благоразумные. Тем не менее рациональные планы иногда включают и склонность к чему-то иррациональному, о чем мы теперь и поговорим.

СДЕРЖИВАНИЕ ПОСРЕДСТВОМ УСТРАШЕНИЯ: ДАНЬ БЕЗУМИЮ

В период холодной войны США и СССР находились под угрозой взаимного уничтожения. Чтобы взглянуть на проблему с современных позиций, давайте предположим, что спустя несколько лет обладающие ядерным оружием Иран и Израиль находятся в таких же отношениях — обе страны в страхе ожидают друг от друга первого ядерного удара. В случае нападения Израиль грозит массированным ударом возмездия. Такая позиция может казаться аморальной, однако

моральная сторона ясна: необходимо предотвратить первый удар со стороны Ирана и последующие разрушительные последствия. Разумеется, Иран выступает с такими же угрозами. И все обстоит как будто нормально, поскольку взаимная угроза уничтожения удерживает страны от нанесения первого удара, однако представьте, что иранцы запустят ядерную ракету в направлении Тель-Авива по воле каких-то безумных генералов или по ошибке при сбое связи. Должен ли будет Израиль бомбить Тегеран, как угрожал, в порядке возмездия?

Давайте предположим, что точно установлено: иранцы более не могут бомбить израильские города. При таких обстоятельствах что хорошего может принести приведение в действие Израилем своих угроз? Только дальнейшее опустошение — бессмысленное опустошение, поскольку оно не предотвращает будущие атаки или ущерб. Таким образом, ответный удар возмездия превращается в нечто противоположное всякой морали и иррациональное, хотя казалось, что соответствующая предупредительная угроза была вполне рациональна. Как ни парадоксально, но рациональным представляется то, что должно быть совершенно иррациональным в своем осуществлении. А ведь степень иррациональности происходящего даже увеличивается, если допустить возможность взаимного уничтожения обеих стран.

Данная логика допускает и более парадоксальные выверты. Если предположить, будто иранцы знают, что в глубине души израильяне не желают тупо-бессмысленного разрушения городов, то, значит, они, иранцы, могут рассчитывать, что их страна избежит ответных последствий от нанесенного ею первого удара. Однако спираль происходящего

может закручиваться еще туже, и следующий ее виток приведет к тому, что израильтяне начнут руководствоваться теми же соображениями. Как следствие, они придут к заключению, что не смогут привести в действие свои угрозы, зная, что сами не желают их исполнения. И еще израильтяне могут думать, что иранцы также начнут рассуждать подобным образом. И что тогда остается обеим сторонам? Только всерьез подозревать, что противная сторона способна вести себя иррационально, если не сказать безумно, видя себя в роли жертвы от первого удара противника. В результате стороны могут ввести в действие такие системы, которые должны будут автоматически реагировать на угрозу и будут защищены от возможности ручного вмешательства в свои действия с целью изменения принятого решения. Однако создание подобных систем — совершенно иррациональное начинание, поскольку очевидно, что позднее придется раскаиваться в содеянном. Вот так и получается, что даже чистая рациональность, связывая наши мысли и нас самих в наших действиях, слишком многое способна стянуть в тугий узел.

МОЖНО ЛИ ДУМАТЬ КАК ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ И ЧТО ОБ ЭТОМ ГОВОРIT НАУКА?

С высоты стропил под церковным куполом глядим мы на вас, люди, и всё думаем: «Что это значит — быть человеком?» Мы тоже можем попробовать ходить на двух ногах. И спать в своих постелях — или под любимой балкой стропил, — но что мы поймем при этом? Только то, что способна понять летучая мышь, притворяясь, что сделалась человеческим существом. Вы, люди, не способны к эхолокации, как мы. Ваше восприятие реальности, должно быть, очень ограничено и крайне странно. Мы, пожалуй, можем влезть в ваши мозги, чтобы уловить, как вы реагируете на окружающее, но все равно нам не разделить с вами опыт общения с миром.

РАЗДВИГАЯ ГРАНИЦЫ

Летучих мышей-мыслителей в природе, разумеется, нет, однако философы порой адресуют нам и себе весьма странные вопросы, причем задают их, вкушая комфорт от собственных штудий, утопая в мягком кресле или даже нежась в постели и потягивая вино, портвейн или что-нибудь столь же приятное на вкус. В этой книге мы уже имели дело с множеством мысленных экспериментов, хотя и обходились без вина, портвейна или чего-нибудь не менее улаждающего. «Что значит быть летучей мышью?» Как нам узнать, на что это похоже? Вопрос этот уводит нас в то

обширное концептуальное пространство, в котором мы ищем понимания окружающего нас мира — и стремимся уяснить, каким образом мы можем и должны его постигать. Ранее мы обсуждали, в какой мере сознание можно приравнять к деятельности мозга, и видели, как сугубо научный анализ способен терять из виду картину, всю полноту которой можно воспринять, рассматривая ее только «от первого лица».

«Летучемышиный вопрос», поставленный американским философом Томасом Нагелем, подводит нас к мысли о том, что научный подход к миру, возможно, охватывает не все. Научное мышление требует абстрагироваться от всего частного во взглядах и оценках и искать объективной точки зрения, которая не может не оставлять за пределами рассмотрения некоторые черты субъективности. Морская вода может показаться холодной вам и теплой мне, однако химики и физики скажут, что «в объективном смысле» движение молекул в ней происходит так-то и так-то, а кинетическая энергия ее находится на определенном уровне. Материальные свойства воды существуют независимо от наших ощущений. Движение молекул воды и их энергия — вот что взаимодействует с нашей нервной системой, благодаря чему мы и получаем различные ощущения, в данном случае тепловые.

«Мышиный вопрос» грозит вывести привычную нам ситуацию за рамки привычного. Стоит нам допустить, что в восприятии окружающего летучей мышью есть нечто такое, что, как мы чувствуем, недоступно нам, человеческим существам, — и нам придется совершить следующий шаг. Религиозные люди утверждают, что им дано ощущать и чувствовать то, что скрыто от атеистов. А если я мужчина, то, возможно, мне

следует поинтересоваться, нет ли чего-нибудь глубоко иллюзорного в том, каким образом воспринимают окружающее женщины?

В продолжение этих размышлений не задаться ли мне вопросом, а могу ли я вообще понять, какой опыт общения с миром приобретает другой человек? «У меня есть только мой собственный опыт, и другого быть не может». Ответ подобного рода наводит на тревожные и, вероятно, не пустые размышления. Хотя не исключено, что все в этом ответе сводится только к грамматике или логике — недаром же Витгенштейн однажды заметил, что «каждый сам раскладывает свой пасьянс». В конце концов, что в буквальном смысле должен значить для меня ваш опыт, если я сумею его воспринять, превращая в свой собственный?

СЦИЕНТИЗМ

Существует обыкновение думать, что научное понимание Вселенной может все о ней нам поведать. Вот это и есть сциентизм — взгляд на мир, согласно которому возможно универсальное научное понимание всего, что происходит в действительности, включая жизнь человека и летучих мышей. Дурацкий, на первый взгляд, «мышиный вопрос» ставит под сомнение подобный подход. Как бы много мы ни узнавали о работе нервной системы летучих мышей или об их повадках, кажется, всегда остается и нечто такое, что от нас ускользает, что присуще исключительно восприятию летучих мышей и создает те ощущения, которые в контакте с миром могут получить только они — летучие мыши. Будь летучие мыши философами, они могли бы счесть, что человеческий опыт жизни, как и нечто, свойственное именно человеческой жизни,

от них ускользает. Даже если при дальнейшем рассмотрении «мышинный вопрос» и не добавляет, как утверждают некоторые, ясности, мы все равно можем удержаться от сползания к сциентизму. В предшествующие столетия сциентизм был, в сущности, олицетворением грубого механистичного материализма. В середине XVIII века Ламетри написал свой радикальный для того времени труд «Человек-машина». В наши дни многие ученые побуждают нас верить тому, что характеристика человеческих ценностей и описание нашей деятельности сводятся к разговору о молекулах, генах, нейронных цепях — или что там еще позднее появится в языке науки. Последний пункт может сыграть роль ценного «избавительного условия»: кто знает, какие научные теории появятся в отдаленном будущем.

Однако у нас нет веских оснований полагать, что человеческая жизнь, включающая личностное понимание происходящего, свой собственный смысл и особенный взгляд на происходящее, может быть исчерпывающе постигнута наукой. Индивидуальные движения языка и губ могут находить разное научное объяснение, как и производимые человеком звуки, однако, какие бы причины ни назывались, не они способны служить объяснением тому, какое значение имеют производимые звуки, или, проще говоря, смысл самой речи. Какие бы изменения ни претерпевала Джесси в химическом или физическом смысле, понимание этих изменений никак не указывает на то обстоятельство, что она обещала своему любовнику встретиться позднее тем же вечером и дать ему на время часы своего дедушки. Физика и химия не обладают законами, с помощью которых можно было бы описать такие концептуальные предметы, как

«обещание» и «дать на время» или «любовник» и «дедушкины часы».

Все вышесказанное не отрицает прогресс науки во всех областях жизни, приносящий нам серьезнейшие выгоды. Более того, все вышесказанное вовсе не утверждает, что должно существовать царство сверхъестественных явлений, извечно недостижимых для научного постижения. Люди — биологические существа — не эфемерные души: мы что-то даем взаймы на время, делаем обещания и вступаем во владение фамильным имуществом. Несомненно, когда люди вовлекаются в подобного рода деятельность, в их клетках и молекулах, в их атомах и субатомных частицах происходит множество изменений, однако понимание этих изменений не означает постижения многого того, что свойственно человеческим существам, — их черт характера, их поступков, их отношений между собой. В этой связи нам важна та позиция, занимая которую мы можем отрицать описанный в главе 9 элиминативизм.

ПРОСТО ЭТО

Эволюционная психология, как ничто иное, способна порой вводить нас в заблуждение. Представители эволюционной психологии любят использовать словечко «просто». Красота человека? *Просто* свидетельство его здоровья. Моральный долг? *Просто* прикрытие для своекорыстных мотивов. Даже если существует объяснение красоте человека и осознанию морального долга, формулируемое с позиций эволюционной биологии, мы должны дистанцироваться от этого «простоты». Очевидно, можно найти хорошие эволюционные объяснения, почему человеческие существа могут процветать. Вероятно, эти объяснения

будут указывать и на особую ценность в борьбе за выживание таких черт, как способность видеть цвета и отличать горные вершины от кротовых горок*. Тем не менее особенности окружающего нас мира обусловлены не нашей эволюцией. Благодаря нашему биологическому устройству успех в борьбе за выживание рода человеческого зависит от нашего умения понимать все свойства и черты действительности, но материальный мир, в котором мы живем, зависит не от нашей биологии.

По контрасту с летучими мышами — если только они не сделались философами — человеческие существа сознают разницу между тем, чего они (человеческие существа) желают, и тем, к чему было бы желательно стремиться в моральном смысле. У нас есть чувство добра и зла, и мы способны глубоко ощущать, что нам следует делать в нравственном смысле — в отличие от того, чтобы только чего-то хотеть. Однако, пока эволюционная биология находится на переднем плане науки, звучат голоса, твердящие, что даже если мы видим смысл в объективно существующей морали (см. главу 24), наши мотивы все равно нацелены на получение личных выгод.

КОЛЬЦО ГИГА

Чтобы оценить, насколько верно требование всегда преследовать личную выгоду, давайте предположим, что именно люди обычно осознают как требования морали. Исходя из наличия данного требования,

---

* Ирония автора, основанная на игре слов. Английское выражение *to make a mountain out of a molehill* в переводе значит *делать из мухи слона*, причем *mountain* — гора, *a molehill* — кротовина (*mole* — крот, *hill* — бугорок, холмик). — Прим. пер.

люди должны вести себя высокоморально потому, что страшатся наказания со стороны государственной власти или Бога, если станут действовать неподобающим образом. Требование это красноречиво описал и исследовал Платон в истории о волшебном кольце Гига, позволявшем тому, кто им владеет, становиться невидимым. Предположим, есть два кольца, и одно носит человек справедливый, а другое – несправедливый, и в нашем разговоре позвольте понимать «справедливость» в расширительном смысле – как синоним «моральности».

Если бы было два таких перстня – один на руке у человека справедливого, а другой у несправедливого, тогда, надо полагать, ни один из них не оказался бы настолько твердым, чтобы остаться в пределах справедливости и решительно воздержаться от присвоения чужого имущества и не притрагиваться к нему, хотя каждый имел бы возможность без всякой опаски брать что угодно на рыночной площади, проникать в дома и сближаться с кем вздумается, убивать, освобождать из заключения кого захочет – вообще действовать среди людей так, словно он равен богу. Поступая таким образом, обладатели перстней нисколько не отличались бы друг от друга: оба они пришли бы к одному и тому же*.

То есть люди моральны лишь потому, что последствия их поступков могут быть признаны аморальными. Однако мы можем, вслед за Платоном, подвергнуть сомнению этот тезис, требуя опровержения данной идеи (в этом нам поможет глава 11). Утверждая,

* Платон. Государство. Глава вторая.

будто каждый преследует собственные интересы, мы можем представить картину того, как гонятся за выгодой воротилы Уолл-стрит, бизнесмены, движимые жадной наживой, а также, как ни удивительно на первый взгляд, и лекторы-философы, ищущие личного успеха и продвижения. Собственно говоря, утверждение, рассматриваемое нами, носит эмпирический характер, но вопрос в том, насколько оно истинно? Мы можем видеть добрых самаритянок, бросающихся спасать людей, пострадавших в автокатастрофе. Мы можем видеть, как престарелая леди отдает последний фунт нищему. И мы можем видеть также, как кто-то бросается в горящий дом, чтобы спасти из огня ребенка. Все это, разумеется, примеры, полностью противоречащие позиции «во всем есть своя выгода». Защитники своекорыстия могут возразить, и с большей твердостью, что, очевидно, люди *часто* или *обычно* действуют в порядке личной заинтересованности. Однако тут не без уловок.

Защитники позиции «во всем есть своя выгода» предлагают нам взглядеться внимательнее в примеры, которые как будто противоречат данному утверждению. Нас подначивают: да у ваших героев и героинь такая же личная мотивация, и они делают именно то, что хотят, и потому, что желают выглядеть как можно лучше в собственных глазах или наслаждаться впечатлением, производимым на окружающих. Но чем подкреплена подобная интерпретация? А тем, что люди делают то, что делают.

Вот и попробуйте опровергнуть суждение о том, что каждый поступает так, как поступает, исходя из собственной выгоды. Мысль облечена в такую форму, что представляется верной по определению. Однако данный маневр не поможет. Если мы по-новому взглянем

на позицию «во всем есть своя выгода» и примем за основу, что каждый действует в личных интересах, то нам следует отметить, пусть и в несколько ином ключе, самое главное: существует явное различие между «эгоистическими» действиями, помогающими другим людям, и эгоистическими действиями, не помогающими никому вокруг. Если попробовать отшутиться, то не стоит забывать, что порой помогают бесплатно, а бывает, и за плату.

ВЕРНЕМСЯ К ТОМУ, КАК ВСЕ ОБСТОИТ НА ДЕЛЕ

Мы уже размышляли о закономерностях мира. Можно предположить, что летучие мыши об этом не думают, однако их выживание зависит от закономерностей, которые существуют в мире и на проявления которых летучие мыши должны реагировать. Этим зверькам придется туго, а может быть, и совсем туго, если их предрасположенность вести себя типичным для них образом не будет соответствовать тому, как все устроено в окружающей среде. И получается так, что мы в нашем мышлении совершенно естественно принимаем как должное бытие мира с теми его особенностями, которые не зависят от летучих мышей, человеческих существ и даже от марсиан, если допустить, что марсиане существуют. Возникает вопрос: если рассуждать логично и последовательно, можем ли мы считать мир независимым от нас в той мере, в какой мы представляем его независимым мысленно? Вспомните, какие структуры мы замечаем в окружающем. В облаках нам видятся какие-то лица, и в морозных узорах на стекле, и в пыли на полированной столешнице — но мы вовсе не склонны воспринимать эти лица как феномены, совершенно не зависящие от

нашей предрасположенности видеть их таковыми. Классифицируя звезды, мы объединяем их в созвездия, однако такое сведение звезд в группы зависит от того, что мы, люди, естественным образом мысленно создаем некие структуры. Нет сомнений, что, думая мы как летучие мыши, группировать и описывать мы стали бы по-другому.

Так как же нам быть со звездами? Или, в самом деле, с любыми объектами или группами объектов? Их систематизация, а также наши представления о них как об объектах, которые не меняются, или меняются, или остаются разбросанными в пространстве, — все это как будто зависит именно от нас, от нашего восприятия и от того, чему мы придаем значение.

В мире есть связи, сочленения частей. Возникли ли они сами по себе или это мы внесли их в картину мира? Иммануил Кант писал, что существуют непознаваемые ноумены, вещи в себе, — то есть такие вещи, о которых мы судим, лишь прилагая к ним наши собственные представления, самые яркие из которых — концепция времени и концепция пространства. Можно подумать, что прежде нашего появления в этом мире в нем не было ни животных, ни океанов, ни Солнечной системы, ибо существование всех этих объектов, классифицированных нами определенным образом, как будто зависит от того, какие концепции мы для них создадим. Подобные мысли могут утянуть нас в болото релятивизма или скептицизма — как если бы всегда существовало и продолжает существовать нечто, извечно ускользающее от нас. Так нет ли во всем этом чего-то иллюзорного? Стоит нам выйти за пределы наших представлений, и уже не надо удивляться тому, что мы можем утратить даже целостное представление о мире. Возможно... но то будет участь летучих мышей.

Картина, рисуемая теми представлениями, которые люди накладывают на окружающую действительность, способна вводить в заблуждение. В конце концов, найдись к тому серьезный повод, и я мог бы поставить под сомнение, а существовали ли люди до меня? Если вспомнить злонамеренного гения Декарта, то я могу и отместить в сторону, как нечто сомнительное, все, кроме собственного опыта, — ну согласитесь, какой смысл в данном контексте может таиться в самой идее чужого опыта? Нас держит в плену именно то, что мы сами мысленно создаем, — и потому отгораживаемся, отгораживаем свое «Я» от остального мира, однако же, как было показано в главе 27, мы остаемся частью «движимого имущества», обстановки, принадлежащей, по праву, миру. Я встроен в мир — и если только я вознамерюсь подумать о собственной личности как о чем-то отделенном от телесного ее воплощения, то сам скручу себя в туго стянутый узел. Мой комментарий, который вы сейчас читаете, не подразумевает, что все уже ясно. Философы всегда при деле, и в известной мере потому, что ошибочные картины, рисуемые мысленно, пленяют и держат в плену, — а еще потому, что чертовски трудно составить в уме картину безошибочную. Философия — это и впрямь битва с колдовской силой прельщения, а ведь иные чары только крепнут, когда не обходится без летучих мышей.

КАК ВИДЕТЬ КРАСОТУ, И НЕ ТОЛЬКО ГЛАЗАМИ ЗРИТЕЛЯ?

«Красота в глазах смотрящего...» Но если мы думаем, что красота — не более чем предмет наших зрительных предпочтений, то почему с такой готовностью мы признаём, что солнечный закат прекраснее автостоянки, а музыка Малера восхитительнее звуков техно, ночь напролет несущихся из бара? Что ж, музыка способна приводить в восторг. Но значит ли это ее свойство, что мы можем утверждать, будто все уши внимают ее красоте, хотя и могут быть открыты для прекрасных звуков? Стоит нам сделать шаг навстречу красоте, и опыт общения с ней раздвигает привычные рамки, ограничивающие наше воображение. Чувство прекрасного несет нам внутреннее освобождение, уводя нас из-под власти всего уродливого, что встречается в обыденной жизни.

УМЕНИЕ РАЗЛИЧАТЬ

В романе «Дон Кихот» Санчо Панса рассказывает о том, как двоих его родственников попросили высказать свое мнение о большой бочке вина, которое, как предполагалось, было великолепным, выдержанным и особого сбора. Один из двоих пригубил, немного подумал и заявил, что вино было бы хорошим, если бы не привкус кожи, портящий напиток. Второй поднес к носу и, глубоко задумавшись, также высоко оценил качество вина, но заметил, что оно немного отдает железом. Санчо Панса добавляет, что обоих знатоков подняли на смех, сомневаясь, могли ли они

различать такие тонкости. Но кто смеялся последним? Когда бочку опорожнили, на дне обнаружился маленький железный ключик на кожаном ремешке. Историю эту приводит в пример Дэвид Юм, акцентируя важность вкуса в определении того, что должно быть прекрасно. По Юму, красоту формирует вкус, хотя, разумеется, одни из нас лучше, чем все прочие, способны различать оттенки.

Прекрасное, как видится Юму, это просто нечто такое, что доставляет удовольствие зрителю. Однако в свете подобного понимания обнаруживается и тень заблуждения. Как мы уже видели, многие сходятся на том, что считать виски приятным или противным напитком — дело вкуса, то есть одним виски — в удовольствие, а другим нет. Обычно мы не стремимся разворачивать дискуссию, соглашаясь или не соглашаясь с тем, насколько хорош или нет вкус зеленого чая, или бифштекса, или пирожков, или крема на торте, сделанном по последнему рецепту. Однако мы не можем удовольствоваться чем-то подобным, когда доходит до того, что считать красивым, а что уродливым. В подобных случаях мы стараемся показать, какие черты нам кажутся привлекательными, а какие отталкивающими. В процессе обсуждения мы можем оставаться при своем мнении, но в конце концов проявляем готовность взглянуть на что-то глазами других людей.

Когда Камилла объявляет: «Я знаю, что мне нравится», — и ничего не добавляет к сказанному, происходящее не дает ей признания со стороны окружающих. Впрочем, все становится еще хуже, если без дальнейших комментариев она настаивает на том, что местный супермаркет прекрасен, как «Весна» Боттичелли, а шум отбойных молотков во время дорожных работ изумителен, как опера Вагнера. Вряд ли предпочтение,

отдаваемое жасминовому чаю вместо ромашкового, заслуживает размышлений, направленных на оценку восприимчивости, и, напротив, убеждение, что любовные романы, публикуемые издательством *Mills and Boon*, могут быть ничуть не хуже «Лолиты» Набокова, — дело серьезное. Обдумывая подобные несовпадения вкусов, как и фундаментальные расхождения во взглядах религиозного или политического характера, мы можем прийти к выводу, что при подобных разногласиях люди едва ли смогут ужиться друг с другом.

ХОРОШИЙ ВКУС?

Есть как будто такая штука, как хороший вкус, однако, к несчастью, соседствует с ней мысль о том, что считать хороший вкус хорошим вкусом — это тоже дело вкуса. Но если взглянуть на все объективно — «с позиции внешнего наблюдателя», — то, пожалуй, есть и нечто такое, что прекрасное делает прекрасным независимо от наших вкусов. И, в общем, существуют некие представления о красоте, если видеть ее «со стороны». Начиная со времен Пифагора высказывались предположения пропорциональности и гармонии частей, а когда речь шла об архитектурных сооружениях и предметах обстановки, то важным казалось соотношение между внешним видом и функциональным предназначением объектов. Такое понимание красоты придавало ей всеобъемлющий смысл, объединяя музыкальные формы, произведения изобразительного искусства и архитектуры и вызывая живой отклик человеческой души на гармонию во всем прекрасном.

В отождествлении красоты с чистой формой и функцией есть доля мистицизма и грубая ошибка. Да, некоторые прекрасные и классические в своей красоте сооружения действительно воплощают в себе

гармонию геометрических форм, однако есть немало прекрасных объектов, красота которых связана не с совершенством геометрических форм или чем-то подобным. Вспомните, сколько красоты в бушующем океане или как изящна «Лежащая обнаженная» Модильяни. Далее, есть объекты, обладающие как будто совершенной формой, соответствующей их предназначению, однако красоты в них ни на йоту: некие линии составляют «правильную» картину и не вызывают ничего, кроме зевоты.

Соответствующая форма того или иного объекта сама по себе не является ни необходимым, ни достаточным условием для того, чтобы возбудить в нас чувство прекрасного. Существой у красоты в подчинении свои правила: пропорции, которые требуется соблюдать, или конфликты, каковых надо избегать, — и создатели «творений» были бы не более чем умелыми ремесленниками; напротив, истинные творцы, будь они живописцами, писателями или композиторами, не нуждаются в книгах наставлений с фиксированными правилами. Настоящие художники обладают творческим воображением и — да! — поэтому способны творить. Думать о природе творчества по-другому — все равно что оказаться в роли без вины виноватого на прокрустовом ложе. Ложе это отлично подходило всем и каждому — но только потому, что Прокруст вытягивал того, кто опустился на ложе, но оказался короче, или укорачивал того, кто длиннее. В этом смысле оно было в пору любому, как и желал удостовериться сам его хозяин.

Предположим, вам говорят о живописном произведении, исполненном гармонии форм. И объясняют во всех подробностях, каковы пропорции, однако не это существенно для вас в вашем восприятии красоты, кроющейся в картине, о которой идет речь. Вам

нужно самому ощутить красоту в ее непосредственности. Да, вы можете довериться другому человеку, говорящему вам о прекрасном, однако в таком случае вы получаете из первых рук рассказ о красоте, а сама красота остается для вас чем-то вторичным. Вам не оценить в полной мере красоту, пока вы сами не насладитесь ею, открыв ее в том или ином объекте.

НА ЧТО ГОДИТСЯ СПРИНЦОВКА

Однако даже акцент на нашем восприятии красоты и наслаждении ею не должен вводить нас в заблуждение. Как писал Витгенштейн, касаясь художественных работ, превозносимых за тот эффект, который они производят: «Можно ли считать, что спринцовка, производящая свой эффект, действует на вас так же сильно, как и картина?» Это замечание немецкого философа имеет более широкий смысл. Размышляя о природе сексуальных желаний, например, мы видели, что волнует нас не одна энергия страсти. Особенно ценен и важен для нас не только наш личный опыт, не только то, что нас внутренне воспаляет, но и то, чем является окружающий мир и в каких мы с ним отношениях, хотя, в определенном смысле, все, чем мы обладаем, есть наш опыт. Ключевую мысль нам дает мысленный эксперимент Роберта Нозика с «машиной ощущений»*. Допустим, в грязном подвале в захудалой части города есть некая машина, и стоит только подключиться к ней, как вы получите любые ощущения, на которые настроились, прежде чем установить с ней соединение.

Вы ленивы и трусоваты, но хотели бы соответствовать чему-то иному, храбро сражаться со стихиями,

---

* Нозик Р. Анархия, государство и утопия (1974). — Прим. пер.

достигнуть Южного полюса. Машина предоставит вам весь нужный опыт ощущений. Находясь в ее власти, вы можете искренне верить, что прорываетесь сквозь пургу, а не погружены в сон в подвале, где ваш мозг подсоединен к машине. Но в самом ли деле машина эта способна дать вам то, что вам нужно? Она создаст в вас некий опыт, *как если бы* вы достигли Южного полюса и *как если бы* вас чувствовали по возвращении, однако она не в состоянии дать вам ту реальность, в которой вы сами проделали долгий и трудный путь и достигли поставленной цели. Машина вкачивает в вас «ощущения ощущений», но не может превратить в действительность тот опыт, который порождает эти ощущения. Иными словами, то, что мы находим ценным, нельзя получить просто как некий опыт, отделенный от питающего его источника жизни. Далее мы рассмотрим несколько случаев, демонстрирующих то, что может обладать для нас эстетической привлекательностью, и поразмыслим над этими примерами.

Нам нужно обратиться к *изысканному* вину, *проникновенной и запоминающейся* мелодии, *изящному* ню. Мы характеризуем их таким образом, потому что они обладают особыми свойствами, порождающими определенный отклик с нашей стороны. Чтобы определить, каковы эти свойства, нам нужно рассмотреть различие между обнаженной натурой и голым человеком. Именно на этом различии заостряет внимание Кеннет Кларк, используя определение, данное Кантом «безотносительному эстетическому».

ОБНАЖЕННАЯ НАТУРА ИЛИ ГОЛЫЙ ЧЕЛОВЕК?

На картине — обнаженная женщина, и фигура, так сказать, десексуализирована. Особого интереса может и не вызывать. На противоположном полюсе

восприятия — голый человек, сжавшийся и беззащитный, человек как объект сексуального влечения. Классическая примета такого разграничения — волосы на лобке натурщицы или их отсутствие. Например, картина Томаса Икинса (Эйкинса) «Уильям Раш и его модель»: ее автор явно попирает различие, о котором мы говорим, и не только потому, что рисует волосы на лобке, но и потому, что его модель — беззащитная обнаженная женщины, и одетый художник, своего рода главенствующее в данной ситуации лицо, помогает ей сойти с возвышения. Когда дело касается красоты, разграничение между «голыми» и «обнаженными» невозможно устанавливать со всей жесткой определенностью. Во-первых, в беззащитных обнаженных фигурах есть своя красота. Во-вторых, было бы полным абсурдом считать, что эстетическое наслаждение, которые мы испытываем, глядя на обнаженную натуру, не имеет ничего общего с сексуальностью. Нас привлекают прекрасные объекты, и тяга к ним означает, что их присутствие дарит нам удовольствие, которое нельзя отъединить от нашей биологической природы, наших желаний, наших потребностей. Может ли робот с искусственным интеллектом понимать красоту дикой природы или оценить все изящество сделанного углем наброска обнаженной натурщицы? Чтобы нечто подобное было возможно, робот должен обладать чувством «самости» и осознанием своих сексуальных желаний.

Есть своя, пусть и ограниченная, правда во взгляде, свободном от любого «интереса». Когда мы смотрим на красивый бокал, или на колонны храма, или на живописный портрет невинной девушки, нас может привлекать соответственно материальная ценность, уважение к строителям или моральный аспект

картины. Однако такие обстоятельства, как мотивы художника и политический контекст, могут окрашивать определенным образом наше восприятие, хотя эти факторы внешние и они мешают нам проявлять собственный интерес к чему-либо. Стремясь понять и оценить красоту того или иного объекта, мы должны выводить действие этих факторов за скобки, отдавая себе отчет в том, что красота не равнозначна истине, а истина не всегда прекрасна. Немало прекрасных зданий покоится на безобразной правде рабского труда. «Брэкетинг» необходим и тогда, когда мы сталкиваемся с фальшивками. В последнее время разоблачалось множество подделок. Если таковые грубы и убоги, то совершенно очевидно, почему их следует отвергнуть. Однако бывают и другие фальшивки: требуются годы, чтобы выявить их, да и то только с помощью химических анализов, поскольку это не удастся сделать невооруженным глазом, — так можно ли в подобном случае полагаться на отсутствие «интереса» как стимул для отрицания красоты некоторых работ? Прекрасное заслуживает того, чтобы мы воспринимали красоту непосредственно — помимо всего, что ее «продвигает», и вне влияний со стороны авторских интенций, будь они истинными или обманчивыми.

МУЗЫКА, ЗВУЧАЩАЯ В ДУШЕ

Экономическая сторона дела, карьерные мотивы, польза и выгода, имущественная стоимость и минимальный уровень налогов — вот что в первую очередь занимает и тревожит умы большинства людей, поддающихся влиянию со стороны бизнеса, правительства и даже современных университетов. Однако благодарное понимание картины, поэмы или струнного

квартета поднимает нас над подобными мотивами. Мы можем всматриваться в закат, ощущать грозную пустоту девственной природы или следить взглядом за полетом полевого жаворонка — все эти естественные проявления красоты так же важны для нас, как и творения рук человеческих. В «Основаниях этики» — книге, написанной в 1903 году, ставшей библией для «Блумсберийского кружка» и оказавшей значительное влияние на культурную жизнь своего времени, — Д. Е. Мур отмечает:

И если мы применим этот метод, то станет очевидным, что личные чувства и эстетические наслаждения составляют наибольшие из всех известных нам благ.

Признание, на которое претендуют произведения изящных искусств, может легко стать ущербным, когда художники гонятся за шальными деньгами, занимаясь шукарством, в чем нет и следа красоты. А чистое восприятие природы страдает, когда садящееся солнце загораживают рекламные щиты — и даже закаты оказываются проплаченными.

Во всем этом есть свое противоречие. Да, искусства должны быть в расцвете, а природа пусть будет доступна для созерцания. Людям надо иметь возможность посещать галереи и любоваться пейзажами с бушующим морем. Но для этого необходим и материальный успех, и правильный баланс, хотя дело в данном случае достаточно неоднозначное. Кроме того, не все произведения настоящего искусства воспринимаются как прекрасные. Живопись может отображать ужасы войны, а музыка способна навевать грусть потерянной любви или отчаяние подступающей смерти.

Тем не менее, как ни парадоксально, но если мы говорим о большом искусстве, то красота может таиться в самых безобразных, казалось бы, его темах.

И давайте не забывать о реальности страданий, той реальности, которая пятнает тенью высокое признание красоты. Прекрасное красное солнце рождает закат, под сенью которого миллионы людей проводят жизнь в нищете, боли и безнадежности. Несоответствие это само по себе способно довести до отчаяния. Тем не менее даже в подобной ситуации красота возвышает.

Дань прекрасному важна и по другим причинам. Красота пленительна — и способна увлекать нас, выводя из-под власти всего утилитарного. В данной связи мы должны заметить, что философы-утилитаристы интересуют нас не только как приверженцы всего полезного. Как было показано в главе 15, такие представители утилитаризма, как Джон Стюарт Милль, поощряли людей к достижению процветающей и наполненной жизни, что естественным образом требовало благодарного понимания ценности чистой эстетики с ее бескорыстным признанием всего прекрасного, и ценности сочувствия, и ценности взаимопомощи. Благодарное отношение к красоте — слушаем ли мы «Смерть в Венеции» Бенджамина Бриттена или нас воодушевляет лирика Константиноса Кавафиса — не только поднимает нас над нашими «свокорыстными» интересами, но и позволяет ясно видеть игру нашего воображения и слышать музыку душой. В определенном смысле красота побуждает нас терять собственное «эго» — оно растворяется в музыке души.

Благодарное отношение к прекрасному и полет фантазии наполняют наше повседневное существование

новым светом. Мы начинаем ценить красоту всего простого, быстротечного и даже несовершенного, как в эстетике японского *ваби-саби*. Свежесть наполняет наши отношения. Неслучайно любящие люди часто обнаруживают, как крепнет и ширится их чувство благодаря поэзии, их объединяющей, и музыке, рождающей восхищение, — словом, благодаря способности понимать все прекрасное.

КАК УЗНАТЬ, КОГДА ОСТАНОВИТЬСЯ, ...И ПРИЙТИ К ЗАВЕРШЕНИЮ?

«Все объяснения должны к чему-то приводить». О чем бы мы ни размышляли, наступает момент, когда мы понимаем: убеждения и модели поведения являются тем, что мы принимаем как должное и чему находим воплощение в жизни. Философия побуждает нас искать причины своих действий и основания убеждений, и в процессе этих поисков рождаются новые причины и основания. Однако на определенном этапе мы должны завершить свою работу. Впрочем, сказанное не означает, что все наши усилия, придя к своему завершению, останутся таковыми на веки веков.

ПОЧЕМУ И КАКИМ ОБРАЗОМ?

Мы ищем объяснения тому, как и почему что-то происходило или будет происходить. Если взглянуть на происходящее в масштабе великих событий, то найдется немало людей, которым мысли о Вселенной внушают благоговейный трепет, и люди эти часто упрекают ученых в том, что те готовы объяснять, каким образом что-то происходит, но не могут ответить на вопрос, почему все так и было. Однако подобные требования, в сущности, ложны. Исследователи часто объясняют, отчего случилось то или иное событие, находя соответствующие причины. Восклицания типа «Но почему?» имеют определенную направленность, требуя телеологических объяснений существования

Вселенной. Как было показано во введении к книге, занятия Джоанны джоггингом можно толковать (или кажется, что можно) двояко: телеологическим образом, то есть с позиции конечной цели — девушке хочется прибавить себе здоровья, или с позиций причинно-следственной логики — определенные события, происходящие в нервной системе, заставляют двигаться ноги. Телеологический подход когда-то служил для объяснения, почему случаются землетрясения: боги, вероятно, насылали наказание на людей за дурные поступки. В том же ключе рассматривалось и существование множества различных живых видов: они якобы входили в общий замысел Бога-Творца. Однако в наши дни геологические причины вытеснили телеологические толкования в отношении землетрясений, а эволюционные — в отношении всего живого. Тем не менее даже естественно-научные объяснения в конечном счете упираются в то, что «так уж все устроено». Накапливается энергия деформации... Молекулы реплицируются...

Трудно представить, каким образом ученые могли бы объяснять Вселенную, исходя из предположения, что объяснения не должны порождать дальнейших вопросов. Подобное затруднение, похоже, предоставляет некоторым людям возможность искать общую цель, общий замысел творения за пределами самой Вселенной. Этих людей глубоко удивляет, что в нашей Вселенной могут существовать условия, определившие возникновение разумной жизни. Заявляется также, что будь основополагающие силы и строение Вселенной даже ненамного иными, никакой разумной жизни появиться бы в ней не могло. Вот и получается странная картина: как может существовать Вселенная — если только не возникла она в результате Творения.

ТАИНСТВЕННОЕ ОТСУТСТВИЕ ОБЪЯСНЕНИЙ

Несмотря на то что его считали «философом, опьяненным Богом», Спиноза еще в XVII веке писал:

*...вопросам нет конца: почему же море волновалось? почему человек был приглашен в это время? И, таким образом, не перестанут спрашивать о причинах причин до тех пор, пока вы не прибегнете к воле бога, то есть к *asylum ignorantiae* (убежище незнания)*.*

Мы не должны поддаваться ни убедительному тону современных околонучных спекуляций, ни резонам, приводимым в поддержку идеи Творения. Как нам уже удавалось убедиться, мы недостаточно хорошо понимаем природу сознания. Несомненно, сознание «существует» в нашей нервной системе, но отсюда еще не следует, что оно не может корениться где-то еще, причем радикально иными способами. Даже если пренебречь критическими замечаниями подобного рода, мы вовсе не обязаны принимать как нечто само собой разумеющееся удивление по поводу того, что во Вселенной может существовать разумная жизнь. Удивление это связано с предположением, что, применительно к Вселенной, нам следует говорить о физических возможностях, а также о вероятности и необходимости. Для сравнения, если подбросить монетку наудачу в воздух, то мы интуитивно и *a priori* можем полагать, что вероятны два варианта ее падения, и более того — у нас есть и некий эмпирический опыт, свидетельствующий о том, каким образом падают такие монетки. Однако такой подход не годится для Вселенной, ибо в наших

---

* Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье.

рассуждениях мы имеем дело только с одним, и единственным, вариантом.

Давайте, однако, попробуем представить, что логически возможно и имеет смысл существование бесчисленного множества вселенных. Предположим также, что все они — равновозможны. Допустим теперь, что, сколько бы ни существовало таких вселенных, бытие каждой из них крайне маловероятно и вызывает удивление тем, что в любой могли бы возникнуть существа, обладающие сознанием. Вселенная, состоящая из бесконечного множества неизвестных нам собственных молекул, или вселенная, весьма похожая на нашу, но только с амебной формой жизни, или вселенная в состоянии хаоса — все они должны были бы обладать своими, неповторимыми молекулами, амебами, хаосом. В метафорическом смысле молекулы эти, амебы или хаос в неких вселенных неизбежно предполагают существование космических творцов, художников-дизайнеров бытия, предположительно минималистского толка, как, скажем, Барнетт Ньюман или Марк Ротко, или с творческой манерой более хаотической, как, например, Джексон Поллок.

Даже если мы все же проявим склонность сделать шагок в сторону признания необходимости в творце или в «разработчиках» нашей Вселенной, к чему мы в итоге придем? Если острить по примеру Дэвида Юма, то, поскольку многочисленные человеческие затеи разрабатываются различными комитетами, вероятно, рассуждая по аналогии, должен существовать и комитет богов, разработавший Вселенную, хотя не исключено, что она стала первой неумелой пробой сил божества, еще не вышедшего из младенческого возраста. Ну в самом деле, что мы можем

вывести с помощью дедукции насчет «дизайнеров бытия»? Парадоксально, но факт: хотя аргументация, призванная доказать необходимость существования творца мироздания, признаёт, что все объяснения должны быть конечными, приверженцы таких не смеют заходить далее определенной черты, переступив которую придется спросить, а почему существуют творцы бытия? Признавая необходимость какого-то завершения, поборники подобных доказательств вынуждены признать — все ведет к тому, что за пределами Вселенной нет ничего. И нет ничего особо ценного в том, что Творца Вселенной извлекают из ниоткуда, как фокусник — кролика из собственной шляпы. Так пусть уж лучше Творение и возможные Творцы остаются извечно загадочными. В конце концов, должны же объяснения чем-то заканчиваться.

ВОТ ТО, ЧТО МЫ ДЕЛАЕМ

Изменим великий масштаб и вернемся к нашему обычному языку. Если слова однозначны по смыслу, то должно существовать и нечто общее между предметами и обозначающими их словами. Столы должны иметь нечто общее с тем, что называется «столами», деревья — с «деревьями», а зеленое — с «зеленым». Впрочем, это общеизвестная мысль, одна из тех, с которой начинают свои размышления лингвисты. Тем не менее даже тут можно далеко зайти, как и в случае с аргументацией в пользу творцов Вселенной. Ниже — известный пример из рассуждений Витгенштейна.

Рассмотрим, например, процессы, которые мы называем «играми». Я имею в виду игры на доске, игры

в карты, с мячом, Олимпийские игры и так далее. Что общего у них всех? Не говори «В них должно быть что-то общее, иначе их не называли бы играми», но присмотришься, нет ли чего-нибудь общего для них всех*.

При изучении игр мы сталкиваемся со сложной сетью сходных черт, накладывающихся друг на друга и взаимно пересекающихся. Витгенштейн полагает, что определенные языковые объекты могут иметь черты сходства, как члены одной семьи — похожее телосложение, черты характера, цвет глаз, походку, темперамент.

Однако предположение, что всегда должно быть некое «фамильное» сходство между отдельными лексемами, нечто необходимое по определению и существенное, а также требующее именно такой классификации, необоснованно. Оно заводит нас слишком далеко.

Коль скоро мы говорим о проблемах языка, рассмотрим еще один ошибочный посыл. Подумайте, как мы используем слово «зеленый» в постоянном значении. Чтобы рассуждать последовательно и непротиворечиво, люди должны знать, что имеют в виду, но что именно представляет собой это знание? Что определяет наименование одной вещи в отличие от другой? Эти вопросы подводят к тому, что некоторым из философов представляется серьезной проблемой. В последнее время ею занимался Сол Крипке, интерпретируя идеи Витгенштейна. Иногда в данной связи упоминают головоломку Крипкенштейна.

---

* Витгенштейн Л. Философские исследования.

«И ТАК ДАЛЕЕ», «И ТАКИМ ЖЕ ОБРАЗОМ»

Предположим, ребенок изучает нечетные числа и приводит примеры: 1, 3, 5, 7 — и так далее до 99. Ребенка просят продолжить серию таким же образом. Дитя может подумать, что «таким же образом» намекает на возможность повторить 1, 3, 5, 7 вместо того, чтобы продолжить: 101, 103 и *так далее*. Представим другой случай: ребенок перечисляет все нечетные вплоть до 1000 и даже до 1 000 000, правильно видя в них именно нечетные числа. «Теперь я знаю, что такое нечетное число», — говорит ребенок. Но как он узнал, что именуемые числа были именно нечетными, если в прошлый раз этого сделать не удалось? Что определяет смысл выражения «таким же образом»? Почему человек может понимать «таким же образом» не как «точно так же»? Почему я могу завтра применить прилагательное «зеленый», говоря о траве и о разрешающем сигнале светофора?

Пока мы не рассматривали ни одно слово в том смысле, в каком закрепленное в нем значение могло бы относиться к будущему. Мантры «и так далее» и «и таким же образом» сами по себе оставляют ситуацию открытой. Может быть, мы чувствуем, что в будущее проложены рельсы, по которым мы можем двигаться, не сбиваясь с пути по дороге и сохраняя нужное значение слова, — или же, напротив, мы должны понять, когда следует сойти с них, чтобы найти новое значение. Однако такие рельсы не существуют. Иные из нас способны прибегать к мысленным образам, чтобы определить для себя, какой смысл то или иное слово приобретет в области будущего, но, как было показано в главе 12, любой из таких образов не защищен от интерпретации. Вероятно, парадоксальность ситуации возникает потому, что мы ищем

объяснений, которые, очевидно, нельзя получить. Нам нужно нечто большее, чем констатация того, что, когда мы проецируем свои действия в будущее — скажем, именуя одно за другим нечетные числа или называя зеленым какой-то предмет, — мы обычно подразумеваем нечто относительно для нас определенное. Объяснения же могут последовать в конце. Разумеется, сказанное не исчерпывает все проблемы, одна из которых заключается в том, что некая сила заставляет нас совершать ошибки, когда мы ориентируемся в область будущего смысл какого-то слова.

До сих пор обсуждавшаяся нами проблема была в определенном смысле явлением индуктивного свойства, требуя определить, каким образом мы отделяем то, уже сложилось в наших представлениях, от всего остального. Однако дедукция — дело иное. Верно построенные дедуктивные рассуждения безопасны: если посылки истинны, то истинно и умозаключение. Все это, конечно, так, но возникает вопрос: как установить, какие дедуктивные рассуждения построены правильно, а какие нет? Любая попытка доказать, что такое хорошая дедукция, непременно требует, со своей стороны, дедуктивных рассуждений. Вот еще одна цитата из Витгенштейна.

Исчерпав свои основания, я достигну скального грунта, и моя лопата согнется. В таком случае я склонен сказать: «Вот так я действую»*.

А далее — мораль и благодарность Льюису Кэрроллу и его подходу, правда, высказанная с опозданием более чем на 100 лет. Льюис нужен нам как тот, кто бросает вызов логике — Логсу.

---

* Витгенштейн Л. Философские исследования. № 217.

НЕ СЛИШКОМ ЛИ МНОГОГО ТРЕБУЕТ ОТ НАС ДЕДУКЦИЯ?

Логс предлагает на суд Льюиса очень простое рассуждение:

Посылка 1:	Все мужчины смертны.
Заключение (3):	Сократ смертен.

Льюис здраво указывает на то, что заключение не вытекает из посылки. Льюис прав, предполагая, что должно быть что-то еще, а Логс счастлив восполнить пробел, добавляя следующее:

Посылка 2:	Сократ мужчина.
------------	-----------------

Отличный логик, уверенный в себе, Логс настаивает на том, чтобы теперь-то Льюис согласился с выводом. Однако Льюис хмурится: «Да, я принимаю посылки, но полной уверенности у меня нет. Должен ли я принять и вывод?» «Если все мужчины смертны и если Сократ мужчина, — отвечает Логс, — то отсюда следует, что он смертен». Льюис сверкнул глазами: «Я понимаю — но тут явно другая посылка, — так что, пожалуйста, добавьте аргумент».

Посылка 3:	Если посылка 1 и посылка 2, то заключение 3.
------------	---

«Правильно! Теперь можно принять заключение», — говорит, сияя, Логс. Однако Льюис сопротивляется, отвечая: «Я все еще не совсем уверен». «Медленно думаете, — ухмыляется Логс. — Смотрите-ка, если принять посылки 1, 2 и 3, то заключение 3 должно из них следовать». Льюис вздыхает: «Вижу, тут должна быть еще одна посылка, без которой нельзя прийти к верному заключению. Обозначьте ее, пожалуйста, как посылку 4». И так беседа все длится и длится. Логс

в раздражении вынужден снова и снова продолжать, все пытаясь обосновать дедуктивное суждение очередным «если... то...». Он обязан следовать правилу: «Сначала добавь соответствующее “Если... то...” в качестве посылки с дополнительным условием, каким бы ни был последующий аргумент, — в противном случае нельзя добиться валидности искомого заключения». В итоге никак не получается валидным образом прийти к окончательному верному выводу.

Валидное, или непротиворечивое, дедуктивное рассуждение, в данном случае выступающее в форме *modus ponens*, не может опираться в своем обосновании на добавление все новых и новых посылок. Дело не спасет и заявление о том, что рассуждение построено правильно, потому что оно отвечает правилу *modus ponens**. Льюис может бесконечно озадачивать Логса, требуя от него снова и снова подбирать очередное обоснование. Единственный способ разрешить проблему заключается в том, чтобы признать, что на определенной стадии нельзя ничего добавить. Правда, есть случаи, когда произвольно добавляемый аргумент кажется невалидным, но в действительности является энтимематическим, то есть таким, в котором пропущенная посылка, как предполагается, уже принята как истинная. Мы видели, как это происходит, когда Логс представил посылку 2. Однако ничего более уже не может быть сказано в обоснование аргументации. Она валидна.

В КОРАБЛЕ НА ВОЛНАХ ОТКРЫТОГО МОРЯ

Декарт писал о корзине яблок, среди которых могут быть и подгнившие. Если мы не хотим, чтобы

---

* Правило вывода, оно же — правило отделения, или гипотетический силлогизм. — Прим. пер.

пропали и хорошие яблоки, нам нужно вынуть все из корзины, отобрать только хорошие плоды, а затем сложить их обратно в корзину. Примерно так же обстоит дело и с нашими убеждениями. Образ корзины яблок метафорически согласуется с идеей о том, что существует «скальный грунт», достигнув которого можно «исчерпать все свои основания», и есть предел объяснениям. Даже Декарт не мог подвергнуть сомнению абсолютно все свои убеждения, включая, скажем, и убеждение в том, что противоречия недопустимы. Вероятно, «корзина с яблоками» может служить примером того, как следует обращаться с базовыми представлениями. Но лучший образ того, какова природа наших поисков истины, дает Отто Нейрат: «Мы подобны морякам, которым приходится ремонтировать корабль в открытом море, не имея возможности разобрать судно в сухом доке и перестраивать его, используя лучшие материалы».

Вероятно, в качестве морали, завершающей главу, мы должны в конце концов признать, что у нас есть возможность действовать различным образом и применять разные инструменты, помогающие нам понять, какие из наших представлений особенно хороши для ремонта корабля. «Инструменты» — вероятно, самый подходящий термин для обозначения того, что мы в ином случае могли бы назвать «основополагающими убеждениями», имея в виду, каковы на деле обоснованные объяснения и правильно построенные дедуктивные рассуждения. И об этих базовых убеждениях — наших инструментах познания — более ничего и не скажешь, если только — или до тех пор пока — мы завтра не проснемся с новым взглядом на мир и новым пониманием того, что мы будем в нем делать.

КАК ПРИДАТЬ ЖИЗНИ СМЫСЛ И НЕ КАТИТЬ ВАЛУНЫ БЕСЦЕЛЬНО?

В мифе о Сизифе боги приговорили несчастного к наказанию — он должен вкатить огромный тяжелый валун на вершину холма. Но камень постоянно скатывался вниз, и в результате Сизифу приходилось снова и снова начинать свой труд. Его задача выглядит бессмысленной. Мы тоже можем страдать, ощущая тщетность своих усилий. Даже когда нам удастся вкатить свой камень на вершину, нас мучает предчувствие новых жизненных трудностей. И мы знаем: когда мы уйдем, другим придется вступить в борьбу, а затем наступит день, когда всех не станет. Но даже если ничего не преодолевать, а просто пребывать в довольстве — какой в этом смысл?

ВЕЧНОСТЬ НИЧЕГО НЕ РЕШАЕТ

«В чем смысл?» — вопрос этот время от времени встает перед каждым из нас. Конечно, мы можем определять смысловые моменты в виде целей и задач, но только в пределах собственной жизни. Цель образования — получить диплом или ученую степень, найти достойную работу, устроить хороший дом, купить быстрый автомобиль, завести детей и проводить отпуск за границей — словом, приобрести нечто большее, чем очередную порцию выпивки. Смысл его жизни может быть в ее жизни, а смысл ее жизни — в его, но тут возникает логический круг, и мы уже не знаем, как ответить на вопрос, в чем смысл их совместной

жизни. Так что же такое жизнь, целиком наполненная смыслом? И если уж мы занялись вопросами, касающимися «смысла», то как не почувствовать, что без ответов на них хорошей жизни не будет. Иные из нас поворачиваются лицом к Богу, уверовав, что наше существование есть часть грандиозного плана, однако само по себе душевного покоя это не обещает. В день «Славного двенадцатого»^{*} открывается сезон охоты на куропаток, и куропатка в данном смысле есть часть великого плана, но этот план в конечном счете не приносит ничего хорошего ни одной куропатке.

Если мы вправе спрашивать «В чем смысл?», то мы можем задать тот же вопрос и относительно Божьего плана, касающегося любой загробной вечной жизни. Или, как заметил Витгенштейн:

Временное бессмертие человеческой души, означающее, следовательно, ее вечную жизнь даже после смерти, не только ничем не гарантировано, но, прежде всего, это предположение не выполняет даже того, чего с его помощью всегда хотели достичь. Решается ли какая-либо загадка тем, что я вечно продолжаю жить? Не является ли потому эта вечная жизнь настолько же загадочной, как и настоящая?***

Если исходить из того, что потустороннего существования нет, то и наши задачи, в отличие от Сизифова труда, не бесконечны и не бессмысленны, а когда, умирая, мы завершаем земную жизнь, включая нашу

* Празднуется в ознаменование победы ирландцев-протестантов над ирландцами-католиками в битве на реке Бойн в июле 1690 года. — *Прим. пер.*

** *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. Пункт 6.4312.

ежедневную работу, домашние и семейные дела, а также все остальное, нам остается передать эстафетную палочку детям, а они в свою очередь передадут эстафету нашим внукам. Правда, тот факт, что нашу жизнь мы разделяем с другими людьми, сам по себе еще не добавляет ей смысла, если только мы не черпаем его в отношениях с окружающими, — однако в подобном случае мы просто минуем вопрос о том, что и как порождает смысл жизни.

ЦАРЬ ЦАРЕЙ

В сонете «Озимандий» П. Б. Шелли рассказывает о страннике из старинных краев, наткнувшемся в своем путешествии на полуразбитую статую с поврежденным лицом:

*Держал сей странник путь издалека.
Он молвил мне: там, меж пустынь, вдали,
Лежит обломок статуи. Песка
Наполовину волны занесли
Растрескавшийся лик; но свысока
На мир сей продолжает он взирать.
Холодный пламень царственных очей
Сумел ваятель в камне передать.*

*И молвят горделивые руины:
«Мне имя – Озимандий, царь царей.
Мои деянья зрите, властелины!»*

*Но нет в пустынном мире никого.
И лишь одни бескрайние равнины –
Величия свидетели его*.*

---

* Перевод Д. Винсачи.

Вот и все, к чему привела попытка царя царей обесмертить свое имя. Но даже если бы затея эта увенчалась успехом, мы все равно могли бы спросить, каким образом посмертная слава придает смысл жизни. В конечном счете наша жизнь — и не только в ее посмертной славе, пусть даже и вечной, — не в силах отразить угрозу лишиться смысла. Похоже, сама наша природа служит источником того, что питает эту угрозу. Философ и певец пессимизма Шопенгауэр, как язвил Ницше, поиграв после обеда на флейте, пускался в доказательство того, что, устремляясь к чему-либо, мы обретаем в итоге только глубокое разочарование, ибо не в состоянии обрести желаемое. Однако стоит нам получить то, чего так хочется, и вот мы уже скучаем и потому бросаемся искать что-то еще, а затем снова терпим неудачу или впадаем в тоску.

Можно ли преодолеть то отношение к бессмыслице бытия, которое было свойственно Шопенгауэру? Да. Во-первых, следует признать: не стоит так уж огорчаться из-за того, что в жизни не все возможно. Можно загнать себя в тупик безутешности, если постоянно думать, что одна высшая ценность непременно сменяется другой, а конец всему очевиден.

Во-вторых, желательно поразмыслить и о том, почему мы делаем то, что мы делаем. Некоторые вещи имеют для нас только инструментальную ценность: ни одно из них не является самоцелью. Другие вещи обладают для нас самостоятельной ценностью: они важны сами по себе и заслуживают того, чтобы их желать. Они-то и придают смысл нашим действиям. Более того, само многообразие наших действий, в отличие от монотонного повторения усилий Сизифа, несет в себе внутреннюю ценность. Как и в случае с объяснениями, смысловые моменты должны

обладать завершенностью. Одна из ключевых идей философии заключается в том, что ключевые идеи могут обретать завершенность, не утрачивая своей ценности.

АБСУРД И ВНУТРЕННЯЯ ЦЕННОСТЬ

Сады прекрасны в летнюю пору расцвета; ребенок играет на пианино свою первую простенькую пьесу Баха, и обед, с таким старанием приготовленный Эвелиной, отменно хорош и радует всех за столом. Да, конечно, цветы увядают, подростки бросают игру на пианино, и всякий обед когда-то оказывается съеденным. Но даже если все так и обстоит, мысль об этом не должна умалять ни цветения, ни фортепианной игры, ни обеда, где Эвелина была хозяйкой, ни борьбы за то, чтобы все это состоялось, как и многое другое. Такая борьба и плоды наших усилий — вот что придает смысл жизни.

Бывает так, что средства достижения цели ценны для нас потому, что позволяют добиться чего-то желаемого, хотя порой цель и средства, ведущие к ней, как будто тесно сплетаются, становясь еще более значительными. Ценность экзаменационной отметки, чувственной любви, даже обычного завершения работы над книгой — все это частично обусловлено тем, что мы достигаем определенного результата. Просто «нажать на кнопку», чтобы успешно пройти тест, или поймать оргазм, или пробежать глазами книгу — все это не дает того, что нам в действительности нужно. Конечно, человеческие достижения, выглядят ли они великими или не очень, могут казаться мельчайшими крупичками в сравнении с масштабом Вселенной. Мы способны рвать и метать, надуваться от гордости или раздражаться, тосковать и мучиться по поводу

происходящего в нашей повседневной жизни, но в отдаленной перспективе, с *точки зрения Вселенной*, какими ничтожными, абсурдными и самонадеянными кажутся наши поступки! Впрочем, если позволить себе немного сострить, то размер в данном случае — это еще не все, если не вовсе — ничто.

«В чем главный смысл философии?» Ну, в определенном смысле философия выводит на передний план то, что мы уже знаем. Но прежде всего она напоминает нам, что всякая деятельность обязана иметь смысл — она должна быть наполнена смыслом настолько, что иного смысла уже не нужно. Философия также учит, что вещи, исполненные смысла, не следует рассматривать как перманентные, вечные или великие. Внутренняя ценность философии — в размышлении, и, размышляя, мы сталкиваемся с несоответствием между потугами рассматривать происходящее во вселенской перспективе и необходимостью здраво судить о наших житейских заботах — хороша ли у нас прическа, состоится ли свидание, было ли настоящим шампанское.

НЕ БРЕДИТЕ, КАК ЛУНАТИКИ, ПО СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Как говорил Сократ, непонятая жизнь не стоит того, чтобы ею жить. Однако идея не в том, чтобы вечно держать экзамен жизни и благодаря этому привносить в нее смысл. Есть немалая ценность и в том, чтобы, теряя себя, погружаться во внутренний опыт, например в искусстве или в любви, и не стремиться думать о чем-то ином. Рефлексия ценна и особенно желательна для того, кто бредет по жизни, как лунатик, или готов предаться грезам с помощью «машины ощущений» Нозика, описанной в главе 33.

Рефлексия помогает нам обретать смысл жизни, объединяя события, происходящие в ней, различные позиции и подходы, наши огорчения и надежды. Конечно, некоторые из нас предпочитают наслаждаться счастливой возможностью делать неожиданные открытия и существовать в калейдоскопе перемен, где как будто нет единого стержня. Наслаждаться? Кажется, тут что-то отдает гедонизмом с его преходящими удовольствиями. Однако наполненная жизнь, пожалуй, определяется не щекочущими забавами подобного рода, но тем, что истинно ценно. Да, в такой жизни есть место и для чувственных радостей и ласк любимой, как и для красоты, запечатленной в архитектурных формах, однако настоящая жизнь включает и борьбу за то, что верно и значимо — как для вас, так и для других людей. Именно так мы и можем наполнить смыслом нашу жизнь — как и жизнь других людей.

Жан-Поль Сартр особо подчеркивал, в какой мере мы должны быть взыскательны к выбору наших ценностей и всего, что обретает для нас свой смысл. Однажды в сороковые годы, в период немецкой оккупации, он разговаривал со студентом. Тот мучительно разрывался между стремлением бежать в Англию и примкнуть к силам Свободной Франции — и необходимостью оставаться в Париже и присматривать за своей матерью. Мать была в отчаянии: старшего сына убили. Студент сочувствовал матери, но хотел и отомстить за смерть брата. Совет, который он мог бы получить у Сартра, не мог не быть противоречивым, но даже если предположить, что все противоречия оказались бы сняты, только сам молодой человек был способен решить, как ему поступать. «Вы свободны, — утверждал Сартр, — и потому выбираете:

изобретаете, так сказать, жизненный путь». Позиция Сартра не потеряла бы смысла, даже если бы мы жили в абсолютно детерминированной реальности: все равно студенту пришлось бы выбирать — остаться или нет. И позиция, о которой мы говорим, сохраняла бы правильность даже в том случае, если бы мы оказались на месте Авраама, услышавшего голос «ангела», и от нас требовалось бы принести в жертву сына. Все равно мы можем сопротивляться — задавая себе вопрос, а насколько ангельский голос заслуживает доверия.

Можно совершать свой выбор и подбрасывая верх монетку, однако уж очень это тривиально, а решение отдается на волю случая. Слепой выбор не оставляет места для исследования причин, однако рассмотрение вариантов помогает высветить возможные последствия и увидеть свои действия в новом свете. Тот же студент, оставаясь с матерью, может после многих размышлений, рассмотрев положение дел и заглянув в свое сердце, вдруг увидеть себя, как в зеркале, в обличье труса — труса, пасующего перед язвительными замечаниями товарищей. Но может и бесстрашно встретить подобные обвинения с высоко поднятой головой.

В поиске истинных ценностей мы обретаем самих себя: есть вещи, значащие для нас более любых других, но все же мы сопротивляемся необходимости совершать трудный выбор, хотя, выбирая, мы творим самих себя. Как мы видели в главе 28, понимание того, что является аутентичным, неподдельным, требует отрицания любого самообмана, всего того, что Сартр называет *mauvaise foi*. Нечестность, или самообман подобного рода, возникает и тогда, когда, например, мы заявляем, что должны делать то-то

и то-то в силу полученного нами воспитания, или по Воле Божией, или по распоряжению властей... Или просто потому, что мы — люди подобного сорта.

ОФИЦИАНТЫ И СОВА

Сартр пишет о некоем официанте, работающем в кафе:

Его движение — живое и твердое, немного слишком точное, немного слишком быстрое; он подходит к посетителям шагом немного слишком живым, он наклоняется немного слишком услужливо, его голос, его глаза выражают интерес слишком внимательный к заказу клиента... Все его поведение нам кажется игрой... Он играет, он забавляется. Но в кого, однако, он играет? ...он играет в бытие официанта в кафе*.

Но официанту Сартра незачем погружаться в самообман. Возможно, его действия проникнуты иронией, и, вероятно, он посмеивается, не выходя из роли, которую он сам — и все мы — играет в жизни. Устанавливая внутреннюю дистанцию между собой и миром, пытаясь взглянуть на окружающее в масштабе Вселенной, мы мучительно ощущаем собственную ничтожность, хотя чувство «отстраненности» и помогает нам в жизни. Ирония и игра ценны сами по себе, а несообразность закономерно вызывает улыбку.

Но прежде, чем улыбнуться, и после того, как улыбка угаснет, мы можем жить в плену меланхолии. Мы же знаем, что жизнь полна разочарований, в ней есть место страданиям. Сколько бы заботы мы ни проявляли

---

* Сартр Ж.-П. Бытие и ничто.

по отношению к другим, но, сидя в баре и отправившись в оперу, мы легко забываем о том, что где-то есть обездоленные.

Как писал датский экзистенциалист XIX века Сёрен Кьеркегор, «жизнь идет вперед, но понимаем мы ее с опозданием». Устремляя взгляд в будущее, мы должны совершать свой выбор, в зависимости от которого наша жизнь принимает те или иные формы в настоящем. Как нам интерпретировать свое прошлое — это отчасти зависит и от того, что нам видится в будущем. То, что кажется нам теперь дурными действиями, в ретроспекции порой выглядит как явный успех. Пока мы не ушли из жизни, мы сохраняем способность видеть вещи в широком охвате. Мы ищем в своей жизни новые направления, пытаемся компенсировать ошибки прошлого, предлагаем свое понимание того, что делаем. Но жалит мысль о том, что однажды мы умрем, или, как холодно и мрачно заметил Сартр, «станем добычей живых» — всех других. Мы бессильны перед тем, что другие присвоят плоды нашей жизни. Несмотря ни на что, мы перед смертью все же можем взглянуть на себя глазами других.

...а что, как и в самом деле вся моя жизнь, сознательная жизнь, была «не то». Ему пришло в голову, что то, что ему представлялось прежде совершенной невозможностью, то, что он прожил свою жизнь не так, как должно было, что это могло быть правда*.

Так размышляет перед смертью Иван Ильич, и, возможно, в описании его страданий Лев Толстой, стремясь передать способность человека

---

* Толстой Л. Смерть Ивана Ильича.

к самоотстранению, заходит слишком далеко. Однако наша способность к рефлексии и стремление к лучшей жизни — истинно человеческие черты.

Гегель, сравнивая мысленно философию с мудрой совой, подметил:

Сова Минервы расправляет крылья с наступлением сумерек.

С приближением смерти, когда наступают сумерки нашей жизни, некоторые из нас могут почувствовать, что приходит и последнее осознание жизни. Однако, несмотря на философские размышления или благодаря им, многие люди тем не менее сохраняют ощущение жизни как чего-то таинственного и подернутого дымкой меланхолии. Мучения и смерть приводят нас в отчаяние — но мы страдаем также от ежедневных мелких вторжений в нашу жизнь, от необходимости платить по счетам за коммунальные услуги и делать рутинную работу или срывать с места. Впрочем, нам нельзя терять из виду перспективу. Так воспользуемся же целительным средством Дэвида Юма, коль скоро, приводя нас в смущение, горизонт застит мгла философии.

К счастью, если разум не в состоянии рассеять эту мглу, то для данной цели оказывается достаточной сама природа, которая исцеляет меня от этой философской меланхолии, от этого бреда, или ослабляя описанное настроение, или же развлекая меня с помощью живого впечатления, поражающего мои чувства и заставляющего меркнуть эти химеры*.

---

* Юм Д. Тракат... Глава VII. Заключение [к главе].

Впадая в отчаяние, мы должны напомнить самим себе, как возвышает душу пленительная музыка. Такие чувства, как переживание таинства, благоговейный трепет, религиозное преклонение, доступны не только верующим, но и неверующим гуманистам. Мы способны открывать смысл в цветении нарциссов, в скромных дарах, преподносимых с глубоким пониманием, а также в полных неожиданных поворотов, юмора и красоты беседах с друзьями на лоне природы, под закатными лучами солнца и с бокалом вина в руках. А когда все уже сказано, особенно ясно понимаешь всю правоту Людвиг Витгенштейна, однажды заметившего:

О чем невозможно говорить, о том следует молчать*.

---

* Витгенштейн Л. Логико-философский трактат.

ГЛОССАРИЙ

Caveat emptor! «Пусть покупатель будет осмотрителем!»* Описания, приведенные ниже, просто индикативны. За каждым термином — сотни тысяч слов, порожденных философскими поисками.

Абсурдность

Термин, ассоциируемый с идеями экзистенциалистов, заявлявших, что разновидности нашего фундаментального выбор абсурдны, то есть лишены оснований. Иногда это же понятие используется расширительно как указание на «противоречивость».

Апостериори и априори (a posteriori и a priori)

Как вы можете узнать истину? Апостериорные истины суть те, что постигаются только через опыт. Априорные истины суть те, что мы получаем независимо от опыта; их может породить только разум.

Аргументация

Философская аргументация, или доказательство чего-либо, — это не физические бои (по крайней мере иногда), а рассуждения, состоящие из посылок и умозаключений. Посылки создают основание для принятия заключения. Рассуждение может быть дедуктивным истинным, если заключения, или выводы, логически следуют из посылок. Однако посылки могут создавать и неполные основания для заключений, например в индуктивных рассуждениях.

Аристотелизм

В этике — теория, выделяющая важность личных качеств, или «добродетелей», человека, необходимых для достижения процветающей жизни. Если у нас есть черты характера,

---

* Качество на риске покупателя (юридический термин). — *Прим. пер.*

предрасполагающие к проявлению таких качеств, как честность, доброта, справедливость и так далее, то мы с большей вероятностью можем рассчитывать на хорошую жизнь. Этот подход известен и как теория добродетели, или неоаристотелизм.

Бихевиоризм и функционализм

Наше поведение во многом определяется психологическими состояниями окружающих. Бихевиорист видит в психологических состояниях отражение поведения человека и готовности поступать определенным образом. Развиваясь, бихевиоризм перешел в функционализм, где психологические состояния суть не более чем каузальные роли состояний, от которых зависят наши поступки и другие психологические состояния.

Дедукция

Рассуждение, в котором заключение должно логически следовать из посылок. Если так и происходит, то рассуждение верно (валидно) в дедуктивном отношении. Если, в добавление к этому, посылки являются истинными, то рассуждение считается «здравым».

Действие

Событие, производимое кем-то с определенным намерением; часто противопоставляется какому-то движению или реакции, неподконтрольным человеку, например судороге или внезапному румянцу.

Деонтология

Теория, согласно которой наш моральный долг не зависит от последствий: обещания, например, следует выполнять, даже если последствия могут быть дурными.

Детерминизм

В сущности, смысл в том, что все события имеют причины. Подобное предположение как будто подрывает принцип свободы воли, но см. «компатибилизм».

Импликация

Начальные утверждения (посылки) подразумевают необходимость в дальнейших утверждениях или влекут их за собой,

при том что вторые необходимым образом вытекают из первых. В этом смысле «импликация» — определенная связь между утверждениями. Генриетта заслуживает наказания, и это подразумевает, что она совершила нечто дурное.

Индукция

Рассуждение, в котором мы следуем от частных фактов к общим заключениям, выходящим за рамки отдельных фактов и не являющимся гарантированно истинными. Вплоть до настоящего дня вода, как показывали наблюдения, всегда замерзала при низких температурах; индуктивное рассуждение приводит к выводу о том, что даже вода, существующая вне сферы наблюдений, замерзает при низких температурах.

Интенциональность

Направленность психологических состояний — таких, как верования, убеждения и предположения, надежды и, наконец, интенции (смысловая направленность суждений, возникающая под влиянием тех или иных намерений). Подумайте над *убеждением*, что Джон Мейнард Кейнс был великим экономистом. Интенциональное содержание данного убеждения заключается в предположении, им представляемом, а именно: Кейнс был великим экономистом, где в роли интенционального объекта — Кейнс. Вероятно, мало есть психологических состояний, которые не были интенциональными. Например: «Я чувствую себя подавленным, но особого повода для этого нет».

Интенция (интенционал) / экстенция (экстенционал)

Дополнительные условия, ассоциируемые со словами и влияющие на лексический смысл. То, что изначально «назначено» слову, есть экстенция (экстенционал). Напротив, имя «Обама» может быть теперь условно связано с пребыванием человека на посту президента США, и в таком случае мы имеем интенцию (интенционал). Пример экстенции в данном случае: человек во плоти (человек как таковой).

Картезианский дуализм

Декарт доказывал, что есть два типа сотворенных субстанций: материальная и нематериальная. Если мы считаем человеческое существо чем-то единым и обладающим своим

физическим размером и своими психологическими свойствами, то Декарт полагал, что природа человека имеет двойкий характер, объединяя тело и нематериальный дух, или разум.

Категориальная ошибка

Термин ввел Гилберт Райл, обвиняя Декарта в ошибочном понимании разума как чего-то, что принадлежит к той же общей категории «субстанция», что и все материальное, с тем исключением, что разум, или сознание, не является материальным объектом и не существует в пространстве-времени.

Компатибилизм

Применительно к проблеме свободы воли данное философское направление считает свободу воли и детерминизм сочетаемыми и могущими существовать совместно. Даже если все наши действия обусловлены причинно-следственным образом, мы все равно можем действовать, проявляя свободу воли.

Консеквенциализм

Теория, существующая в области морали и предполагающая, что правильность действий обусловлена только последствиями действий.

Контрфактуальные суждения

Условные суждения (см. соответствующую дефиницию) с антецедентами, являющимися ложными. Рассмотрение подобных суждений обычно касается тех, в которых антецеденты, как предполагается или известно, ложны.

Личность

Философы часто используют этот термин, применяя его к индивидуумам, обладающим чувством самодостаточности в отношении к будущему. Некоторые животные, не являющиеся человеческими существами, возможно шимпанзе или дельфины, обладают личностью, однако некоторые человеческие существа личностью не обладают, например люди, постоянно находящиеся в вегетативном состоянии.

Логика

Наука верных доказательств. Учит понимать, какие формы рассуждений правильны в том смысле, что если посылки

истинны, то и выводы должны быть истинными (в случае дедукции) или, по крайней мере, посылки должны подводить к истинным выводам (в случае индукции).

Ложные аргументы

Плохие доказательства. Ошибочность возникает следующим образом: если p , то q , q , следовательно, приходим к p . Если королева улыбается, то она счастлива. Она счастлива, поэтому улыбается. Нет, она может быть счастлива, и не улыбаясь. Другая ошибка: *post hoc ergo propter hoc* (после этого, значит, по причине этого). Если дождь пошел после того, как я помолился, отсюда еще не следует, что дождь начался, потому что я об этом молился.

Метафизика

Изучение высшей природы реальности. Одна, и значительная, составная ее часть — онтология, или наука о бытии. Существуют, скажем, люди, дикобразы, все пурпурное, протоны и простые числа. Можно ли полагать, что все эти понятия относятся к одному, базовому, типу феноменов — или их сущность требует подразделения на два или более различных типа, например — явления физические и психологические?

Модус поненс (*modus ponens*)

Валидная форма дедуктивного рассуждения. Если p , значит, q ; p : следовательно, q . Например: «Если Пьер приобретает эту книгу, то делает хорошую покупку. Пьер покупает эту книгу. Значит, он делает хорошую покупку». Если же посылка ложна, то ложным будет и вывод.

Модус толленс (*modus tollens*)

Еще одна валидная форма дедуктивного рассуждения. Если p , тогда q ; не q , значит, не p . Если Пьер приобретает эту книгу, то делает хорошую покупку. Пьер не делает хорошую покупку. Значит, он не приобретает эту книгу.

Объективность и субъективность

Объективные истины таковы независимо от того, что люди думают или чувствуют по отношению к ним. Субъективные истины зависят от того, что люди думают или чувствуют по отношению к ним.

Очевидные (самодостаточные) истины

Истины, которые не могут быть ложными. Есть и очевидные ложные истины, известные также как «противоречия». Очевидно, что число девять больше числа семь. В дефинициях очевидные истины обычно присутствуют в такой, например, форме: лисица — женская особь из породы лис.

Парадокс

Парадокс возникает в случае, когда мы строим безусловно верное рассуждение, приходя, однако, к заключению, которое кажется явно ложным. Зенон Элейский подобным образом доказывал, что любое движение иллюзорно.

Права

Если рассматривать этот вопрос в рамках морали, то разговоры, что вы обладаете некими правами, знаменуют существование явной и твердой почвы для утверждения, что было бы неправильно с чьей-то стороны покушаться на вашу собственность (в широком смысле слова) или на ваше стремление чем-то обладать.

Презентизм

Метафизическая доктрина, в соответствии с которой бытием обладает только то, что существует в настоящем времени. Ей противоположна теория этернализма (см. соответствующую дефиницию).

Противоречия и противоположности

Противоречие возникает тогда, когда два утверждения не могут быть одновременно оба истинными или оба ложными. Два утверждения могут быть противоположными, но не противоречащими друг другу. Этот отпечаток синий, и этот отпечаток желтый — «противоположные» суждения. Оба могут быть ложными: отпечаток не обязан быть ни одного цвета, ни другого.

Разговорные импликатуры

Когда студент спрашивает, каков отзыв на сделанную работу, преподаватель может прийти в смущение и заявить: «Ну, текст напечатан хорошо». В логическом отношении это не значит, что работа плохая, но подобная идея выражена. Вот это и есть пример разговорной импликатуры.

Разграничение смысла/значения

Между «кошкой» и кошкой есть большая разница. Первое существо — пушистое и мяукающее, если только не чинить ей вреда, а вторая сущность состоит из пяти букв. Мы можем пользоваться словами, передавая, что происходит в окружающем мире, однако когда мы имеем в виду именно слова, то и говорим только о словах.

Разграничение типов/токенов

Сколько слов в данном предложении являются на деле словами? Если ваш ответ «девять», то вы считаете каждый токен. Если — «восемь», то вы считаете типы. «Слова» появляются в предложении дважды, то есть дважды проявляет себя один и тот же тип. Каждое ментальное событие, то есть каждый токен, может быть идентичен физическому событию, однако тождества между типами ментальных событий и типами физических может и не быть. В теории тождества так возникают различия между неодинаковыми типами.

Рекурсивная (возвратная) ссылка

Возникает, когда ссылка относится к себе самой. Иногда служит источником многих парадоксов. Классический пример: когда некто заявляет «Я лгу», смысл высказывания зацикливается на себе и явно ведет к противоречию. Однако утверждение «Это предложение написано на русском», хотя также и «зациклено» на самом себе, но логической проблемы не порождает. Однако действительно ли второе утверждение зациклено на самом себе? Смысл, выражаемый предложением, или содержащееся в нем высказывание, действительно говорит что-то о предложении, однако само высказывание не является тавтологическим. В данной связи может возникать немало сложностей.

Релятивизм

Определенная философская позиция, согласно которой проявления, принимаемые нами за объективные истины морали, фактически зависят от культурных и социальных норм или от обстоятельств.

Свобода воли

Индивидуумы обладают свободой воли. Такие заявления часто звучат, когда людей в тех же самых обстоятельствах

принуждают к чему-то противоположному. В подобных обстоятельствах свобода воли и детерминизм становятся несовместимыми.

Скептицизм

Этот термин обычно используется, когда люди сомневаются в возможности существования определенных знаний в той или иной области.

Телеология

Нередко мы объясняем события действием определенных причин, или, в метафорическом смысле, некими импульсами, толчками. Телеологические объяснения идут до конца: «телос», или завершение как искомый результат, — в метафорическом смысле есть подтягивание чего-то к завершению, к окончательному результату.

Теория тождества

Теория, согласно которой психологические состояния идентичны физическим: в огрубленном виде — сознание есть мозг.

Тождество неразличимых

Лейбниц выдвинул предположение, что если два как будто непохожих объекта обладают одними и теми же свойствами и отношениями, то они в действительности представляют собой не два объекта, а один.

Условия необходимые и достаточные

Условия, необходимые для приложения концепции к действительности; в совокупности дают возможность использовать ее на практике. Рассмотрим, можно ли считать Хиггса убийцей. Необходимое условие: факт установленной смерти. Дополнительные необходимые условия: Хиггс убивал, причем поступал так преднамеренно. Действия его противозаконны, следовательно, оба условия в сочетании друг с другом суть необходимые и достаточные, чтобы классифицировать убийство.

Условные истины

Истины, которые могут быть и неистинными. Условные истины противоположны очевидным истинам (см. соответствующую дефиницию).

Условные суждения

Типичная форма условных предложений — «Если... то...». «Если она придет, то будет рада». Суждения подобного рода не должны связываться с будущим. Если число четное, то оно есть сумма двух простых. Первая часть условного утверждения — это «антецедент», вторая — «консеквент».

Утилитаризм

Моральная доктрина консеквенциализма. Хороший поступок — тот, который ведет или может вести к наибольшему счастью для наибольшего числа людей. Мысль эту особенно последовательно проводили в жизнь Джереми Бентам и Джон Стюарт Милль. Разумеется, многое зависит еще и от того, что именно считать счастьем.

Физикализм

Согласно этой теории, то, что существует как физическое состояние, ничем иным быть не может. В частности, это положение служит для доказательства того, что психологические состояния суть не более чем состояния, типичные для нервной деятельности. Когда наука стала описывать окружающий мир, прибегая к теории атомов как материальных частиц, философы принялись говорить о «материализме».

Экзистенциализм

Отношение к жизни, в котором особое значение придается важности личности — ее взгляду на мир и необходимости совершать свой выбор, опираясь на собственные ценности.

Элиминативизм

Теория сознания, относящая наше понимание верований, желаний, надежд и тому подобные психологические состояния к народной психологии; однажды ее полностью вытеснят чисто неврологические знания.

Эмпирический

Относящийся к опыту, основанному на контакте с окружающим миром и повседневной жизнью, а также на экспериментальной деятельности или, например, слушании сводки новостей.

Эпистемологический

Относящийся к знанию и убеждению; подразумевает, как мы представляем себе мир и что можем о мире сказать.

Этернализм

Позиция, согласно которой прошлое, настоящее и будущее времена существуют в равной мере и каждое так же реально, как и остальные. Прошлое, настоящее и будущее как состояния суть сегменты временной протяженности, существование которой соотносится с тем, где мы находимся.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научно-популярное издание

РАЗУМНЫЕ ИГРЫ

Питер Кейв

**КАК ПЕРЕХИТРИТЬ АРИСТОТЕЛЯ
И ЕЩЁ 34 ИНТЕРЕСНЫХ СПОСОБА ПРИМЕНЕНИЯ ФИЛОСОФИИ**
(орыс тілінде)

Директор редакции *Е. Капъёв*
Ответственный редактор *Ю. Лаврова*
Выпускающий редактор *В. Иванова*
Художественный редактор *П. Петров*

В оформлении переплета использованы иллюстрации:
hombre, Olga Zakharova, Dwi Susilo / Shutterstock.com
Используется по лицензии от *Shutterstock.com*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндүрүш: «Э» АҚБ Бастасы, 123308, Мәскеу, Ресей. Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251-58-12 ян. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтыта Өндүрүш «Э»

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:

142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.: +7(495) 411-68-59, доб. 2115/2117/2118; 411-68-99, доб. 2762/1234.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндүргөн мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 10.11.2015.

Формат 60x90^{1/16}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,0.

Тираж 3 000 экз. Заказ 8562

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-73765-9

9 785699 737659 >

В электронном виде материал доступен на мониторе
кликнув на www.litres.ru

ЛитРес:
ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА

Слово «философия» вызывает у вас скуку и зевоту, а в голову приходят только образы бородатых мужчин в тогах или медитирующих йогов? Но философия – это гораздо интереснее и актуальнее, чем нудные рассуждения длинной в тысячу страниц!

Из нашей книги вы узнаете о жизни, любви и смерти, базовых принципах логики и побываете в царстве загадочного и непознанного. 35 небольших глав помогут вам не только понять смысл жизни, но и выигрывать в спорах, отделять правду от лжи и распутывать самые сложные загадки.

- **КАК ПЕРЕСТАТЬ БОЯТЬСЯ ЗЛОГО ГЕНИЯ?**
- **КАК ПРИДАТЬ ЖИЗНИ СМЫСЛ?**
- **КАК СТАТЬ УЧЕНЫМ-ФИЛОСОФОМ, И ЖЕЛАТЕЛЬНО – НЕПЛОХИМ?**
- **КАК ПРОСНУТЬСЯ ГИГАНТСКИМ НАСЕКОМЫМ?**
- **КАК СОБЛАЗНИТЬСЯ ЛОГИКОЙ?**
- **КАК ВЫТЕРПЕТЬ ТО, ЧТО КАЖЕТСЯ НЕСНОСНЫМ?**
- **КАК ПЕРЕБОРОТЬ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ?**

ПИТЕР КЕЙВ преподает философию в открытом университете Великобритании, выступает с публичными лекциями во многих странах мира. Возглавляет Британскую гуманистическую ассоциацию, регулярно участвует в публичных дискуссиях по философским, религиозным и политическим вопросам, активно занимается философией повседневной жизни.

**Разумные
Игры**

